

ИЗМЕНА: мы *Дальше*

НЕ МОЙ

Мой муж мне изменил, да с кем, со своей подчиненной, наглой девицей лет двадцати. Я увидела их и показалось — меня больше нет, я умерла в этот момент. И если бы не мой прекрасный и горячий босс, я бы и не пережила. Но он растопил мое замерзшее сердце, залечил мои раны и вернул меня к жизни. И все это — посреди зимы!

Глава первая

Драцена умерла.

Та самая, моя любимая, которую Виталик подарил на наш пятилетний юбилей. Он всегда был немножко выпендренчиком, мой любимый муж, но не так, что б на последние деньги — сто роз, а потом кушать нечего, нет. Он был очень хозяйственным и в тот день приволок мне в подарок заморыша в деревянной кадке.

— Вот, Алинка! Это тебе! Почти бесплатно досталась! — Его физиономия под челкой русых, плохо подстриженных волос, аж лучилась счастьем — сэкономил! Урвал! Добытчик!

Хотелось выдрать эту недопальму из горшка и гонять дорогого супруга по всей квартире, лупася его по чему ни попадя, но я сдержалась. Хорошие девочки не лупят мужей выдранными из кадки пальмами, даже если очень-очень хочется, а от ярости застит глаза.

— Спасибо. Она чудесна! — я попыталась улыбнуться. Так реагировать было правильнее. Хотя пришлось сделать над собой неимоверное усилие, но видимо, его не хватило и Виталик все таки догадался что с подарком немного... Не угадал.

Он был умным, мой нелепый, нескладный муж, умным и нежным, это перевешивало все. Он тогда быстро отобрал дурацкую пальму, засунул ее в уголок, а меня подхватил на руки и унес в постель, где долго, очень долго и нежно всячески утешал. Утром пальма уже не казалась такой дурацкой, а когда вернувшийся от бабушки трехлетний Андрюша с восторгом начал носиться вокруг нее, я и вовсе растаяла. Ну, пальма так пальма, все лучше, чем деревянный половник для варенья, которым осчастливили на деревянную свадьбу одну из коллег.

Драцена за прошедшие три года изрядно позеленела, разрослась, перекочевала в кадку побольше и вот...

Умерла.

Виталик не ночевал дома — очередная командировка на тот загородный проект, Андрюшу забрала свекровь еще вчера — через два дня ему в первый класс и бабушка хотела купить любимому внуку то, что я еще не успела. Всякие пеналы, карандаши и прочие очень нужные шестилетке вещи, без которых первый класс совсем не праздник. Я осталась тут одна, с мертвой пальмой. Сидела на полу возле нее и понимала, что все, ничего сделать нельзя.

Впрочем, пальма была только началом.

На работе я не успела даже сложить зонт: на улице было слякотно, типичное начало сентября, как в дверях приемной уже нарисовалась Марья Ивановна, гроза всех офисных компьютеров — после ее уборки они вечно переставали работать. Вредная бабка прошлась, потряхивая своими вечными многочисленными бусиками в глубоком, не по возрасту, вырезе сморщенного декольте и злорадно взглянув на меня выдала:

— А твой то... в своем кабинете с этой лахудрой, Ларочкой, такое нынче вытворял, такое! Ни стыда у него, ни совести, стон стоял на весь офис, на все четыре этажа! Ты б ему хоть скандалец какой закатила, ей богу, спал бы с ней как все люди, втихаря! Да что ж ты стоишь, раскрыв рот, пошли!

Дальше случилось неслыханное. Сухонькая Марьиванна бросила свою вездесущую швабру, ухватила меня за руку, да крепко как, точно останутся синяки, и поволокла. Из приемной, через коридоры, через переход, и приволокла...

Достаточно быстро, чтобы происходящее в кабинете Виталика нельзя было истолковать двояко.

Разбросанные вещи, красные трусики на люстре, курящая на диване голая девица “Пууся, скажи им пусть закроют дверь с той стороны”, Виталик, не знающий, то ли ему трусы надевать, то ли прямо так бежать ко мне.

Мне же в тот момент показалось, что умерла не только пальма.

Глава вторая

Не помню как я оттуда ушла.

Ноги подгибались, глаза застилала слезы, в лифте я автоматически нажала на кнопку первого этажа и вышла из здания под дождь. Вокруг была жизнь маленького городка, щедро политого водой: кто-то куда-то бежал под зонтом или газеткой, ехали машины, разливались лужи, падали желтые листья, напоминая что лето кончилось.

И мое сердце разбито и втоптанно в грязь, как эти желтые листья.

Сколько я там стояла, не чувствуя холода и воды — не помню. Очнулась, когда меня ухватили за плечи поволокли в здание, попутно тормоза.

— Алина, Алина Валерьевна, с тобой все хорошо? — мой непосредственный начальник и босс всех в этом офисе, Станислав Александрович даже сумел состроить достаточно обеспокоенный вид. Хотя ему всегда и на всех было наплевать.

— Да у нее чп в личной жизни, Стасик! — вездесущая Мариванна конечно же была тут, трясла своим шиньоном, звенела бусиками. Старая стерва. — Алинка твоя поймала своего неблагодарного на горячем, прямо без трусов, представляешь! У мужика ни стыда, ни совести, ни показать чего, а он все туда же, баб менять. Тьфу!

Мне захотелось вырваться из сильных рук, что удерживали меня за плечи, не давая упасть и вцепиться в седые патлы. Сама же отвела меня, а теперь смеется! Дрянь! Вместо этого я сцепила зубы и, как могла спокойно, спросила:

— Шеф, можно я возьму отпуск за свой счет по личным обстоятельствам? На неделю. — И уже этой швабре в бусиках: — Спасибо, что открыли мне глаза, без вас бы я никогда не узнала, что Виталик мне изменяет!

У шефа стало такое лицо, что Мариванна, которую он обычно называл “тетя Маша”, сначала спрятала свои мощи, обряженные в нечто цыганистое, за свою же швабру, а потом бочком, бочком — пропала где-то в коридорах.

Я же потихоньку стала оттаивать. Точнее — замерзать. Почувствовала и холод, и промокшую насквозь одежду, и что меня бьет мелкая дрожь, а у шефа очень большие и теплые ладони.

— Так, — у Станислава Александровича был низкий, бархатный голос, который заполнял сразу все помещение, — Камиль, ты идешь с нами, посидишь в приемной, проследишь, чтоб никто нас не беспокоил.

— А ты, моя дорогая, — он приобнял меня и повлек к лифтам, — сейчас пойдешь, переоденешься и мой шофер отвезет тебя домой. Неделя отпуска это слишком, у нас в следующий вторник важные переговоры, но сегодня и завтра я тебе подпишу. За два дня и выходные оклемаешься и в понедельник придешь, надо подготовить документы, перезвонить партнерам, в общем, без тебя никак.

Под это басовитое воркование мы с боссом и Камилем, охранником, загрузились в лифт, проехали до своего этажа и пошли в приемную, возле которой уже собралось некоторое количество народу.

— Все вон! Камиль, постойшь у входа, никого не пускай. — шеф завел меня в приемную, пошуршал в моем шкафу, разыскивая сменную одежду. Я всегда держала там запасную юбку на случай форсмажора, кофе ли пролью, чернилами ли испачкаюсь и туфли на низком каблуке. Все таки на шпильках я уставала, особенно если задерживалась допоздна

с документами и тогда, уже в отсутствии шефа, позволяла себе эту маленькую слабость, удобную обувь.

А вот блузки на вешалке не оказалось. Я уже успела подумать, что поеду в мокрой, но тут шеф пропал из виду и появился уже со своей рубашкой.

— Ты в ней утонешь, — констатировал он очевидный факт, ведь я была миниатюрной, а в шефе было хороших стовосемьдесят, если не больше, и косая сажень в плечах, — но тебе не на подиум, а под пальто должна влезть, она тонкая. Иди в мой кабинет, переодевайся, я тебя тут подожду.

Он даже отнес мне все в кабинет, и отвел меня за руку, и нашел нераспечатанные колготки в нижнем ящике моего стола. Я не могла поверить, ведь всегда считала, что мой шеф вообще меня не замечает, я для него тень с документами и кофе, и больше ничего.

Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы переодеться. Я сняла и нижнее белье, подумав, что под широкой рубашкой босса отсутствие лифчика будет незаметно, тем более, что грудь у меня небольшая, а юбка на ладонь ниже колена тем более скроет от окружающих отсутствие трусиков. Ехать же в мокром означало застудить придатки, то еще “удовольствие”. Я быстренько оделась, краснея от собственной смелости, кое-как перехватила рубашку ремешком от юбки и уже собиралась выходить, как услышала, что в приемной начинается скандал.

Спорили на три голоса, в одном из которых я узнала Виталика. Мой муж, видимо, нашел все таки свои трусы, а с ними и яйца, раз уж заявился сюда.

Я резким движением положила стопку одежды на стол и вышла из кабинета в приемную, в дверях которой завязывалась небольшая потасовка, охранник и босс пытались не пустить внутрь моего мужа, который рвался и что-то кричал. За закрытыми дверями кабинета было не разобрать слов, а когда я вышла — все замолчали и уставились на меня.

Наверное, это было не очень честно по отношению к шефу и жестоко, по отношению к Виталику. Но я никак не могла забыть то, что увидела в его кабинете и трусики на люстре. Теперь я знаю, что если в огромной мужской рубашке, перехваченной ремешком, расстегнуть пуговицы до ремешка и не надевать белье под нее — вид будет совершенно ошеломительный.

По крайней мере в дверях все замерли и замолчали

Глава третья

Наверное, эту сцену в приемной я не забуду еще очень долго. Отличительной особенностью шефовского кабинету было огромное панорамное окно и стеклянная стена в приемную, сквозь которую видно было почти все, что происходит внутри. Дверь и часть за ней, где было “личное” пространство шефа были из дерева, так что мое появление отчасти для мужчин было сюрпризом, а дальше началось представление. Как будто сама природа подыгрывала мне — дождь прекратился и приемную заливал солнечный свет, а когда я открыла дверь, то пусть и одетая, я была все равно что голая. Солнечный свет проходил сквозь одежду насквозь, не открывая лишнего, но будоража воображение, четко очерчивая под одеждой контуры моего тела.

Все уставились на меня, Камиль покраснел и быстро отвернулся, шеф длинно выдохнул и сглотнул, подбирая упавшую челюсть, а Виталик...

Мой муж стал наливаясь краснотой и сделался с лица похож на маску китайского воина в ярости.

— Вот значит как, — прошипел он сквозь зубы, — я тут пришел тебя утешать, а ты, оказывается, уже отлично утешена и даже наверное не раз.

Я бы, наверное, обиделась на такой наглый поклеп, но тут шеф все испортил. Он натурально офонарел, застыл, потом отфонарел обратно и без обиняков двинул Виталику по морде. Того снесло от двери на пару метров: Станислав Александрович хоть и был ниже моего мужа на голову, зато превосходил его по ширине плеч и объёму бицепсов. Виталик же, не долго думая, решил дать шефу сдачи и завязалась драка, короткая, но зрелищная. Мы с Камилем сначала ошалело переглянулись, а потом он бросился разнимать дерущихся, а я за распылителем для цветов.

Брызгая в лица дерущимся мужикам из водой из пульверизатора я испытала ни с чем не сравнимое удовольствие. А когда их наконец-то разняли я уже стояла одетая и обдав обоих презрительным взглядом, развернулась и ушла, демонстративно проигнорировав несущиеся мне в спину вопли.

Домой идти не хотелось. Там все еще лежала умершая пальма, которую я в одиночку не смогла вытащить на помойку. Там все еще было так много свидетельств убитой моим мужем нашей любви. Фотографии, памятные мелочи, все те вещи, которые мы вместе выбирали, а потом вместе пользовались. Хорошо, что сын у бабушки. Моя свекровь умная женщина, даже если узнает о случившемся — внуку ничего не скажет и сына своего приструнит. Так что я могла быть свободна...

Все еще было довольно рано, дело шло к обеду и я почувствовала, что проголодалась. Виталик был очень прижимистым и крайне не одобрял обеды в кафешках, в рестораны мы тоже ходили очень не часто, так что первым делом — ресторан! Я не стала шиковать, но и не отказала себе в удовольствии заказать кофе и десерт после сытного обеда. Меренговый рулет был выше всех похвал и слегка подсластил мне горькое послевкусие произошедшего.

А уж новая стрижка и некоторое количество ужасно дорогого и с того неодобряемого неверным мужем белья, вкупе с воспоминаниями о драке, почти вернули меня в хорошее настроение.

Ужинать я все-таки поехала домой. Не было никакого желания где-то сидеть, ждать еды, улыбаться официантам и вообще кого-то видеть. А дома меня ждала любимая

кофемашина и взятые с собой круассаны с лососем. Будет у меня пир.

Но моим мечтам не суждено было сбыться. Дома меня уже ждали.

Виталик приехал уже довольно давно, наверное, потому что он явно успел не только переодеться, но и высохнуть после душа. Отросшая челка падала ему на лоб завитком, из глаза явственно светил фонарь — след от драки с шефом, на скуле тоже наливался фиолетовым кровоподтек.

— Нам надо поговорить, — сказал он.

Глава четвертая

— Нам надо поговорить, — встретил меня муж дома.

Он застыл в дверях гостиной, опершись плечом на косяк, сложил руки на груди, и смотрел на меня сквозь темный коридор. Я, в пятне теплого света на пяточке прихожей, должно быть, была хороша, потому что под пальто на мне все еще была та самая рубашка шефа, пусть и застегнутая теперь на все пуговики.

— Ну давай поговорим. — Я сняла туфли и с облегченным вздохом обула мягкие домашние шлепанцы бледно-розового меха. Для шоппинга у меня были отдельные, пусть не слишком красивые, но удобнейшие мягонькие мокасины. А в офисных гулять весь день было тяжеловато.

Пальто я снимала демонстративно долго, развернувшись к мужу спиной и незаметно снова слегка расстегнула рубашку.

— Давай поговорим о трусах на люстре, Виталь, — мой вкрадчивый тон подействовал на него, как взгляд удава на кролика, — и о том, что все знали о твоём бурном романе с этой смазливой малолеткой. Все, кроме меня. И Марьиванна меня туда привела не за тем, чтоб и я узнала, нееет, она думала — я тоже знаю. Старая швабра меня туда привела, чтоб я тебе объяснила — громко спать с любовницей в кабинете это плохо!

Я наступала на него, уже почти крича, маленькая, не достающая ему даже до плеча, в дурацких розовых шлепанцах и огромной мужской рубашке, а он пятился. И на лице у него было написано удивление — как так, я не бросаюсь к нему на грудь со слезами, не умоляю не бросать меня, страшную изменщицу, не говорю, что все прощу, а отчитываю как детсадовца. Не этого он от меня ожидал.

И, видимо, от удивления, Виталик оступился, и упал, как и пятился, спиной, вытянувшись на полу во весь свой немаленький, под два метра, рост. Чудом не приложился ни обо что головой. Мне конечно хотелось добавить ему второй фонарь, для симметрии, но не убить же.

Однако он быстро взял себя в руки и начал подниматься, высокий и худой, собирая под себя конечности как большой человекообразный богомол.

Я не стала ждать, пока Виталик поднимется, развернулась и ушла в спальню. Нужно было принять душ, переодеться, снять рубашку и подумать, что с ней делать. Шеф с одной стороны меня выручил, а с другой — знатно по всем фронтам подставил, в том числе по деньгам: дорогие рубашки не стирают, их относят в химчистку, а это дорого. Я знала, потому что не раз, и не два относила его рубашки и костюмы в химчистку, и забирала тоже я. У меня даже была кредитка специально на этот случай, но пользоваться ли ею сейчас? Думаю, это будет лишнее.

Когда я вышла из ванны — успела туда проскользнуть, избежав встречи с Виталиком, он меня уже подждал. Я очень, очень хотела избежать скандала, но у мужа были на этот счет другие планы.

Он схватил меня за руку чуть выше локтя и потащил за собой, на кухню, где толкнул на маленький диванчик у окна и навис надо мной.

— Трусы тебя не устроили, да?! — Он сразу начал орать, распаляясь с каждым словом все сильнее, — а что я не первый год рогоносцем хожу, так это тебя устраивает?! Думаешь, я не знаю как ты из простой секретарши в личные помощники выбралась?! Но я все это время

молчал, молчал и ни словом тебя не упрекнул! А когда мне захотелось хотя бы немного тепла от женщины, которой нужен именно я и только я, так ты тут как тут и строишь из себя святую монашку!

На этих словах он схватил со стола кружку, мою любимую со смешной очкастой совой, она осталась там стоять после утреннего кофе, и со всей дури швырнул ее на плиточный пол кухни. Гребаные осколки полетели во все стороны, на меня, на диванчик, один неудачно отскочил и впился мне в щеку, оставив неглубокий, но неприятный порез.

— Ты рехнулся? Так сложно представить что я, со своим высшим образованием и постоянными курсами повышения квалификации сделала карьеру не через постель, а потому что спец хороший? — Тут я подпустила в голос яду, — не все же как твоя “пууууся” лезут в постель к начальнику чтоб хоть что-то из себя представлять!

Я встала с диванчика, с моего халата с дробным стуком осыпались попавшие на него осколки, попыталась оттолкнуть Виталика, чтобы уйти, но он мне не позволил, схватил в охапку и потащил. Откуда только столько сил в нем взялось, как я ни брыкалась, а вырваться, не смогла. Он донес меня до спальни, швырнул на кровать и потянулся к поясу моего халата.

Глаза у него были совершенно сумасшедшие.

Глава пятая

Виталик потянулся к поясу моего халата и глаза у него были совершенно сумасшедшие. Но тут я не выдержала, огрела его подушкой.

— Знаешь что, ты меня достал, своей необоснованной ревностью, своими попытками контролировать даже сколько времени я на работе провожу, беспочвенными обвинениями в том, что я в лифте соседу якобы улыбалась! Но это тебя я застаю без штанов с любовницей!

— Да ты как все бабы, слишком хорошо шифруешься, а так как была... — он запнулся, подбирая, видимо, цензурное слово, — вертихвосткой, так и осталась! Всем мужикам вокруг глазки строишь!

Я слезла с кровати так, чтобы она оказалась между нами.

— Я, значит, шифруюсь хорошо, а ты даже на это не способен оказался! Позорище, трусея на люстре!

— Снял б, просто не успел, — Виталик все таки слегка смутился, но продолжил гнуть свою линию, — но ты сама виновата, ты охладела ко мне, к нашей семье, перестала вкусно готовить, Андрюша все лето провел с моей мамой, а не с тобой и даже сейчас наш сын не с нами, а с бабушкой!

— То-то бы ему понравилось слушать как его отец спал с какой-то левой бабой, а теперь орет на мать, ой понравилось, ты этого хочешь?! Давай, позвони своей маме, пусть приводит его, заодно тоже послушает, кого воспитала.

— Ты маму не трожь!

— А давай, я сама наберу, — я достала из кармана телефон и начала искать в последних звонках номер свекрови.

— Ты психованная?! — Виталик попробовал обежать кровать и отобрать у меня телефон, но я была проворнее. — Шизофреничка, не смей вмешивать в эту грязь мою маму!

— А пусть знает, что ее сын на работе вместо работы делает! Я вошла в раж и уже нажала кнопку “позвонить” и поставила телефон на громкую связь... Неизвестно чем бы это кончилось, но трубку взял Андрюша. Наш сын родился с легким пороком сердца, но врачи категорически запретили ему волноваться. За шесть лет мы настолько привыкли при нем сдерживаться, что и сейчас наш скандальчик утих как будто сам собой. Бабушка была занята ужином и узнав у внука, что ничего срочного мама с папой не хотят, в разговор вступать не стала.

— Я о тебя уйду, — я положила трубку и потащила из-под кровати чемодан.

Тот самый, с которым мы летали в отпуск все троим: я, Виталик и наш шестилетний сын Андрей. Туда влезали все наши вещи на две недели и еще оставалось место для сувениров. Я открыла этого монстра и начала скидывать все свои вещи в его бездонное нутро.

— Куда ты пойдешь, кому ты нужна? У тебя никого нет, кроме меня, опомнись! — Виталик сел на кровати и говорил это уже спокойным насмешливым тоном. Он явно не верил, что я на подобное способна. До последнего не верил, потому что, когда я показала ему неприличный жест, рассмеялся, встал и ушел играть в танчики.

Козел.

Мои родители давно умерли, а подруг у меня не было. Когда-то были, конечно, но Виталик постепенно меня от них избавил. Они все были не такие, кто-то с ним якобы

заигрывал, кто-то не подходил для общения с приличной женщиной, а кто-то и сам отвалился. Еще наши посиделки были слишком поздно, аж до полуночи, слишком пьяно (да я даже шла ровно!) и слишком дорого. Хотя надо понимать — мы не пили ящиками вдову клико, не заказывали марципаны на золотом подносе, мы даже в бар не всегда ходили, предпочитая собираться у кого-нибудь дома. Но все расходы, которые шли “не в семью” расценивались моим мужем как разбазаривание семейного бюджета.

Я думала, думала и решилась. С Тамарой Васильевной мы раньше работали вместе, я секретаршей, а она личным помощником босса. Она же меня и рекомендовала на свое место, когда уходила на пенсию. Отношения у нас всегда были без панибратства, но очень душевные. У нее можно было попросить совета, рассказать о радостях и трудностях и при этом не бояться, что завтра о твоей жизни будет знать весь офис. Нас еще объединяло одно мелкое должностное преступление: когда босс уже уходил, а нам приходилось за документами задерживаться допоздна мы разоряли его бар. Заканчивали с бумажками, доставали бокалы, лед, виски и сидели в приемной в удобных креслах, разговаривая за жизнь. Когда моя милейшая коллега ушла на заслуженный отдых, разграбление шефского бара сошло на нет.

— Тамара Васильевна, здравствуйте! Это Алина.

— Здравствуй Алиночка, все у тебя хорошо? — Моя коллега с ходу заподозрила неладное, всегда была нечеловечески проницательна. Да и в будние дни, тем более вечером, я ей никогда не звонила.

— Да, мне неловко принаваться, но у меня проблемы и мне нужна помощь. Я ушла от мужа.

— Ну и прекрасно! — От реакции моей дорогой бывшей коллеги я, признаться, сильно офигела. — Давно было пора, жмоты и бабники, милая, не твой типаж. Приезжай, я буду тебе очень рада.

Она продиктовала адрес и такси увезло меня в неизвестность завтрашнего дня.

Глава шестая

Такси остановилось возле кованых ворот.

Вот уже больше двух лет Тамара Васильевна вышла на пенсию, виделись мы с ней не так уж часто, хотя и регулярно, но еще ни разу я не была у нее дома. Как-то не складывалось. И сейчас я была несколько ошарашена.

Моя коллега и наставница жила в довольно понтовом районе города N, в квартале сталинской застройки, отличительной чертой которого были эти самые ворота и закрытые дворы. Таксист уехал сразу, как меня высадил, а я застыла, не решаясь позвонить в звонок у калитки, и вздрогнула, когда из полутьмы двора мне по глазам мазнул луч света.

— А вот и ты, здравствуй, голубушка, — Тамара Васильевна отперла маленькую калитку сбоку от главных ворот, — А я выгуливаю Бульку, жду твоего звонка, смотрю, такси подъехало и чемодан выгрузили, решила подойти посмотреть, кто. Удачно я. Над воротами вообще фонарь должен гореть, — проворчала Тамара Васильевна. Спрятала в карман фонарик, достала из-под мышки длинную хворостину и залихватским свистом подозвала успевшего убежать в дальний конец двора бультерьера. — Но наш дворник, Ахмет, приболел, а его сменщик Серега — изрядный раздолбай, третий день все никак не сподобится лампочку заменить. Булька, это свой!

Собаку, больше похожую на демона из преисподней, причем очень грязного, быстро взяли на поводок, крепкий даже с виду, и позволили ей аккуратно меня обнюхать. Правда, за попытку пописать на мой чемодан Булька получил по жопе той самой хворостиной, обиженно взвизгнул и пошел мстить за неудавшуюся диверсию астрам.

На пятый этаж, где жила Тамара Васильевна, мы добрались без приключений, проехавшись в старом, гремящем лифте. Я думала таких больше нет, с закрывающейся металлической дверью на каждом этаже.

— Ты проходи, мой Борисыч на даче еще в это время обретається, урожай караулит, будто он нужен кому! Так что дома сейчас только мы с Булькой. Я его помою, а ты иди, в конце коридора справа кухня, чемодан оставь тут, потом покажу куда.

— Конечно, только у меня там...

— Тапочки вот, на! — мне достали из старинной, темного дерева обувной полки немного потрепанные, явно самодельные шлепанцы, сшитые из веселой расцветки ситчика. — Это я в первый год пенсии баловалась, нашла столько, что уже наверное всем гостям до конца моих дней хватит носить. Они чистые, после каждого гостя в стиралку закидываю.

Тапки оказались очень мягкими и удобными, хоть и были велики мне размера на два. А квартира очень уютной, с высокими потолками, стенными панелями из дерева и узорчатыми обоями. Кухонька была довольно просторной. Не такой, как в новостройках, что проектировал мой неверный муж, но в нее влезла и угловая кухня с узорчатыми деревянными фасадами, и круглый стол под белой скатертью. Я включила плиту, поставила на нее чайник, присела у стола.

— Садись и рассказывай! — высокая, с идеальной осанкой, так сказывалось балетное прошлое, Тамара Васильевна вошла в комнату, неся на локте корзинку с чем-то, прикрытым накрахмаленной вязанной салфеткой. За ней по пятам цокал когтями по паркету отмытый до белого демон в собачьем обличье.

— Да нечего особо рассказывать. Я его застукала почти в процессе, в его кабинете, с его же подчиненной. Молоденькая девочка, я не так давно ее документы оформляла, дизайнер, двадцать лет, только-только какой-то вуз закончила, не особенно престижный. И такая... — Я прикрыла глаза и передо мной снова встала та сцена, с трусами на люстре. — А еще у меня драцена умерла!

И я разрыдалась.

— Ничего, милая, поплачь, — мне протянули огромный просто носовой платок все из того же цветастого ситчика, что и тапки, — ты поплачь, а я чаю заварю и отбивные пожарю. Ничего нет хуже, чем горевать на голодный желудок.

И пока я всхлипывала и вытирала платком покрасневший нос моя бывшая коллега поставила корзинку на стол. Там были яблоки, помидоры и поздние, слегка кривоватые огурчики.

— Это Борисычев урожай, будем сейчас с отбивными уничтожать.

Мне под нос сунули огромную просто чашку с чаем, от которого изрядно пахло валерьянкой. Не успела я отхлебнуть, как в дверь позвонили, раз, два...

— Так, Алиночка, присмотри за отбивными, а я открою пойду, — с этими словами Тамара Васильевна исчезла в коридоре.

Там послышался звук открываемой двери, что-то позвякало, погромело, побурчало на два негромких голоса. Я встала к плите — следить за отбивными и тут услышала подозрительно знакомый голос.

— Да, конечно я приехал не просто так. У меня тут нарисовалась проблема.

С этими словами в кухню ввалился мой шеф с пакетом из ближайшего супермаркета в одной руке и бутылкой подозрительно знакомого виски — в другой. Подобрал отвалившуюся челюсть и сказал:

— Ну здравствуй, проблема!

Глава седьмая

— Ну здравствуй, проблема! — сказал мой шеф, заваливаясь на кухню моей бывшей коллеги с бутылкой виски и пакетом закусок в руках.

— Да с чего бы это вдруг проблема — я? — от возмущения я едва не выронила крышку, которой накрывала в этот момент сковороду. — Это не мое белье висело на люстре!

Уупс! Кажется, шеф не знал подобных подробностей, потому что глаза у него стали очень большими.

— Так! — и он подкрепил свое “так” громко поставив бутылку с виски на стол. — Сейчас мы сядем, поужинаем, чем бог послал и все решим.

— Что ты там собрался решать, Станислав Александрович? — хозяйка дома вплыла на кухню в сопровождении своего собако-демона, неся в руках тапки, почти такие же, как были на мне, только еще больше. — На вот, надень.

Я была уверена, что этот brutальный мужчина откажется надевать шлепанцы в цветочек, но он только хмыкнул и безропотно их напялил, после чего начал доставать из пакета какие-то нарезки, овощи и даже коробку дорогих трюфелей — я всегда хотела их попробовать, но жалела денег.

— Да вот, — шеф рассказывал, не прекращая шуршать пакетом, — у меня тут случился инцидент недавно. Буквально утром. Иду я в офис, а моя личная помощница вместо подготовки документов к переговорам мокнет в слезах под дождем. Я увожу ее в тепло, не поверите, Тамара Васильевна, с нее буквально текло, ручьями, я думал такое бывает только в кино, живой человек не вымокнет до такой степени добровольно. И пока она переодевается, является один из моих проектировщиков и давай обвинять меня в том, что я... не профессионально веду себя в отношении к его жене. Он еще слово это сказал, как его... Харрасментом я занимаюсь короче.

— А ты занимаешься? — хозяйка дома слушала это и тихонько посмеивалась. Да и я, признаться, не сдержала улыбку — до того возмущенным выглядел шеф, которому мой муж предъявил претензии за якобы излишнее ко мне внимание, которого не было. И тут же я посмотрела на него совсем другими глазами. А ведь он хорош, высокий, но не слишком, накачанный, но в меру. Станислав как раз доставал что-то из пакета, поставив его на пол и мне открывались воистину захватывающие виды.

— Вот в отношении этого проектировщика — немедленно занялся. Проще говоря я вспылил, потому что я со своими работниками шапши не вожу и все об этом прекрасно знают, и как врезал ему по морде. — На лице шефа застыло мечтательное выражение, — он мне чуть стену не проломил собой.

Тут он понял, что наверное перегнул палку.

— Извини, Алина. Но твой супруг действительно вывел меня из себя.

— Ничего, — я смущенно отвернулась и сделала вид, что занята отбивными, которые были уже готовы, — меня он тоже из себя вывел. Просто я не настолько эффектно из себя выхожу, как вы.

— Ты его не убил, Алининого мужа? — Тамара Васильевна интересовалась этим вопросом с довольно саркастичными интонациями, попутно оттесняя меня от плиты к столу. — По лицу твоему вижу что не убил, а жаль!

— Ну мне потом кое-чего рассказали, — шеф тем временем шуровал в одном из верхних

шкафчиков в поисках бокалов для виски, — и я тоже так решил. Так, стаканы я нашел, а это у нас что? Отбивные? О, отлично. Я хотел тортик захватить, но решил что «Хеннеси» он не лучшая закуска и взял трюфели. Вкусные, я уже такие брал.

Мы расселись за столом, разобрали тарелки, стаканы.

— Будем! — шеф поднял тост. Выпил виски залпом, поморщился и спросил: — как будем твоего мужа увольнять? Он мне что-то очень не нравится!

Глава восьмая

— Как будем твоего мужа увольнять? Он мне что-то очень не нравится.

Я поперхнулась виски и закашлялась, аж до слез. Вокруг меня забежали все — и шеф, который тут же принялся стучать меня по спине своей широкой горячей ладонью, и Тамара Васильевна, тут же принесшая мне воды, и даже пес, который обрадованный суматохой запрыгал вокруг нас и высказал свое “Буф!” Наверное, на собачьем это означало “наконец-то веселье!”

— А надо ли? — Спросила хозяйка дома, — он же у тебя один из ведущих инженеров-проектировщиков, насколько я помню, к тому же, весьма толковый.

— Так то так, но я ему в морду дал, да и он в долгу не остался, — Станислав потерял скулу, на которой, впрочем, не было следов, видимо ударили не сильно. — А оставлять на работе такого сотрудника это уже урон моей репутации. Поэтому тут даже будь он лучшим из лучших — увольняем и никаких гвоздей! — тут он стукнул по столу так, что подпрыгнули стаканы с виски и Булька, лежавший под столом.

— Только вот... — Я замялась, не зная как объяснить, что ребенку с пороком сердца, даже с оперированным, время от времени требуются совсем недешевые лекарства, и если Виталика уволят, то на одну зарплату мне придется туго. — У моего сына порок сердца.

— Я тебе зарплату подниму, — не дал развить мне тему шеф, — у меня сестра с такой проблемой, я имею некоторое представление.

— Вот и решили, вот и прекрасно, — хозяйка дома поднялась из-за стола, легонько попинала своего собако-демона. — Я сейчас поставлю еще раз чайник, а ты, Станислав, отведи Алину в гостевую комнату, помнишь, ты там ночевал прошлый раз. Где постельное белье лежит ты знаешь. Да и вообще, ты удачно заехал, в тахте начал заедать механизм, так что ты и ее заодно разложи. Алиночка, иди с ним, вдвоем будет сподручнее.

И мы пошли, по длинному, темноватому коридору, имеющему форму буквы Т, мы вышли из одной стороны верхней перекладины, на противоположном конце ее видна была дверь явно в хозяйскую спальню, а в длинной было еще две двери по обе стороны коридора. Одна двойная, с витражным стеклом, рисунок было не разглядеть в темноте, озаряемой только пробивающимся сквозь окна и витраж светом фонаря, а вторая обычная, без стекла.

— Я тут ночевал, когда у Тамары Васильевны был юбилей, — сказал Станислав, заходя в ту самую дверь без стекла и включая свет, а я залюбовалась его широкими плечами, — Ты тогда не пришла. Кстати, а почему? Ты же была в отпуске, но вроде никуда не летала, потому что вернулась такой же бледной, как и всегда.

— Я тогда с Андрюшей в больнице лежала, на очередном обследовании.

— Сколько ему, я забыл.

— Шесть с половиной. В первый класс идет. — О сыне я всегда вспоминала с нежностью. Он был очень похож на своего отца, но взял от Виталика только лучшее.

— Моей сестре пятнадцать, остались конечно кое-какие ограничения, но в целом — все хорошо. Главное, операция прошла успешно, дальше уже особых опасностей нет.

Я стояла столбом и наблюдала, как шеф разбирает тахту, скидывает на пол подушки, раскладывает ее на всю длину, как ходят на его спине мышцы, а бицепсы, казалось, сейчас порвут рукава рубашки. Я никогда раньше не смотрела на него, как на мужчину, для меня существовал только муж и сейчас очень удивлялась сама себе.

Мне так много хотелось сейчас у него спросить и я даже раскрыла рот для вопроса, но тут прибежал псодемон Булька, бросился ко мне, радостно вывалив язык, я отшатнулась, запуталась в чересчур больших тапках и упала бы, не подхвати шеф меня на руки.

И все бы хорошо, но его тапочки тоже были ему велики. Так что мы упали вместе — шеф на тахту, а я на шефа.

Глава девятая

Я побаивалась бультерьеров, все-таки репутация у этих собак сложилась так себе, поэтому и попятилась от бульки, запуталась в своих огромных цветастых тапках и вот к чему это привело: мы с шефом валяемся на старенькой тахте в квартире нашей общей коллеги и черт возьми, мне совершенно не хочется это прекращать.

Наощупь шеф оказался еще лучше, чем на вид. Я ощущала под своими ладонями его литые грудные мышцы, какой он горячий, даже сквозь рубашку, и... Упс! Кажется, я ему тоже нравлюсь и вовсе не как подчиненная.

Неизвестно, что было бы дальше, но тут в коридоре послышались шаги, явно направляющиеся в нашу сторону и возглас:

— Булька, ты где?

Мы со Станиславом буквально отлетели друг от друга, вскочили с тахты и разбежались по разным концам комнаты. Он начал шуршать в шкафу, видимо, доставая постельное белье, а я устала на какие-то безделушки, которых на комод у тахты стояло просто море. Я стояла и смотрела на них, не видя, никак не могла отойти от шока.

Оказывается, мне нравится мой начальник, а я совершенно точно нравлюсь ему.

— Ну как вы тут? — спросила Тамара Васильевна, заглядывая к нам. — Смотрю, уже почти справились. Булька, вот ты где, опять пристаешь к гостям! Пойдем, мальчик, пойдем, я тебе дам еще косточку. А вы заканчивайте, заправляйте постель и приходите, чай я уже заварила.

Когда она ушла мы молча принялись за дело. Висела неловкая тишина, мы старались не смотреть друг на друга и не касаться, потому что при каждом неловком касании, каждый раз, когда он передавал мне наволочку, или я помогала ему заправить одеяло в пододеяльник, меня как будто прошивало маленькой молнией. С ним же, насколько я могла понять, происходило то же самое.

На чай Станислав не остался. Скомкано попрощался, “вспомнив” о срочном деле, напомнил мне, что завтра я еще выходная, а вот в понедельник он меня уже ждет и был таков.

Моя хозяйка задумчиво хмыкнула, заперла за ушедшим гостем дверь и мы пошли есть конфеты.

— Завтра, думаю, поищу себе квартиру. — я закусила эту мысль, высказанную вслух, конфетой. Трюфели и правда были выше всех похвал, зря я жалела денег. Пусть не на каждый день, но на новый год и день рождения можно было себе позволять.

— Не торопись, — Тамаре Васильевне тоже отдала должное трюфелям. Ей больше понравились с молочной начинкой, а мне с ореховой, так что мы разделили конфеты по сестрински.

— Я к нему не вернусь, — от одной мысли, что придется снова жить с Виталиком в одной квартире и спать в одной кровати меня передернуло. — Так что переезд это необходимость, а тут как раз полдня свободных будет после обеда. Завтра же первое сентября, надо успеть к Андрюше на линейку.

— Он у его матери? Она не знает?

— Нет, и думаю, Виталик до последнего будет скрывать. Да еще Андрюхе надо будет как-то рассказать. Ох... — я уронила голову на сложенные на столе руки. — Ума не

приложу, что делать.

— А я приложу. — Тамара Васильевна допила чай, встала, начала собирать посуду. Я дернулась ей помочь, но меня похлопали по плечу, усаживая обратно. — Ты сиди, сиди. Она быстро убрала все со стола и присела обратно.

— Мы поступим так, — ее тон явно показывал, что возражать бесполезно, эта женщина уже все решила и лучшим вариантом будет ей подчиниться, — я завтра вызвоню Борисыча с дачи, хватит ему там с огурцами прохлаждаться, мы едем к тебе, забираем все твои вещи, можем даже мебель забрать и перевозим сюда. Поживешь пока у нас.

— Но это же неудобно. — Я все-таки попыталась отказаться, мне правда не хотелось стеснять эту добрейшую женщину.

— Неудобно спать на потолке, одеяло падает! А у нас пожить удобно. Борисыч еще два месяца будет уезжать на дачу, а мне скучно тут одной все время куковать.

— А как же... — я неопределенно помахала руками, не зная как спросить о таком. Но ведь есть детская, значит, должны быть дети?

— Не изображай мельницу, — бультерьер подобрался к хозяйке, положил ей голову на колени, а она начала чесать его за ушами, отчего собакодемон аж млел. — Наш с Борисычем сын в Америке живет, у него там семья, все дела. Так что ты ну вообще никому не помешаешь.

И я согласилась.

Можно подумать, у меня был выбор!

А утром позвонил Виталик.

Глава десятая

Я стояла и смотрела на экран телефона, где было написано “Любимый муж, входящий звонок”. Брать трубку не хотелось совершенно, но перспектива встретиться сразу на линейке первого сентября казалась мне еще хуже и я ответила.

— Не знаю где тебя носит, — ледяным тоном произнес Виталик, — но у нашего сына через час линейка. И хочу напомнить, что у нашего сына порок сердца, ему нельзя волноваться. А у моей мамы давление и нервы, так что изобрази на роже что-то приличное, когда приедешь. — И положил трубку.

Я тут же перезвонила. Как он посмел. Как будто это он, а не я, лежал в больнице в Андрюшей в счет своего отпуска, он, а не я, навещал свекровь в больнице после сердечного приступа. Вот гад...

Но он не взял трубку.

Я успела успокоиться, пока ехала в такси, и во двор школы зашла улыбаясь. Чего не сделаешь ради сына, даже позволишь неверному мужу себя обнять и взять под руку. Руку тут же больно сдавили. И пока свекровь бегала за Андрюхой, которому все было ново и интересно, Виталик меня отчитывал, впиваясь пальцами мне в руку чуть выше локтя.

— Как ты посмела не ночевать дома. Психованная. Свалила к своему любовнику, да? — шипел он мне на ухо.

— То то я смотрю ты сильно волновался, так сильно, что позвонил только утром. За весь вечер у меня ни одного звонка от тебя не было.

Он фыркнул и явно собирался сказать еще что-то такое же гадкое, но тут толпа родителей и детей зашевелилась, дети ушли на линейку, а свекровь к нам. Виталик тут же меня отпустил.

— Алиночка, ты же останешься потом с нами? — спросила она, подходя.

— Я не смогу, — пришлось улыбаться, хотя рука нещадно болела. — Мне надо на работу, сегодня же пятница. — Я не собиралась врать, но поведение мужа начинало меня откровенно пугать. Он вел себя так, как будто это я ему изменяла, а не наоборот.

Впрочем, свекровь несколько не расстроилась, особенно когда выяснилось, что Виталик все таки взял отпуск и может после линейки пойти с ней и Андрюшей в пиццерию.

Тамара Васильевна не стала мне звонить. Мы заранее договорились, так что когда все закончилось, я вышла из школы, запрыгнула в высоченный внедорожник, продиктовала адрес и мы поехали.

Было очень горько возвращаться в квартиру, которую я обустроивала столько лет для своей семьи. Полную хороших воспоминаний, отравленных изменой. Поэтому я постаралась не задерживаться. Вещи я смогла забрать все, даже те, что хранила на антресоли в шкафу. Андрюхины трогать не стала, уж на детскую одежду моей зарплаты точно хватит, особенно если мне ее и правда добавят.

Оставалась только драцена. Она так и стояла в коридоре, мертвая, с поникшими листьями.

Мы ее выбросили, вместе с кадкой.

Выходные пролетели в хлопотах по обустройству на новом месте, разведывании маршрута до работы и прочих нужных, но до ужаса скучных делах.

Муж мне не звонил и я малодушно тоже решила отложить наши разборки на более позднее время.

В понедельник все было как обычно. Было бы.

Но день был солнечный и я забылась, как обычно расстегнула, не глядя, рукава блузки, закатала их, не боясь помять — на презентации я планировала быть в строгом пиджаке поверх нее.

— Что это?! — мой босс вышел из кабинета в приемную с очередной папкой в руках, сощурился, бросил папку на стол и больно дернул рукав блузки еще выше вверх, к плечу. Я вырвала руку, отшатнулась, не понимая почему он вдруг так разозлился, а потом увидела.

На моей руке, начинаясь сразу выше локтя, процветали в желтизну сине-фиолетовые следы от пальцев.

Глава одиннадцатая

Станислав.

Я вышел из кабинета с очередными документами в руках. Сегодня Алина сняла пиджак и осталась в белой блузке через которую соблазнительно просвечивал кружевной бюсгальтер. И почему я раньше не замечал, как она хороша? Но тут она повернулась и я увидел синяки у нее на руке. И будто обезумел. Бросился к ней, задрал рукав ее блузки еще выше. Четкий такой рисунок, который появляется, если кого-то слишком сильно схватить за руку.

— Кто?! — кажется, лицо мне перекосило, потому что Алина отшатнулась в недоумении, затем она поняла, о чем я. Потому что выдернула руку и быстро оправила рукав, застегнула манжет на пуговицы. Надо же, какие у нее ноготки, как миндальные орешки...

— Ничего страшного, — она попыталась улыбнуться, одновременно отходя от меня так, чтобы между нами был стол. Гм, зря я так резко, теперь она напугана.

— Алина, — стараюсь говорить спокойно, — вообще такие следы можно снимать в полиции как побои. Это сделал твой муж?

— Он не хотел.

— Я тоже не хотел, — меняю тактику, — но вот, — протягиваю ей папку, — твоего недомужа я увольняю. Никто в моей компании не смеет даже пытаться дать мне в морду. И тем более — терроризировать моих сотрудников. — Она молча забрала у меня документы.

— А это, — я протянул ей отдельный листок, — как я и обещал, прибавка к зарплате. К тому же, если будут проблемы с какими-то лекарствами для твоего сына, обращай ко мне, помогу. — Оставил ее удивляться сумме прибавки и ушел в кабинет.

В кабинете попытался заняться делами, но Алина не шла у меня из головы. Такая хрупкая и нежная. Всегда любил совершенно другой тип женщин, пышных, плотных, чтоб было за что взяться, чтоб не страшно было сломать. Сейчас же у меня не шла из головы картинка, где мы валяемся на тахте, Алина в моих объятиях, легкая, как пушинка, и если бы не моя бывшая ассистентка, решившая войти к нам в самый неподходящий момент, то это бы не закончилось так просто и быстро.

Вот и сейчас хочется пересесть из-за своего личного стола за переговорный, ведь оттуда так хорошо просматривается приемная и Алина. Беру лэптоп и пересаживаюсь. Стулья не такие удобные, как мое кресло, но с этой точки вся приемная как на ладони. Вот Алина собирает бумаги и ловко сортирует их по папкам, а папки по шкафам. Вот заходит женщина, кажется, из отдела кадров и уносит с собой приказы. Значит, скоро ее недомуж узнает, что из компании он уволен. Пусть скажет спасибо, что по обычному сокращению, мог бы и с волчьим билетом вылететь.

Не знаю, сколько я так просидел, любуясь своей личной помощницей, пока дверь приемной не распахнулась, ударяясь о стену.

Оу, кажется к нам пожаловал уволенный. Сейчас будет весело.

Глава двенадцатая

Алина

— Кто?! — у Станислава, моего босса, вдруг стало очень страшное лицо, когда он увидел синяки, оставленные Виталиком на моей руке чуть выше локтя. Я отшатнулась, застегнула рукава, коря себя за неосторожность. Только вот скандала мне не хватало. У меня совершенно не было сил еще и на разборки — остатки выходных я провела обустривая комнату не только для себя, но и для того, чтоб забрать Андрюху к себе. С утра хотелось только лечь и умереть, а тут еще и Станислав увидел синяки.

— Ничего страшного, — я попыталась улыбнуться и встала так, чтобы между нами был мой стол. Все таки он очень больно дернул меня за рукав, как бы новых синяков не появилось.

— Алина! — я увидела, что у него заходили желваки на скулах, — вообще такие следы можно снимать в полиции как побои. Это сделал твой муж?

— Он не хотел, — я вижу что мой босс сдерживается уже из последних сил, папку сейчас помнет, скомкает, хоть это и довольно жесткий пластик.

— Я тоже не хотел, — он сует мне документы почти в нос резким движением, — но вот, твоего недомужа я увольняю. Никто в моей компании не смеет даже пытаться дать мне в морду. И тем более — терроризировать моих сотрудников. — Интересно, это он обо мне или о той девице-дизайнере. Я бы еще поспорила кто кого там терроризировал. Мне очень не хотелось сегодня разборок, но их, видимо, было не избежать.

Я молча забрала папку, надеясь, что это все.

— А это, — он протянул мне отдельный листок, — как я и обещал, прибавка к зарплате. К тому же, если будут проблемы с какими-то лекарствами для твоего сына, обращай ко мне, помогу.

Не стал ждать ответа и ушел в свой кабинет, хлопнув дверью. Да и не дождался бы. Я увидела, что моя зарплата со следующего месяца удваивается и потеряла дар речи! Это же... Это же хватит не только на лекарства Андрюхе, но и квартиру снять получится, причем так, чтобы ему не пришлось менять школу. Я едва не запрыгала, как девочка, получившая долгожданный подарок, но вовремя заметила, что шеф почему-то пересел. С его обычного места ни мне не было видно, чем он занимается, ни ему меня. А вот если сесть в дальний угол длинного стола, спиной к окну, то вся приемная как на ладони.

Ясно... Наверняка хочет проверить отправлю ли я документы на увольнение Виталика сегодня в кадры, или буду тянуть время. Я, признаться, хотела. Забрала бы сегодня сына у свекрови, он и так у нее загостился, я уже чувствовала себя виноватой, а потом отправила документы. Ничего, какнибудь справлюсь.

Я позвонила в кадры, отдала документы, понадеялась, что обработают не быстро, тем более, что увольнение босс решил обставить как обычное не продление контракта, который у Виталика заканчивался через две недели, и занялась своими делами. Надо было привести в порядок документы, подготовить презентацию на завтра, распечатать, подшить, передать, сделать.

Я так закопалась, что очень испугалась, когда дверь приемной распахнулась так, будто в нее со стороны коридора двинули ногой, с грохотом влетела в стену, а на пороге появился мой почти уволенный муж.

Ой, мамочки, что сейчас будет-то!

Глава тринадцатая

Виталик ворвался в приемную так, что чуть не снес дверь с петель.

Я заработалась, не замечала ничего вокруг, к тому же в тот момент стояла спиной к двери и ужасно напугалась. Он же влетел и как начал орать.

— Ты совсем поехавшая?! Мало того, что который уже день дома не живешь, неизвестно где шляешься, так теперь подговорила своего начальника меня уволить! — Он был весь красен от ярости, сжимал кулаки и дрожал, мне показалось, что сейчас бросится на меня. Но в этот миг за моей спиной раздался спокойный и насмешливый голос.

— Виталий Аркадьевич, а почему ты не подумал, что пытаться набить морду своему самому большому начальству — плохая идея и вылезет тебе боком?

Из моего мужа тут же выпустили воздух, как из проколотого воздушного шарика.

— Но...

— Не нокай, не ты тут запрягаешь, — насмешки в голосе Станислава было вагон и маленькая тележка. — И да, — сказал он, в отличие от тебя я не сплю со своими подчиненными, — он бросил взгляд в мою сторону, очень мужской такой, раздевающий, я даже вспыхнула, — даже с очень красивыми. — И подоспевшей, видимо, по его звонку, охране бросил, — уведите его. А еще раз начнет выяснять с кем-либо отношения, — выставить из здания и заменить расторжение контракта по срокам на расторжение по служебному несоответствию.

Виталика увели, шеф закрылся у себя, в той части кабинета, что не видна была из приемной, и до вечера я проработала как обычно.

Только руки немного дрожали.

Вечером я поехала забирать Андрюшу у свекрови. Машину я не водила, такси стоило в час пик слишком дорого, а на общественном транспорте я добралась уже по темноте. Срочно надо идти учиться водить. Виталик же и сам не водил, и меня отговаривал, мол в городе машина — только лишние расходы.

С этими мыслями я дошла до дома свекрови. Почему-то фонарь не горел, и впотьмах я долго не могла найти ключи, а когда нашла и открыла дверь мысленно застонала. Квартира свекрови была на первом высоком этаже и на ступеньках в подъезде меня уже поджидал муж.

Он был какой-то подавленный и непривычно хмурый.

— Алина... — Он встал, неловко отряхнул брюки, и запнулся, явно не зная, что дальше говорить. Я замерла у подножия невысокой лесенки, ведущей на первый этаж от входа.

— Виталик?

— Алин, прости меня. — Я онемела и не знала что сказать. Неужели до него дошло? Не верю!

И правильно, как оказалось.

— Я действительно не должен был сегодня врываться и орать на тебя. Но я был очень зол, ты ушла непонятно куда, не звонишь, не возвращаешься, вдобавок твой начальник меня увольняет. Я просто вышел из себя.

— Вообще-то, — я начинаю закипать, — Станислав Александрович и твой начальник. Он в этом здании всем начальник, а ты ему морду бить шел.

— Потому что нечего спать с моей женой.

— Ты с ума сошел?! — У меня глаза полезли на лоб. — С чего ты вообще взял, что я с ним сплю, я на работе работаю!

— Ну конечно, именно поэтому ты задерживалась на своей работе допоздна, а когда приходила, то была слишком весела и от тебя пахло спиртным!

— И что ж ты ни разу не пришел ко мне на работу, проверить? Ни разу не спросил, может, меня надо поздно вечером забрать, чтоб мне было не так страшно в темноте идти одной? И вообще, это ты мне изменил, козел! — последние слова я уже выкрикнула.

К тому времени мы препирались уже на лестничной площадке хрущевки и смотрели только друг на друга, увлеченные ссорой. И оба подпрыгнули, услышав звонкий детский голос, спрашивающий:

— Бабушка, а что такое изменил и почему папа козел?

Глава четырнадцатая

Мне стало стыдно. А вот Виталику совсем нет.

— Это ты виновата, — он ткнул в меня пальцем, почти в глаз, больно схватил за руку (опять!) и поволок в квартиру, задвигая одновременно внутрь свою мать и Андрюху. Не знаю, чем бы все кончилось, если бы не свекровь.

— Виталий! — если бы голосом можно было морозить, а взглядом пепелить, то от моего мужа уже осталась бы сосулька из пепла, — немедленно отпусти Алину, затем разувайся и марш на кухню. Алина, ты тоже. Андрюша, пошли, бабушка включит тебе бонусные мультики у себя в спальне.

Мой сын радостно взвизгнул и побежал, свекровь пошла за ним, доставая коробку конфет из комода в коридорчике. Я не одобряла частое смотрение мультиков, но не сегодня. Зато он точно ничего не узнает, пока мы не решим сказать.

Постояла в коридоре не раздеваясь, давя в себе желание сбежать и больше никогда не возвращаться. Если бы не сын, то так бы и сделала. А так пришлось закрыть глаза, глубоко вздохнуть и начать разуваться.

К чаю у нас был лимон, вафельки, мои любимые между прочим, маленькие прянички с тягучей медовой начинкой и трюфельные конфеты. Свекровь посматривала на нас с подозрением, Виталик сидел как сыч, макал в чай пряник, я же села поближе к двери и сумочку из рук не выпустила, надеясь сбежать поскорее.

— А теперь, — свекровь стукнула чашкой о блюдце, — давайте вы мне расскажете, что такое изменил и кто тут у нас козел.

— Она крутит пашни с начальником! — мой муж решил, что лучшая защита это нападение.

Я закрыла лицо ладонями. И ведь давно он себе в голову это вбил. Скажи я сейчас, мол, не сплю с начальником, получится, я оправдываюсь. Если человек оправдывается — он виноват.

— Я застала Виталика голым в его кабинете. С девочкой, его подчиненной, ее трусики висели на люстре. Может, конечно, они там в доктора играли, — пытаюсь сыронизировать, но голос дрожит от злости, обиды и усталости, — но наша уборщица была уверена, что гм... в постельные утехи. И остальные в его части офиса — тоже.

Свекровь подавилась чаем, закашлялась. А когда откашлялась началось.

— Алина, подай мои сердечные капли, ты знаешь где. Виталик, сын, скажи мне, Алина же говорит правду?

Мою свекровь было сложно обмануть. Мне — сложно, а Виталику и Андрюхе невозможно, она знала их как облупленных. Вот и тут, муж открыл рот для оправданий, понял, что не прокатит и пошел ва-банк.

— Она подговорила своего начальника и мне сегодня сказали, что контракт не продлят, через две недели я стану безработным! Представляешь мама, меня лишила работы собственная жена!

Сердечные капельки закапали в стакан с водой.

— Помните, он держал меня за руку, когда мы ходили на первое сентября к Андрюше?

Свекровь выпила половину воды с каплями.

Я сняла свитер. Расстегнула манжеты блузки. И закатала рукав.

Свекровь допила свою воду с каплями.

— Это не я! — пискнул муж, с ужасом таращась на отпечатки своих пальцев на моей руке чуть выше локтя.

Глава пятнадцатая

Свекровь и муж увидели мои синяки и оба пришли в шоковое состояние. Когда я говорила боссу, что муж не хотел наставить мне синяков, я не врала. Он действительно не хотел, но ему видимо настолько было наплевать на меня, что силу хватки он просто не соизмерял и синяки получились на славу. За эти дни они расползлись, вылиняли, расцвели всем спектром радуги от желто-зеленого у края, в голубой и так до фиолетового в центре.

— Виталий, я тебя ТАКОМУ не учила. — Свекровь со стуком поставила стакан на стол и поджала губы.

— Я был зол!

— Ты застукал свою жену с боссом?

— Она меня довела, она сама виновата! — и уже мне, — а ты могла сказать что тебе больно, я бы отпустил!

— Я говорила!

— Виталий, так ты хоть раз видел свою жену с ее начальником в, гм, неподобающей ситуации? — мою свекровь было сложно сбить с темы. — Что ты молчишь? Не видел?

— Не видел, — Виталик сложил руки на груди и демонстративно уставился вдаль, где над верхним шкафчиком кухни сплел паутину паук по имени Арсений.

— А она тебя видела?

— Ну и видела! Я мужчина, у меня потребности! А она последний год как ледышка!

— Я в шоке!

Как говорить дальше с нами о делах, скажем прямо, весьма деликатных, свекровь не понимала, а промолчать уже не получалось. Нас всех выручил мой телефон.

— Алиночка, это Тамара Васильевна, я волнуюсь, все ли у тебя хорошо? — мой бывшая коллега, и единственная сейчас подруга, знала что я еду за Андрюшей и чего опасаясь, поэтому настояла, что если я до девяти вечера ей не позвоню — она сама меня наберет.

— Да, Тамара Васильевна, все хорошо, я у Анны Петровны сейчас, мамы моего мужа.

— Дорогая, а можешь включить громкую связь?

— Конечно! — я не знала, что именно задумала моя старшая подруга, но хуже уже было некуда и я решила дать ей свободу действий.

— Здравствуйте Анна Петровна, это бывшая начальница вашей невестки, Тамара Васильевна. Извините что так вмешиваюсь в ваши посиделки, но Алина временно сейчас живет у меня, а я уже немолода как вы знаете, у меня режим, я звоню ей об этом напомнить.

— Здравствуйте, Тамара Васильевна, я вот только от вас узнаю, что Алиночка, оказывается, живет сейчас не дома.

— Да, да, у нее там вышла неловкая ситуация с вашим сыном, настолько, что она сейчас у меня.

— Насколько неловкая? — свекровь и раньше была знакома с Тамарой Васильевной, еще когда работала, тоже в сфере строительства, поэтому знала, что ей можно верить.

— Предельно неловкая. Я бы сразу развелась. Я вам больше скажу, дорогая Анна Петровна, я бы после такой и при союзе развелась, меня бы даже партия в этом поддержала!

— Ах вот как... Большое спасибо, Тамара Васильевна, я потороплю Алину, не буду и вас задерживать, режим это очень важно в нашем возрасте. Доброй ночи!

— Доброй ночи!

И моя подруга закончила звонок.

Виталик все это время сидел, как воды в рот набравши и гипнотизировал Арсения.

— Мама, у тебя вон там, над шкафом, паук, я его уберу! — мой муж предпринял попытку сбежать из кухни.

— А ну сел! — О боже, я и не знала, что Анна Петровна умеет так орать, — только попробуй тронуть Сеньку, я тебя самого уберу ремнем по заднице! Сейчас вы оба, — она встала и взялась руками за спинку стула, — пойдете домой. Ты, сын, к себе, Алина к Тамаре Васильевне.

— Но... — Ну конечно, у моего мужа были возражения, но кого они сейчас волновали.

— Никаких но. Дальше вы, как взрослые люди, будете разбираться со своими проблемами сами. Не впутывая в них начальство, меня и Андрея. И кстати об Андрее. Я очень люблю своего внука, но у меня завтра визит к врачу и еще некоторые планы, так что вам придется о нем позаботиться самим.

— Я его заберу. У меня там есть для него и стол, уроки делать, и спальное место отдельное. — Мы с Борисычем и Тамарой Васильевной на выходных сделали в комнате перестановку и теперь там помимо уже не заедающей тахты, при взгляде на которую я до сих пор густо краснела, вспоминая, как мы по ней валялись с боссом, стояло еще и кресло-кровать для Андрюши.

— Я не... — Виталику и тут свекровь не дала договорить.

— Что ты не?! — взвилась она. — Твоему сыну таблетки надо пить по часам, а ты так до сих пор и не знаешь ни какие, ни когда. Это не обсуждается, Андрей уезжает со своей матерью.

Свекровь вышла нас провожать, строго-настрого наказав своему непутевому сыну держать язык за зубами и при сыне ни в коем случае не сказать лишнего. Мама решила погостить у подруги и берет Андрюху с собой, вот и весь сказ.

Мы с сыном садились в такси, когда Виталик видимо, поняв, что реванша сегодня не будет, пнул машину в колесо и ушел в темноту дворов, видно, в танчики будет резаться до утра. Со свекровью мы обнялись и такси повезло нас с Андрюхой в наш новый временный дом.

Телефон зажужжал. Я встрепенулась, что-то забыли? Еще не поздно развернуть такси. Но на экране висело “Станислав”.

Глава шестнадцатая

Мы с сыном ехали в такси, когда завибрировал мой телефон. Сначала я испугалась, что мы забыли что-то важное, но на экране висело “Станислав”.

— Алло?

— Алина? — и между нами повисла неловкая пауза. Может, он нечаянно набрал? — Я звоню тебе сказать, — Станислав отвис, — что завтра у нас важные переговоры. Не опаздывай, — и положил трубку.

Я замерла с телефоном у уха и отвисшей челюстью. Что за? Я ни разу за все время работы не опаздывала, даже после новогодних праздников. Впрочем, долго думать о странном поведении Станислава не было времени.

— Мама, а вы с папой поссорились?

— Да, сын, мы с папой поссорились.

— Это из-за меня? — Андрюха подозрительно оттопырил губу, вот-вот заплачет.

— Нет, драгоценный мой, это из-за неприятностей на работе.

— И того что папа козел? — Таксист, прислушивавшийся к нашему разговору от неожиданности аж хрюкнул, скрывая смешок. Я же не знала как реагировать на такой вопрос, но вот в окне мелькнуло что-то очень интересное, Андрей отвлекся, а там мы и приехали. Его захватила новизна, чаепитие со взрослыми и конечно, пес Булька.

Про козла он больше не вспоминал.

На следующий день босс никак не прокомментировал свой странный телефонный звонок, переговоры прошли штатно. А вечером мимо меня к нему в кабинет продефилировала любовница моего мужа. Прошла мимо меня походочкой от бедра, взглянула насмешливо, зашла к моему боссу без стука, но на этом ее триумф, похоже, закончился.

Станислав орал так, что дрожали стекла.

Через пять минут маленькая мерзавка вылетела оттуда как ошпаренная, подбежала к моему столу, оперлась на него руками и зашипела, красная от злости.

— Ты! Тыыы! Ссс!

Но тут дверь кабинета открылась с мягким чмокающим звуком и девицу как будто веником вымело из приемной.

Я удивленно посмотрела на шефа, но решила не комментировать.

Что тут скажешь, ну в самом деле.

Станислав выглядел усталым и... виноватым?

— Я не могу ее уволить, — он подошел к моему столу, слегка ссутуленный, как будто на его широких плечах лежала бетонная плита, руки в карманах. — Она дочь моего партнера, он очень просил простить девочке ее ошибку.

— Ошибку?! — Меня даже затрясло от негодования, — это сейчас так называется?! — я вскочила из-за стола и начала ходить туда-сюда по приемной.

— Не кипятись. — Стас поймал меня, сжал горячими ладонями за руки чуть выше локтя и силком усадил на диванчик для посетителей, сам сел рядом, приобнял, от его горячей ладони по моей спине побежали мурашки. — Я ему очень сильно должен, так что отказать не мог, хоть и сильно хотелось, но сказал, что это первый и последний раз, еще одна ее

промашка и я ее увольняю. Разглашать за что не буду, пусть и на том спасибо скажет. Он согласился.

— Ладно, — я стряхнула его руку с себя, хоть и не хотелось, поднялась. — Кофе?

— Двойной, без сахара, — отозвался шеф. — И спасибо, что не настаиваешь, чтобы я изменил свое решение. Я очень ценю твою выдержку.

Я даже нашла в себе силы улыбнуться. Знал бы он, чего стоила мне эта выдержка.

Больше мы до конца недели и не разговаривали. Я была ужасно занята, сразу после работы бежала забирать сына от свекрови, утром отводила его в школу, вертелась, как белка в колесе. Так что субботу мы провели с Андрюхой дома, валяясь с мультиками в кровати, а в воскресенье решили прогуляться.

Выдался удивительно погожий для сентября денек, так что мы с удовольствием погуляли по улочкам нового для нас района, сходили в кино на очередной мультик и пошли на одну из этих забавных улочек, выросших по городу за прошедшие пару лет. Длинные и узкие они были открыты только для пешеходов, в вагончиках, разбросанных вдоль улицы продавали хотдоги, чебуреки и прочую еду, есть которую можно без ножа и вилки. Мы сделали заказ и уже отправлялись искать свободный столик, как меня окликнул подозрительно знакомый голос:

— Алина?!

Глава семнадцатая

— Алина?! — Станислав встал из-за большого стола и помахал нам рукой.

— Мама, смотри, нам кто-то машет.

— Это мой начальник. — Я присела так, чтобы мои глаза были на одной линии с Андриюхиными. — Сынок, кажется, мы с ним сейчас будем общаться, веди себя хорошо, ладно? — Я подмигнула, как бы говоря, что это такая игра, обняла сына, а когда поднялась с корточек, босс уже был тут как тут.

— Алина добрый день. Очень рад тебя видеть.

— Здравствуйте, Станислав Александрович, а мы вот тут гуляли...

— С сыном?

— Да, Станислав это Андрей, мой сын. Андрей, это Станислав Александрович, мой начальник.

— Очень приятно, но зови меня просто дядя Стас, — он наклонился и протянул Андриюхе свою большую теплую ладонь. Андриюха степенно ее пожал.

— Хорошо, дядя Стас. А вы тут тоже гуляете?

— Да, мы тоже тут гуляем, — сказала миниатюрная юная блондинка, подходя к нам. — Стасик, давай ты заберешь нашу еду, а то вот, — и она протянула ему истошно пищущую пластмассину, нам с Андриюхой тоже такую выдали.

— О, Настасья, извини. — И уже нам, — вы идите, с Настькой садитесь, у нас большой стол.

Я была в растерянности. Мне совсем не хотелось делить стол со своим боссом и его кем? Подругой? Любовницей? Я что, ревную Станислава к этой блондинке?!

Тем временем Станислав вернулся, неся поднос, заставленный всяческой едой.

— Я тут еще дополнительно захватил из готового, угощайтесь. — Он так улыбался, что как бы я не хотела сбежать отсюда минутой раньше, сейчас же у меня будто ноги отнялись. — Ах да, забыл вас представить. Настасья, это Алина, мой личный помощник и ее сын Андрей. Алина, Андрей, это Настасья, моя сестра.

У меня прямо гора с плеч упала. Не любовница, не подруга, сестра. Кажется, я точно ревную. Ужас.

На удивление, с ними было легко. Мы говорили о какой-то ерунде, ели, смеялись. Потом Андриюха захотел в веревочный городок. Я вознамерилась отказать, но тут вмешалась Настасья.

— О, я тоже хочу, — и они убежали вдвоем.

Мы со Станиславом остались практически наедине, не на работе и это было странно. Мне он нравился. Раньше я как-то не смотрела на него как на мужчину, на красивого мужчину, не то что сейчас. И ладно бы дело было во внешности, но мне всегда нравились высокие худые блондины, как мой муж, а Станислав был не слишком высок, наверное, чуть выше метра восьмидесяти, крепко сложен. У него были широкие плечи, большие, горячие ладони, а мышцы на груди, ммм... Тут я вспомнила как мы упали на тахту, поняла, что молча тарашусь на босса вот уже несколько минут, а он насмешливо смотрит на меня и смутилась.

— Вы с Настасьей совсем не похожи, — упс, кажется, тему для отвлечения внимания я придумала не самую лучшую.

— Да, она похожа на отца, а я на маму.

Я изумленно уставилась на него. Станислав рассмеялся, при смехе у него в уголках глаз собирались тоненькие морщинки. Почему женщин морщины не красят, а с мужиками все наоборот?

— Я когда вырос, — начал рассказывать он, — закончил школу в шестнадцать и укатил в Москву, в универ. Родителям быстро стало скучно и они родили себе Настасью. Правда на, хм, “веселье” с пороком сердца они не рассчитывали, но в остальном очень довольны, особенно мама.

— Да уж, веселого в пороке сердца мало.

— Ну ничего, все же хорошо в итоге, Настьке уже ничего не грозит, только выросла мелкая и худая. — Настасья и вправду едва доставала Станиславу до плеча. — Пошли, вытащим наших лабиринтщиков. Мне уже пора.

Он протянул мне руку, помог выбраться из-за столика. Моя ладонь тонула в его, а мне было радостно и спокойно рядом с этим мужчиной. Хотелось чтобы вечер дольше не наступал.

Мы разошлись и я повезла Андрюшу к бабушке.

Было еще светло, так что я не ждала никаких подвохов.

И зря.

Глава восемнадцатая

Андрюшу к свекрови я повезла еще засветло. Сын рвался к бабушке, да и до школы было оттуда гораздо ближе, чем от нашего нового жилья. Я подумывала снять маленькую квартиру где-нибудь не слишком далеко от школы и работы, но пока что не хватило ни времени ни сил.

Домой, к Тамаре Васильевне, я собралась уже на закате. Никаких подвохов я не ждала, а зря.

Виталик выскочил, как черт из табакерки. Внезапно и страшно. Вылез из густых, все еще покрытых мелкими желтыми листьями, кустов, что окружали дом свекрови, попытался схватить меня за руку, но я отпрыгнула, а его повело.

Да он пьян!

— Алинка! — Виталик упал на колени и расплакался. — Прости меня, дурака.

— Виталь, ты пьян? — мой муж конечно не был ангелом во плоти даже до случая с дизайнершей, но вот тяги к алкоголю не проявлял, я редко видела его даже захмелевшим, а настолько пьяным — впервые.

— Я не пьян! — он рванул на груди толстовку, но она была без замка. — Меня все бросили! И ты бросила, и Татьяна! Я совсем, совсем один, — пожаловался он мне.

— Татьяна это кто? — Нет, я посмотрела в документах, как зовут стервочку, которая не видит ничего зазорного в том, чтобы спать с женатыми мужиками, но мне было интересно, что скажет мой муж.

Он поднял на меня мутные глаза.

— Не важно, Алиночка, — подполз ко мне, обнял за колени и сказал, — возвращайся. Мы же хорошо жили.

У меня дрогнуло сердце. Он был такой свой, пусть и оступившийся. Я даже подумала, а может... Но зазвонил телефон, Виталик мгновенно переменялся в лице, схватил мою сумку, попытался вырвать.

— Тварина, с любовниками созваниваешься! — он орал уже на весь двор, сумку мы держали с двух сторон, он за доньшко, я за ручки. — Я тут, как дурак, перед ней на колени падаю, а она!

— Виталий! — Свекровь стояла в раскрытой двери подъезда с телефоном в руках, — это я звоню. — Она сбросила звонок, сумочка затихла и мне удалось ее отобрать.

Нет-нет-нет, никакого прощения, только развод!

— Я подаю на развод! — крикнула я и позорно сбежала не оглядываясь.

В автобусе я забилась в уголок и расплакалась. Где-то в глубине души я все же надеялась, что все наладится, как-то утрясется. Разбитые иллюзии больно ранили мое сердце и гордость.

— Что случилось? — спросила моя старшая подруга. Борисыч снова укатил на свою обожаемую дачу, пообещав, что вот-вот, уже скоро он вернется в город и мы с Тамарой Васильевной остались вдвоем. Я зашла на кухню уже переодевшись, хотелось чаю, крепкого, сладкого до одури и с лимоном. А она сидела там с вечерними печеньками.

Пришлось пересказывать случившееся. И я снова плакала, так, что с утра под глазами были видны полопавшиеся капилляры. Пришлось штукатурится, как в ночной клуб.

Боссу наврала, что словила аллергию и пришлось замазывать. Было странно, что он

вообще заметил. О нашей встрече на пешеходной улице мы не разговаривали, по молчаливому согласию сделав вид, что ничего не было.

Документы на развод я собрала за неделю. Виталик больше меня не подкарауливал, не звонил и никак себя не проявлял. Документы из отдела кадров забрал, не заходя на мой этаж и, по слухам, уже устроился в конкурирующую с нами фирму.

Еще неделю я думала, как буду разводиться, каждый день откладывая поход в ЗАГ. Но все таки собралась. Теперь оставалось только ждать. К новому году я буду свободна.

В середине октября у нашей фирмы был юбилей. Я зашивалась, на этот срок у нас как раз приходилось несколько подписаний крупных контрактов, так что даже и забыла. Не пошла бы, если бы не Станислав Александрович.

— Алина, ты же помнишь, на этих выходных мы едем в еловый лес.

— Зачем мы едем в лес, да еще в еловый? — Я недоумевающе уставилась на босса. Он рассмеялся.

— Не в лес, а в “Еловый лес”, турбазу за городом. Юбилей фирмы, ало, Алина, вызывает реальность.

— Ох, я забыла. — Я закусила губу. Был поздний вечер после долгого тяжелого дня, а я так замоталась за сегодня, да и вообще за эти недели, особенно от дороги. Каждый день дорога дом-школа-работа и обратно занимала у меня почти два часа в одну сторону. — Теперь вспомнила.

— Надеюсь, ты приедешь. — Станислав подошел ко мне, взял за руку и погладил большим пальцем внутреннюю сторону ладони. Меня как будто током ударило.

Глава девятнадцатая

Когда мой босс взял меня за руку и начал рисовать узоры по внутренней стороне ладони меня будто ударило током. Прошло от макушки до пяток, свернулось теплым клубком внизу живота. А ведь он ничего со мной не делал, просто гладил пальцами мою ладонь, касаясь легко-легко, скорее обозначая касание, чем на самом деле трогая. Я таяла, как сливочное масло, разлилась бы лужицей, но в коридоре завозились, зазвенели браслетами и Станислав встал, отпуская мою руку.

Когда Мариванна зашла в приемную со своим уборочным инвентарем все выглядело очень невинно. Я сидела за своим столом, ухватив какую-то папку, а босс стоял около кулера с водой и гипнотизировал.

— А что это вы еще тут делаете? — никогда эти буколки в бусиках не страдали излишней деликатностью.

— Да вот, вас ждем, самую красивую сотрудницу моего офиса, — и Станислав церемонно приложился к воздуху возле сухонькой ладошки. Наша сплетница аж обомлела. — И самую осведомленную.

— Все то вы шуткуете, Славик, — Мариванна явно отвлеклась от того факта, что застала меня с боссом наедине в кабинете и была польщена вниманием красавца-мужчины. — Но вот, дождались, выметайтесь, поздно уже. — И она похлопала босса ну... куда достала, еще бы чуть чуть и ее жест перестал бы быть невинным. — Вы бы свою помощницу подвезли, а то вон она какая, за последние пару недель стала совсем зеленая, как лягушка. Нелегко ей развод дается, ой нелегко.

Станислав посмотрел на меня долгим взглядом, потом снова улыбнулся уборщице во все свои тридцать два.

— Вы правы, тетя Маша, но скоро все отдохнем. Вы же будете на юбилее фирмы?

— Конечно, мой дорогой, как я могу пропустить такое событие!

— Прекрасно. — И уже мне, — Поедемте, Алина, а то и в самом деле уже поздно, я вас задержал, компенсирую неудобство.

У него был огромный джип, в который я даже не смогла забраться без помощи. Будь я в кроссовках, смогла бы, а вот шпильки и скользкая подножка совсем не монтировались. Так что Станислав какое-то время постоял, придерживая дверь, а потом как-то внезапно оказался уже совсем рядом, подхватил меня на руки и усадил в машину. Я даже пискнуть не успела.

А он уже запрыгнул со своей стороны и машина заурчала и повезла нас в темноту городских улиц.

— Ты же все еще у Тамары Васильевны живешь, — спросил Станислав, вырuling на центральную улицу. В офисе он всегда называл меня по имени, но на вы, а наедине теперь переходил на ты, и это странно волновало.

— Да, мы с Андрюшей пока там живем. Он сегодня у бабушки ночует, я позвонила ей, когда поняла, что задержусь.

В машине негромко играло радио, пахло кожей и цитрусовым освежителем. Там был не только цитрус, к нему примешивались едва заметные запахи дерева и хвои. Запах был таким, очень мужским и надежным. И похожим на духи Станислава.

Ехать было не очень далеко, разговаривать не хотелось и когда Стас припарковал

машину я вознамерилась тут же из нее как-то... Телепортироваться? Повернулась к двери с мыслью “а как же я буду выходить”, но в спину мне прилетело:

— Ты подала на развод? — И я застыла.

Когда Мариванна ляпнула, что я выгляжу усталой из-за развода я понадеялась что босс пропустит это мимо ушей, в конце концов он никак не прокомментировал это в офисе и ничего не сказал, пока подвозил меня домой. Но он не забыл.

— Ты подала на развод? — Летит мне в спину, когда я уже собралась открыть дверь машины и пойти домой.

— На прошлой неделе, — я разворачиваюсь лицом к водительскому сидению. Станислав сидит вполоборота ко мне, в темноте я не могу разглядеть выражение его лица. — А что?

— Я не знал. — Говорит он и выходит из машины. Открывает пассажирскую дверь и протягивает мне руку, — я помогу тебе выйти.

Мы не заезжали во двор, остановились у кованых ворот, вокруг было ни души, а фонарь все еще так и не починили. Так что я согласилась на предложение босса, потому что что же может пойти не так. Но оказалось — вообще все.

Например, он подхватил меня на руки, снял со скользкой подножки джипа и не поставил на землю.

Например, мне пришлось обхватить его за шею.

Например, он меня поцеловал.

Это было очень неожиданно и очень сладко. Хотя первым порывом было отстраниться, но его губы, такие нежные и напористые одновременно, его руки, такие горячие и такие сильные. Я не смогла ему не ответить. Я упала в этот поцелуй как в омут, теряясь, забывая кто я и где я, чувствуя, как в животе начинают порхать бабочки. Хотелось целоваться всю ночь напролет, как в юности, но ничто не длится вечно.

Когда Станислав поставил меня на землю мне захотелось расплакаться от разочарования, броситься к нему на шею и целовать еще и еще. Но я же взрослая приличная женщина, так что я этого, конечно не сделала. А он...

— Спокойной ночи, Алина, — сказал Станислав и уехал.

Сны мне снились очень увлекательные. Из тех, которые интересно смотреть, приятно вспоминать, но никогда и никому не расскажешь!

Юбилей фирмы мы отмечали на турбазе “Еловый лес”. Это скорее было модное нынче направление эко-туризма. Маленькие домики из бруса, разбросанные прямо в лесу на берегу небольшого озера, небольшие шатры на деревянных помостах, террасы под навесами и большое общее помещение, больше похожее на огромную палатку.

Для меня это был не только отдых, но и работа, то тут требовалось что-то уточнить, то там разрулить. Кто-то оставался ночевать, кто-то уезжал. Уже к полудню я очень была рада, что оделась в совсем кэжуал — джинсы, свитер и кроссовки.

И вот, решив, что все уже как-то дальше образуется без меня я поставила телефон на беззвучный режим и уселась на одной из террас выпить кофе и перекусить. День был погожий, солнышко пригревало, вокруг меня была золотая осень, перемежаемая вечной зеленью елей и сосновыми стволами. Ветер шумел в кронах, пахло разогретой смолой, близкой водой и кофе. Я уселась за один из столиков у ограждения террасы, отложила телефон и решила, что буду наслаждаться видами.

И мне это даже удалось. Ну, почти.

Я уже допивала кофе, как глаз зацепился за очень знакомую долговязую фигуру.

Тааак, интересно. А что же здесь делает мой почти бывший муж?!

Глава двадцать первая

Моя фирма праздновала юбилей. Ну то есть не моя, а моего босса, но не в том суть.

А в чем, спросите вы.

Да в том, что я сижу, наконец-то пью кофе, и вижу своего почти бывшего изменщика-мужа, которого, вообще-то уже уволили и его тут, на закрытом мероприятии, быть никак не должно!

А потом я увидела ее. Татьяну, любовницу моего мужа. Вот оно что, гребаное “плюс один” на приглашениях. Но кто мог подумать?!

Внутренне я кипела и горела, если бы можно было, прибила бы обоих, но увы. Я взрослая приличная женщина. Так что вместо разборок пошла и взяла бокал вина, хотя я не сторонница начинать пить в двенадцать дня.

До вечера мне как-то удавалось избегать и мужа с его пассией, и Станислава. День был наполнен солнцем, вином, вкусной едой и всякими развлечениями. К вечеру я даже успела забыть свои невзгоды и просто веселиться. Закат был потрясающ. Я ушла от толпы коллег, на мостки у озера и смотрела как далеко, у другого его берега, солнце садится в сосновый бор.

Станислав подошел ко мне сзади так тихо, что я заметила его только когда очутилась в его объятиях.

— Привет!

— Привет! — Он прижал меня к себе и я могла чувствовать как тонко пахнут его духи, шипровые, как будто их выжали из этого леса. Взяли запахи хвои, прелой листвы, разогретой смолы, добавили туда пряностей и получился Станислав. Я уткнулась носом ему в шею в расстегнутом вороте рубашки, он зарылся носом мне в волосы и мы стояли так, дыша друг другом, пока солнце не село совсем. И мне было совсем все равно, застучает меня в такой неоднозначной ситуации, в объятиях босса, или нет. Но сказать надо было.

— Стас, а ты знаешь? Мой бывший муж тоже тут. Пришел с этой девицей из дизайнеров, как плюс один. — Я отстранилась и теперь смотрела Станиславу в лицо. Которое после моих слов изрядно перекошило.

— Вот же... — Он грязно выругался. — Ты кстати знаешь, что у тебя от смущения алеют кончики ушей?

Я не ханжа, я знаю не только обычный русский, матерный тоже, но раньше Станислав при мне никогда так не выражался, так что я все-таки смутилась и действительно чувствовала что уши горят, как факелы.

— Знаю. — Я прижала свои холодные ладони к пылающим щекам, потом к ушам, — что делать то? Я не думала, что он придет.

— Я тоже не думал, иначе бы запрет выписал охране и на него.

— То есть, у нас есть неприкасаемые люди, которых не пускают на корпоративы?

— Конечно, — Станислав улыбнулся и выпустил меня из объятий. Ветер с озера тут же налетел и выстудил меня почти до костей. Кажется, я даже пару раз стукнула зубами. — Пойдем, давай руку, а то споткнешься.

И пока мы шли до освещенных площадок, Станислав рассказал мне план. Простой как грабли.

— Давай так, Алин. Как только ты видишь что-то не то, или тебе будет угрожать опасность, ты шли мне смс или скидывай “глухаря” и я тебя тут же найду.

— Но как?!

— У меня свои секреты!

Мы стояли у самой границы света и тьмы. Сзади мягко шептали лес и озеро, впереди гремела какая-то разухабистая попса.

Было самое время для поцелуев.

Да, самое время!

Глава двадцать вторая

Когда вы стоите, невидимые, на границе света и тьмы, наступает волшебное время, время для поцелуев. Я предвкушала как его губы коснуться моих еще с того момента, как Станислав обнял меня на мостках.

И все равно это оказалось неожиданно... И потрясающе! Мы потянулись друг к другу почти одновременно, Станислав наклонился ко мне, наши губы соприкоснулись и меня как будто прошло электрическим разрядом. Ноги подогнулись и я бы, наверное, упала, но успела уцепиться за своего босса, такого горячего, широкого и надежного. И сладкого, словно мед. Запах его духов мешался с запахом от озерной воды, осеннего вечера и стремительно остывающего леса.

Он снова ушел первым, а я еще минут пять стояла, глупо улыбаясь и глядя на огни.

Корпоратив шел своим чередом, еда, музыка, локация с танцполом. Я побродила, выпила шампанского, поужинала и решила осмотреть домики. Мне понравилась база, зимой здесь должно быть вообще сказочно, можно будет взять Андрюху, снять маленький домик на выходные.

В одном из домиков на окраине свет горел не только на терраске, как у остальных, но и внутри. Я насторожилась. Эти домики на окраине никто не резервировал для ночевки, базу наша фирма арендовала целиком. Взяла телефон наизготовку и...

Я сфотографировала своего почти бывшего мужа и его любовницу. В очень пикантном виде, на столе маленькой кухоньки, спрятанной вдали от панорамных окон домика. Я даже застыла от удивления и они меня заметили. Татьяна, улыбаясь, глядя на меня, обхватила Виталика за шею и смачно поцеловала, а потом показала мне неприличный жест.

— Ах ты! — А вот Виталику было не до улыбок. Его натурально перекосило, он оттолкнул любовницу так, что она едва не упала со стола и наклонился, подтянуть брюки.

Я попятилась, пулей вылетела из домика и побежала, попутно набирая номер Станислава. Оглядываясь я видела, что Виталик бежит за мной, в одних штанах, незастегнутой рубашке и босиком. Размахивает руками и орет что-то матерное.

— Стас! Я их нашла в закрытых домиках, тех, которые без резерва!

— Кого их?

— Моего мужа и его любовницу! Ай!

Виталик все таки догнал меня, схватил сзади за капюшон куртки, дернул так, что я упала на спину, больно приложившись спиной о какой-то корень. Он вырвал у меня из руки телефон, все еще повторявший голосом Станислава: “Алло, алло, Алина!” и зашвырнул его куда-то в кусты.

— Ну ты и дрянь! — В темноте он был страшен и походил на какое-то лесное чудовище из сказок, высокий, худой, лохматый, леший как он есть. — Нигде от тебя нет покоя, везде влезешь. А ведь я так тебя любил, я все для тебя делал!

Я пыталась отползти прямо так, сидя. А он наступал, потом схватил меня на ворот куртки, поднял рывком с земли и занес руку для удара.

Я зажмурилась и закричала.

Глава двадцать третья

Когда я поняла, что бывший муж вот-вот меня ударит, то зажмурилась и закричала. Постаралась сжаться в комочек и прикрыть голову руками, но в темноте послышались голоса, по глазам мазнул луч света, я услышала, как Виталик четырехнулся и побежал.

Я же потихоньку отползла за дерево, пытаюсь спрятаться.

Там меня и нашел Станислав. Я сначала услышала осторожные тихие шаги, а потом сильные руки обхватили меня, подняли с земли, я вцепилась у его куртку двумя руками и разрыдалась у него на груди.

— Тихо, тихо, все уже хорошо, он ушел.

— Он хотел меня ударить, — шепчу сквозь слезы, — и я застала их... — Не нахожу слов, только комок в горле начинает мешать мне говорить и в конце концов прорывается рыданиями.

Станислав ничего не говорит, мы стоим, обнимаясь, и, пока я плачу, он просто молча гладит меня по голове, давая время на слезы. А когда я начинаю задыхаться — достает из кармана пачку бумажных салфеток.

— Его сейчас отловят и выдворят отсюда. Вы с ним виделись с момента подачи документов на развод?

Я мотаю головой, потом спохватываюсь, что вокруг слишком темно и говорю:

— Нет, с того времени еще не виделись, он не приходил, не звонил. Он мой телефон, — всхлипываю, — отобрал и куда-то выбросил.

Рыдания рвутся из горла и мне одновременно легче от того, что не надо их сдерживать и стыдно, что я не могу перестать плакать по щелчку пальцев. Виталик всегда меня ругал за излишнюю эмоциональность, так что я перестала плакать при нем, давилась слезами молча и беззвучно. Сейчас же они лились из меня и лились. Я оплакивала свой разрушенный брак, неустроенную жизнь и разбитые надежды.

— Пойдем, — меня очень мягко начинают подталкивать в другую сторону от злополучных домиков не в резерве.

— Нет, — я в ужасе мотаю головой и начинаю упираться. — Я вся в слезах, я испачкалась в земле, когда упала, не хочу...

— Не хочешь чтоб тебя видели? — Станислав перебивает мои путанные объяснения, — не бойся. Мы не пойдем в тусовку, у меня тут на базе свой домик арендован на отшибе, почти у озера.

Тут он достал из кармана рацию, прямо как в кино про полицейских, что-то нажал и приказал очень жестким тоном, как будто это не он тут только что со мной говорил очень ласково и нежно.

— Телефон мне найдите. Как все сделаете — доложить. Вокруг моего домика поставить охрану и заворачивать любопытных.

Мы шли по темным лесным тропинкам, недолго, но мне было страшно и зябко после пережитого потрясения, я цеплялась за Станислава, спотыкалась, казалось, о любой корешок и ветку, попадавшие мне под ноги. В конце концов моему боссу это надоело, и остаток пути он нес меня на руках.

Мне понравилось.

Глава двадцать четвертая

Домик встретил нас включенной гирляндой на террасе, человеком в черном, который что-то очень тихо сказал Станиславу и моим телефоном. Экран треснул, задняя крышка тоже разбилась, но он работал, я выдохнула. Со свекровью, у которой на выходных был мой сын, мы уже списывались, но мало ли что. Я хотела всегда быть на связи.

Когда я увидела телефон, то охнула и начала вырываться, но босс меня не отпустил.

— Сиди, я подам, — шепнул, усадил меня в шезлонг, сходил за телефоном, и пока я копалась в чатах и настройках, куда-то отошел.

Всем известен этот феномен, когда ты весь день на связи и никому не нужен, но пропал с радаров на полчаса и вот уже не можешь разгрести чаты со срочностью “вчера”. Со мной случилось то же самое и вот уже я разгребаю уйму чатов, вдобавок на одной из площадок случился форсмажор, разруливать который надо на месте. Я посидела минут десять, но Станислава нигде не было, а вокруг, казалось, никого не было. Казалось — потому что когда я попыталась уйти, из тьмы вынырнул человек в черной форме и сказал:

— Станислав Александрович просил вас его дожидаться.

— Но у меня тут форсмажор, по работе! — И я попробовала прорваться в сторону сияющих огней базы.

— Пять минут, хорошо? — Мне просто преградили дорогу.

— И что потом? — я, честно говоря, и сама не горела желанием идти. Вся в слезах, с опухшим носом, коленки в траве и грязи, сзади, полагаю, ситуация не лучше. Но долг звал.

— Потом Станислав Александрович подойдет, — человек в черном был непреклонен. Пришлось остаться на террасе, но признаюсь, я вздохнула с облегчением. Не хотелось ничего решать и ни о чем думать.

Станислав действительно вскоре пришел.

— Извини, — подошел ко мне и обнял, — надо было решить вопрос с твоим уже почти не мужем.

— Только с ним? — Надо было заговорить о работе, но я никак не могла забыть неприличный жест, который мне показала любовница Виталика.

— С его, гм, пассией я позже разберусь. Она тебя больше не побеспокоит.

Я тоже его обняла и с облегченным вздохом зарылась ему в расстегнутый воротник куртки — выше не доставала.

— Так а что случилось, что ты хотела убежать?

— Да там на площадке форсмажор. До твоего зама не смогли достучаться, зато смогли до меня.

— А что, кроме вас больше некому?

— Ну что-то вроде.

— Покажи мне что там?

Через пять минут зама нашли, форсмажор решили, а меня со словами — тебе надо умыться запихали в ванную, выдав огромный махровый халат. В маленькой ванной комнате стояла душевая кабина с гидромассажем, так что после душа я чувствовала себя гораздо лучше, чем до. Оставалось что-то решить с одеждой, но когда я вышла из ванной — в тот халат, что мне дал Станислав завернуть можно было еще двух меня, сумка с моими вещами уже стояла у двери. Я радостно пискнула и пошла переодеваться.

Как же хорошо, когда кто-то о тебе заботится.

Ночевать я собиралась в домике с девочками из бухгалтерии, так что сейчас, когда я вышла из ванны, на мне красовалась пижама с рисунком котят, зевающих во все лады и огромная белая пушистая кофта с пришитыми кошачьими ушами на груди и вышитой мордой.

— Ты похожа на кошку.

Станислав нашелся на кухоньке, где разливал вино по бокалам.

Глава двадцать пятая

Когда я зашла на кухню Станислав разливал вино по бокалам. Белое, игристое, брют, как я люблю. Откуда он узнал?!

— Ты похожа на кошку, — он подал мне бокал. — Я тут решил, что нам не помешает выпить после такого стресса. Не знал, какое вино тебе нравится, так что открыл сразу свое любимое. Чин-чин?

— Чин-чин, — мне было слегка неловко, но совершенно не хотелось никуда уходить, ни из этого домика, ни от этого мужчины. — За что пьем?

— За отсутствие в дальнейшем неприятных сюрпризов.

— И за список нон-грата! — Я сделала глоток игристого и задумалась. Здесь ладно, но что я потом буду делать. Конечно, Виталик протрезвеет, но он очевидно зол и уязвлен тем что я за ним не бегаю, кто знает, на что он еще способен. Вот так живешь с человеком, а оказывается, совершенно его не знаешь.

— Ты все еще живешь у Тамары Васильевны?

— Да, с Андрюшей. Не очень удобно, до школы далеко, но зато сыну нравится. Он очень подружился с Булькой, хотя на вид тот невероятно страшен.

— Булька добрейшей души животное, хоть и похож на выходца из преисподней.

И мы со Станиславом расхохотались. Мы сидели в гостиной, я в огромном кожаном кресле, а он напротив меня, развалившись на разлапистой софе. В углу, около панорамного окна горел огонь в дровяной чугунной печи, пахло разогретым металлом, огнем и лесом из приоткрытой двери. Кроме огня в печи комнату освещали только парочка торшеров и в полумраке, слушая как потрескивают дрова, хотелось представить, что не существует больше остального мира. Только мы.

За вторым бокалом последовал третий, в голове приятно зашумело и я почувствовала, что сейчас усну.

— Пойдем, — сказал Стас, — я провожу тебя наверх, в спальню.

— А как же ты?

— Внизу на диване посплю, он очень удобный, я уже проверял как-то, не волнуйся.

Наверху была очень уютная спальня с большой кроватью и мне на какой-то момент захотелось вцепиться в своего босса и сказать, что я боюсь спать одна. Я нутром чувствовала — он не откажет, не сможет, не сегодня. Но я приличная и все еще замужняя женщина, я не смогла. Да и что бы он подумал обо мне? Нет-нет, я просто лягу спать...

Утром я проснулась от того, что словила разрядку во сне. Мне снился Станислав, всю ночь, в совершенно неприличных видах, в абсолютно неприемлемой обстановке. Например, в том самом большом кресле в гостиной, и я ощущала себя в его объятиях, чувствовала, как касаюсь его горячей кожи и холодной — кресла. Жаркие поцелуи, легкие касания, отсутствие лишней одежды. Все было настолько хорошо, что я проснулась от собственного стона, осознала реальность и смущенно накрылась подушкой.

Боже, надеюсь, он меня не слышал!

Зря я боялась. Когда я спустилась вниз Станислав уже ушел. О том, что он вообще тут ночевал, говорил лишь аккуратно сложенный плед на диване и подушка, которую он забрал со второго этажа из спальни.

А сверху на подушке лежала записка.

Глава двадцать шестая

Когда я проснулась и спустилась вниз, то Станислава уже не было, но он оставил записку.

И это было так трогательно и мило. В век цифровых технологий, когда большая часть общения уезжает в мессенджеры и телефоны, он не поленился найти бумагу и ручку и написать от руки.

“В холодильнике есть кое-что на завтрак, все для кофе на столе в кухне. Дождись меня, пожалуйста.”

Подписи не было, но этот почерк я узнала. Округлые буквы с хвостиками были похожи на бусины с обрывками нити. Казалось, встряхни листком, и они осыплются, громко стуча по паркету.

Я спрятала бусины-буквы внутрь листка, а листок в свою сумку и пошла делать кофе.

В холодильнике нашлись остатки вчерашней роскоши из которых получился шикарный бутерброд. Ну и пирожное, конечно. Я заварила кофе и вышла со всем этим великолепием прямо сквозь открытое французское окно на террасу.

Станислав пришел, когда бутерброд был съеден, от пирожного остались лишь крошки, а кофе плескалось близко к доньшку чашки. Полулитровой чашки. В этом домике не оказалось чашек поменьше, а заваривать кофе в бокале я побоялась.

— Ну что?

— Ты заслонил мне солнце.

— Я ярче сияю! — он рассмеялся и уселся во второй шезлонг. Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Хочешь кофе? — я покачала своей чашкой, больше похожей на ведро.

— Если я выпью кофе, да еще здесь, — он с сомнением покосился на мою кофейную тару, — то он из ушей у меня пойдет.

Мы болтали так, как будто не просто знали друг друга много лет как босс и подчиненная, но как люди, созвучные друг другу, понимающие друг друга с полуслова. И мне очень не хотелось разрушать очарование этого момента. Но кофе закончился, времени было уже после полудня, реальность ждала.

— Мне уже пора. — Я встала, взяла тарелку и чашку, отнести на кухню.

— Я тебя отвезу, — Станислав поднялся вслед за мной.

Андрюшу я забирала в понедельник из школы, выигрывая ему таким образом полтора часа утреннего, самого сладкого сна. Так что сегодняшний вечер у меня был свободен и мы с Тamarой Васильевной уселись пить чай и судачить о прошедшем вечере. Они с Борисычем тоже были, но не оставались ночевать, да и об инциденте с Виталиком не были в курсе. Оказалось, вообще никто ничего не заподозрил, охрана сработала чисто.

Повторно рассказывать все произошедшее было даже немного смешно, особенно там, где Виталик прыгал за мной, на ходу застегивая штаны.

— А еще, — сказала я задумчиво после того, как все было рассказано, все сплетни мы обсудили, да и чай почти допили, — он меня поцеловал.

— Кто, Виталик? — У моей подруги сделались очень большие глаза.

— Да нет же! — Я возмущенно бросила в нее фантик от конфеты, — Станислав!

— Таааак, — Тамара Васильевна встала и достала коньяк из буфета. — Я хочу знать все!

Глава двадцать седьмая

В понедельник в наш офис вошел представительный мужчина в костюме, весь седой, как лунь, но все еще крепкий. У меня язык не повернулся назвать его стариком. Мимо меня он прошел, бросив коротко: “Я к Станиславу”, а когда я попыталась было двинуться следом, то мне дорогу преградил шкаф в человеческом обличье. Честное слово, если бы я хотела достать ему до носа, мне пришлось бы прыгать на батуте! Из-за двери, ведущей в коридор, встревоженно выглядывала девочка-администратор, да и наша охрана подтянулась к приемной.

Из-за двери кабинета босса не просачивалось ни звука, видимо, если разговор и шел, то был спокойным. А минут через десять Станислав выглянул из-за двери и велел:

— Вызови Татьяну. По поводу инцидента на корпоративе.

Верно, Татьян у нас много, а вот “инцидентах” у нас замешана только одна... Признаюсь, я не стала сама это делать, сгрузила грязную работу на администратора, заодно девочка отвлечется от разглядывания внезапно возникшей выставки корпусной мебели в приемной. Не знаю, кем был этот седой мужчина, но охрана у него была очень впечатляющей. Так вот впечатлишься, а потом и заикой стать недолго.

Она буквально вплыла в приемную, эта мерзавка, любовница моего мужа. Сияя как начищенный медный таз, кивнула шкафам, вихля задницей подошла к моему столу. Я застыла статуей.

— Ну что, допрыгалась, дорогуша! — голос у Татьяны, надо сказать, был на редкость противный, высокий, даже писклявый, срывающийся в конце слова на подвывы. Так что все это она произнесла как “Нуу чтооу, допрыгаулась, дорогуушауу”. Меня передернуло. А эта... Эта поганка взяла, и потрепала меня по щеке!

Не знаю, как я не вцепилась ей в волосы. Наверное, мой ангел-хранитель пуп надорвал, удерживая мои руки.

А она сделала мне ручкой и упорхнула, виляя пятой точкой, к Станиславу в кабинет. Так вот оно что. Видимо, тот седой мужчина ее отец.

Потянулись тягостные минуты ожидания. Надо сказать, что у шефа в кабинете была звукоизоляция. То есть если в кабинете орали, то можно было слышать, что там орут, но нельзя было разобрать, что именно.

Зато звон разбитого стекла я хорошо разобрала. Не знаю, кто грохнул вазу, единственную стеклянную вещь в кабинете, которую можно было с таким грохотом раскокать, но шеф будет недоволен. Ваза, надо сказать, была довольно уродливой, как будто огромную бело-красную карамель расплавили на солнце, потом растянули в тонкие длинные нити и навертели из них что-то совершенно невообразимое. Но Станиславу нравилось, и когда мы с Тamarой Васильевной фукали, мол как можно такое держать в кабинете, он смеялся и говорил, что мы ничего не понимаем в современном искусстве.

Следом за звоном в кабинете послышался визг, топот и мужское бубубу, довольно громкое, на два голоса.

Дверь открыл седой, он стоял в проеме, загораживая мне обзор, но я все равно ухитрилась рассмотреть бело-красные осколки на ковре, Станислава, стоящего у окна и Татьяну, рыдающую на неудобном стуле. Единственном, кстати, в кабинете. Мы называли его стулом позора.

— Ты, ты и ты, — седой потыкал пальцем в корпусную мебель, заполонившую приемную, — сюда. Таня, прекрати рыдать, ничего страшного не случилось, — это он уже своей дочурке. И снова шкафам, — сопроводите ее в машину. — И уже мне, — девушка, будьте добры, пошлите кого-то за вещами моей дочери, пусть принесут сюда, спасибо.

Татьяну вывел Станислав, держа двумя пальцами за локоток. Выйдя из кабинета она дернула руку из его пальцев, выпрямилась, утерла слезы и королевской походкой прошествовала на выход, сопровождаемая охраной отца. Я даже ее зауважала, надо иметь стальной стержень, чтоб вот так уметь уходить.

Вещи пришлось тащить все той же девочке-администратору. Их, кстати, набралось две большие коробки. Так что в кабинет она занесла одну, с трудом удерживая ее двумя руками и плюхнула на стол.

— Держи, Алин.

— И втораааая!

Вот зараза. Что за черт дернул эту старую калошу Мариванну припереться в такой момент!

Глава двадцать восьмая

Коробки с вещами Татьяны в приемную принесли девочка-администратор и Мариванна. Наша самая вездесущая сплетница и чирей на заднице любого, кто хотел бы что-то скрыть о своей личной и не только жизни.

Мне очень хотелось ругаться неприличными словами. И не зря.

— А что это у нас тут? — сухонькая старушка примостила вторую коробку на мой стол и бочком-бочком обошла его, так, чтоб стоять у меня за спиной. Ее вечные бусы позвякивали, браслеты позванивали, а невообразимая прическа покачивалась.

— Да ничего особенного. — Мне вовсе не хотелось раскрывать подробности происходящего этой женщине.

— Ну как же, — Мариванна плотоядно облизнулась, предвкушая все те сплетни, которых хватит не меньше, чем на неделю обсуждения. — У нас тут такие большие люди, — она окинула оставшихся шкафообразных охранников оценивающим взглядом, — редко бывают. Наши как-то знаешь, помельче будут. — Она задумалась на мгновение и добавила, — во всех смыслах, если ты понимаешь, о чем я.

Признаться, я немедленно покраснела. Почему-то совсем невинные слова этой женщины всегда воспринимались как изощренная пошлятина. Ну да, седой был выше Станислава на целую голову и действительно хорош, с поправкой на возраст, но мой босс мне нравился гораздо, гораздо сильнее.

— Тихо, Мария Ивановна, они нас слышат, — я покивала на шкафы, замершие с каменно-непроницаемыми лицами.

— Ой да и что они мне сделают, — взмах старушечьей руки, звон браслетов, — да и не говорю я ничего такого.

Ну да, ну да. Ты никогда “ничего такого” не говоришь, ага. Но я предпочла промолчать. Только вот Мариванна не унималась.

— Татьяну чтоль выставили? Надо же, а ведь ее папенька большая шишка. Не думала я что Стасик из-за тебя будет так рисковать!

Я покосилась на нее в недоумении.

— Нет, ну а ты что себе думала, — старушка захихикала, отчего ее внушительное по глубине выреза, но очень скромное по наполнению декольте пришло в движение. — Ну в самом деле, не за служебное несоответствие же ее увольняют!

Потом поманила меня пальцем и когда я наклонилась к ней, прошептала:

— Это из-за того, что было в лесу!

— Если кто-то еще узнает о том, что было в лесу, то клянусь вам, Мариванна, вы пойдете следом за Татьяной, чего бы мне это не стоило! — я это прямо прошипела в ее наглую рожу, подавляя желание взяться за связку бусиков и придушить старую сплетницу.

— Да тихо ты, тихо. — Марьиванну проняло. — Ишь, тихоня такая с виду, а на деле... — И она от меня отодвинулась на приличное расстояние, но из-за стола не ушла.

Когда мы все уже истомились, седой в сопровождении Станислава вышел из кабинета.

— Станислав Александрович, — мужчины степенно пожали друг другу руки, — вазу я вам компенсирую, надеюсь, вы не держите зла на Татьяну, она просто расстроилась.

— Ну что вы, все хорошо, да и вазу я планировал менять.

И чужаки ушли. Станислав же обвел глазами приемную и язвительно спросил

Мариванну, устроившуюся к тому времени в моем кресле.

— Теть Маш, а с каких пор это вы моя личная помощница?

Старую каргу как метлой из приемной вымело. А за ней и все остальные любопытные разбежались.

— Станислав Александрович, подать кофе?

— Сделай и себе тоже и подай в мой кабинет.

И босс скрылся за дверью.

Глава двадцать девятая

— Сделай два кофе, себе и мне и подай в мой кабинет, — распорядился босс и ушел.

Когда я вошла в его кабинет с подносом, на котором стояли два кофе, газированная холодная вода, сахар и вазочка с печеньем и конфетами, он не стал ждать, когда я все это поставлю на стол, а забрал у меня поднос и сам сервировал стол.

— Садись, Алин, — он указал на кресло напротив своего и это вовсе не был “стул позора”, это было удобное кресло, которое он ставил для своих важных посетителей. — Выпьем за то, чтоб никогда мне больше не пришлось брать на работу по протекции!

— У тебя неприятности? — я потянула свой карамельный латте сквозь трубочку, пока Станислав смаковал эспрессо, макая в него маленькое курабье. К сахару мы оба не притронулись.

— На удивление, нет. Меня спасло то видео, что ты записала и как ни странно, показания тети Маши.

Опа, оказывается, чудовище в бусиках не такое уж и чудовище.

— Она что, тогда в лесу что-то видела? — Я занервничала. Нет, я не сделала ничего плохого, но “Марьиванна знает” было равно “знает весь офис и еще полгорода”, сомнительная перспектива, прямо скажем.

— Нет, я ее вызвал как свидетеля той сцены в офисе. — Станислав смачно жевал печенье, взяв сразу два и его щека смешно оттопырилась. Было видно, что босс чем-то очень доволен: он развалился в своем кресле, откинулся на спинку и смаковал кофе с закрытыми глазами. — В общем, — сказал он не открывая глаз, — тебе больше не о чем беспокоиться. Разве что если ты хотела, что бы муж к тебе вернулся, то тут вряд ли.

— Не хотела. — Я конечно немного покривила душой. Виталик поступил из рук вон плохо, но иногда мне все еще хотелось, чтоб он попросил прощения и моя размеренная привычная жизнь вернулась. Хотя умом я понимала, что увы, это нереально. Если мужчина хоть раз поднял на тебя руку, то потом может и убить, а оно мне надо?

— Ну вот и ладненько, — босс приоткрыл один глаз, поставил чашку из-под кофе на стол и откинулся на кресло уже всем корпусом, потягиваясь. Рубашка на нем натянулась так, что стали видны литые пластины грудных мышц, накачанный твердый пресс, больше похожий на стиральную доску, а рукава казалось вот-вот лопнут. Я судорожно сглотнула, глядя на это великолепие.

Даже жаль, что не по Сеньке шапка. Хотя... Если судить по тому поцелую — шапка думает иначе. Но лучше не очаровываться, не питать пустых надежд, они очень больно ранят, разбиваясь.

— Да кстати, — сказал босс уже мне в спину, когда я выходила с подносом, собрав на него чашки из-под кофе и прочее, — Настасья передавала привет Андрюхе, и между нами, сказала что вот такого брата она бы хотела.

— Я передам, — я разулыбалась, комплименты ребенку для матери как мед на сердце.

Неделя пролетела как на крыльях. Я работала, моталась с Андрюхой в школу и из школы, пила чай с подругой на кухне, в общем, жила уже почти привычной жизнью. Только все еще зверски уставала, все таки Тамара Васильевна жила далеко. Мысли о том, что надо бы снять квартиру, прочно засели в моей голове. И даже моя подруга сначала и слышать не желала о том, что мы переедем, но все таки признала, что я права. И если моя

усталость — дело десятое, то Андрюше лишняя нагрузка в виде почти ежедневной долгой дороги мягко говоря не полезна.

Так что в пятницу я медитировала на свой разбитый телефон. Надо было выбирать, или заменить стекло, пошедшее паутиной трещин, не трогая заднюю панель, разбитую вдребезги, или купить новый. Оба варианта влетали в копеечку, а мне еще квартиру снимать!

— О чем задумалась, — Станислав стоял перед моим столом уже в пальто.

Глава тридцатая

— О чем задумалась, — Станислав уже собирался уходить и остановился рядом с моим столом. Он был в пальто и держал в руках свой любимый шарф, помнится, называл его кашне.

— Да так, о всяком, — я задумчиво поковыряла ногтем трещины на экране смартфона.

— А что с телефоном? — Станислав смотрел на аппарат как будто видел его впервые.

— Наверное, когда Виталик им кидался, то попал об камень или об дерево и вот, — я подняла и показала. Ссыпающаяся задняя панель, паутина трещин на экране. — Думаю, что делать.

— Ясно. — Станислав выглядел задумчивым. — Желаю удачи в раздумиях, — он встрепенулся, помахал мне своим кашне на прощание и ушел. Мне тоже было пора, меня ждали Андрюша, свекровь и пятничный ужин.

В понедельник вечером я отнесла кофе боссу и осталась со словами:

— Станислав, я по личному делу.

— Да, конечно, заходи.

— Я бы хотела немного пораньше уйти сейчас. — Я замялась, было неловко об этом просить, вечер был довольно ранний, пять минут шестого.

— Да, конечно, тем более, на сегодня мы почти со всем закончили, остальное терпит до завтра. Все хорошо?

— Да, все хорошо. — И я не удержалась, заговорила о личном, — пойду посмотреть квартиру, хочу переехать поближе к школе Андрея.

— Желаю удачи! — Станислав улыбался так, что у меня в животе начинали порхать бабочки. — И кстати! — Он вытащил из ящика стола коробочку в подарочной упаковке, перевязанную розовой ленточкой. — Это тебе, и даже не пытайся возражать. Только одно условие, открой дома.

— Спасибо. — Я обрадованная и ошарашенная полетела, посмотреть квартиры.

Вечер выдался хлопотным, но безрезультатным, ни одной квартиры я так и не нашла. Мне не подходили то расположение, то обстановка, то цена. Откровенный “бабушатник” без ремонта снимать не хотелось, а приличные квартиры пугали ценником. Расстроенная я приехала домой и сразу же упала спать, волевым усилием косметику смыла, но на большее меня не хватило.

И о подарке Станислава забыла.

Назавтра он мне сам напомнил.

— Подарок не понравился? Или не вскрывала? — Шеф вышел за своей первой чашкой кофе в приемную. Это была его традиция, готовить самый первый кофе самостоятельно.

— Забыла, — повинулась я, — простите. Очень вчера устала.

— Много квартир посмотрела? — он подошел к моему столу и присел на него. Белая рубашка обрисовывала контуры его тела и каждый раз как он подносил ко рту чашку с кофе я могла любоваться тем, как двигаются его мышцы.

— Да немало, — я едва оторвала глаза от соблазнительного зрелища. — Но пока безрезультатно.

— Почему, — продолжал допытываться шеф, и я не удержалась, все ему вывалила, как

на духу. И про обшарпанные квартиры с тараканами, которые их снимали безвозмездно, про старую мебель покойной бабушки “нет нельзя выбросить”, про запредельный ценник за вполне средненький ремонт, потому что “я для себя делал!” и про все остальное. Станислав меня внимательно слушал, поддакивал в нужных местах, задавал уточняющие вопросы.

Хорошо, что наша фирма занимается стройкой, как то незаметно мы съехали на рабочие вопросы и разбежались.

Вечером я вскрыла подарок.

Там в коробочке лежал смартфон последней модели, жутко дорогой и являющий собой мечту любой девицы в нашем офисе. Нежного голубого цвета, прямо как я люблю.

Я нерешительно замерла с коробочкой в руках.

Что делать то?!

от автора:

Дорогие читатели, а вы как думаете, что делать? Принять ли такой подарок, или же отказать.

Глава тридцать первая

Весь вечер я ходила вокруг подарка Станислава кругами. Ситуация — и хочется, и колется. С одной стороны это очень дорогой подарок, его неуместно принимать от начальства. С другой я уже почти разведена и босс мне нравился не только как начальник, а я ему — не только как подчиненная. А еще если я приму подарок, то смогу снять квартиру немного подороже, а в тех что немного подороже шанс найти что-то приемлемое для жизни с ребенком выше.

Я нажала кнопку вкл и залюбовалась погрызенным яблочком на экране. Твердо решив, что настраивать буду завтра вечером, поставила будильник и легла спать.

Я решила нарушить традицию босса и принесла ему первый утренний кофе на подносе. А чтоб он не разгневался случайно — положила к кофе парочку рафаэлок. Стас их очень любил, но стеснялся этого, только иногда у меня забирал штуку или две, если мне дарили. Мне об этой его слабости рассказала Тамара Васильевна и сейчас я этим нагло воспользовалась.

Ладно, конфет я положила не пару, а высыпала в вазочку целую коробку!

— Станислав, большое спасибо за подарок.

— На здоровье, — он тут же сцапал конфетку. — Пусть долго работает и радуется тебе.

— Только это очень дорого и мне несколько неловко...

— Даже не начинай, — босс смачно хрустел орешком, записал конфету кофе и блаженно щурился. — Во-первых я тут начальник и хозяин, могу себе позволить тиранию и произвол, во-вторых это, в сущности, моя вина в том, что твой телефон разбили.

— Нет нет, — я начала горячо протестовать, вы тут совершенно ни при чем!

— Алина, спорить с начальством — дурная идея! — Босс назидательно поднял палец и погрозил мне. Пафос момента портили его смеющиеся глаза и прилипшая к пальцу кокосовая стружка, которую Стас заметил, и немедленно слизнул.

Меня тут же окатило жаром. Почему-то вспомнился наш поцелуй на мостках, его горячие и нежные губы, и как он проводил языком по моим. Тут же захотелось повторить. Я смутилась и немедленно начала смотреть в пол.

— А в третьих, — кажется, Станислав не заметил моего смущения, — ты мне нравишься. Считай, что я начинаю за тобой ухаживать.

— Но я еще замужем, — робко напомнила я ему, поднимая взгляд на него.

— Ничего, я умею ждать. Кстати, — тут он ловко сменил тему, — ты его уже настроила?

— Нет, пока не успела, вечером думаю заняться. Тем более, у меня предыдущий смартфон другой фирмы, так что многие вещи придется переносить через компьютер.

— Я тебе помогу. — босс лучился энтузиазмом, но потом взгляд его наткнулся на гору папок на столе, — но сначала разгребу эти завалы...

Я забрала поднос с кофейными чашками, а вазочку с конфетами оставила на столе у Станислава, припрятав ее так, чтоб ее не было видно от двери и из кресла посетителей.

До обеда я буквально не поднимала голову от работы, но часа в два Станислав вдруг вышел из кабинета с пальто в руке, подошел к моему столу и сказал:

— У меня есть предложение, от которого ты просто не сможешь отказаться!

Глава тридцать вторая

— У меня есть предложение, от которого ты просто не сможешь отказаться!

Станислав застал меня врасплох. Как раз было около двух часов после полудня и я раздумывала, сходить поесть в местную кафешку или же к девочкам из бухгалтерии забежать, был шанс, что они еще не заказали пиццу или суши, и я смогу присоединиться.

От неожиданности я выронила степлер и тот с грохотом укатился куда-то под стол. И немедленно за ним полезла, хотя в узкой юбке-карандаше было очень неудобно, но мне надо было подумать!

Как бы не так, ага. Под столом я не только нашла степлер, но и лоб в лоб столкнулась с боссом, который решил побыть джентльменом и помочь мне. Я великодушно уступила ему честь вытаскивать степлер из-под стола, а сама попятилась на четвереньках, чтобы встать. Стас отчего-то не торопился вылезать и пялился на меня так, будто в ворота блузки у меня сидела гипножаба.

Хотя я всего лишь расстегнула ее чуть-чуть ниже, чем обычно. В вертикальном положении ничего не было видно лишнего, но под столом, когда я стояла на четвереньках все мои кружавчики были напоказ. Вдобавок это было ТО САМОЕ белье, что я купила сразу после измены мужа, жутко дорогое, очень кружевное. Очень красивое.

Прежде чем я встала, я увидела что Станислав все так же из-под стола провожает меня взглядом и судорожно сглатывает.

Я была одновременно смущена и польщена. Так что выпрямилась, откашлялась, а то в горле что-то запершило, и спросила:

— Какое предложение?

Об крышку стола выразительно стукнуло и босс показался наружу, потирая макушку. Я едва сдержалась, чтоб не рассмеяться: вид у него был растерянный и комичный.

— Да вот, — он подал мне степлер и когда наши пальцы соприкоснулись у меня по спине побежали мурашки, — хотел предложить тебе помощь в настройке телефона. Срочных дел сегодня нет, да и завтра тоже.

— Но завтра же у нас переговоры?

— Уже нет, у них там казус, главный инженер подхватил ветрянку от сына и теперь полфирмы сидит на карантине, только что звонили, очень извинялись. Так что? С меня обед и настройка, с тебя хорошее настроение, идет?

— Идет, — я улыбнулась и пошла одеваться.

Когда мы вышли в коридор Станислав воровато огляделся, но все разошлись на обед и в коридоре было на удивление тихо и пусто.

— Тшш! — Он приложил палец к губам известным жестом и потащил меня за собой.

Мы не пошли к главному выходу, а спустились по запасному выходу, которым давно никто не пользовался и который давно никто не убирал. Там пахло пылью, побелкой, бетоном, запахом построенного, но подзаброшенного помещения.

— Да уж, — Станислав потрогал перила и не позволил мне держаться за них, предложил локоть. — Надо будет тетю Машу озадачить. Заодно разомнется.

Я неприлично хрюкнула от смеха, представив это чудо в бусиках и седых кудерьках, драящее перила. Формально у меня не было никаких оснований не любить Мариванну, но вот. Не могла я простить того, что именно она открыла мне глаза на Виталика. Поневоле

вспомнишь про байки, что гонцов с плохими вестями казнили.

— Может, все таки не ее, а кого из помоложе? Те быстрее управятся.

— Да брось, неужели ты думаешь она сама будет убирать? — Станислав хитро посмотрел на меня. — Сплетнями расплатится и уберут веселее!

И мы расхохотались.

Такси увезло нас в маленький ресторан довольно далеко от офиса. Совсем скромная обстановка, сделанная под деревенскую — лавки, грубо сколоченные деревянные столы, низкий темный потолок, плохой, тусклый свет. Мы со Станиславом в своих офисных нарядах смотрелись тут чужими.

— Не бойся, — босс заметил как я растерянно озираюсь, — тебе понравится!

И мне действительно понравилось!

Глава тридцать третья

Еда была простая, но удивительно вкусная. Мы заняли столик в дальнем углу зала, сели рядом на диванчик и увлеченно спорили, какие программы надо установить, а без каких я прекрасно могу обойтись. Станислав настаивал, что необходимости обходиться нет, памяти хватает, не то что в старом.

Наконец, обед был съеден, телефон настроен и я откинулась на спинку диванчика.

— Фух, кажется, еще немного и юбка треснет.

— А я заказал десерт и кофе, может, все таки влезет?

— Если это не что-то на два кило, то влезет, я думаю, — я тихо рассмеялась.

Давно я не проводила время так хорошо и так легко. У нас оказалось схожее чувство юмора, отношение к жизни и даже предпочтения в еде. Так что мы как в детстве взяли себе разные блюда и таскали кусочки друг у друга. Десертов нам подали тоже два.

И тут нашу идиллию грубо нарушили.

— Надо же! — К столику подрулила эффектная пышная брюнетка. До того пышная, что от столкновения с ее нижними девянсто соседний столик закачался так, что с него слетела и, жалобно звякая, прокатилась по полу вазочка с сухоцветами. Дама дошла, оперлась на наш стол руками и нависла над нами всем своим богатым декольте.

Декольте ее было воистину великолепно. В огромном вырезе красного ультракороткого и предельно обтягивающего платья виднелось черное кружево, а из него уже выглядывала грудь, как перестоявшее тесто, решившее выползти из корзинки и захватить этот мир.

На этом фоне совершенно терялось небольшое, аккуратное личико с остренькими и на диво аккуратненькими чертами, настолько аккуратненькими, что сразу было понятно — без пластического хирурга не обошлось.

— Здравствуй, Стасик, — протянула брюнетка, — куда же ты пропал, мой дорогой, не звонишь, не пишешь.

Станислав же как замороженный, пялился на ее грудь.

— Дорогая, — он с трудом отмер и посмотрел брюнетке в глаза, — ты значительно, гм, похорошела с нашей последней встречи!

— Даа, — она потянула платье еще ниже, хотя казалось бы куда уж, и с видимой гордостью оглядела открывшиеся виды. А потом осмотрела меня и мой наглухо застегнутый из-за того, что тут было довольно прохладно, ворот блузки. — А твои вкусы, я гляжу, поменялись. И не к лучшему.

— Помнится, — Станислав сощурился и уже с насмешкой оглядел стоявшую перед нами выставку достижений одной отдельно взятой брюнетки, — твои тоже однажды взяли и резко поменялись. Причем ты мне даже сообщить об этом решила очень старомодно. ЭСЭМЭСКОЙ! Так что, дорогая, не тебе тут на мои вкусы пенять.

И они разошлись не на шутку. Я смотрела на эту баталию как на театр. Даже, скорее, как на цирк. Отчаянно не хватало попкорна, так что под шумок трагикомичных разборок между Станиславом и его, видимо, бывшей пассией я ухитрилась съесть свое пирожное, нежнейшее безе со свежими ягодами, и выпить кофе. Вмешиваться? Побойтесь бога, я же не Виталик, что бы скандалы закатывать. Тем более, что во-первых, эти двое и без меня справляются, а во-вторых я то Станиславу пока что только личный помощник.

Совість, до этого все еще жалобно вякавшая, что телефончик-то сильно дорогой, после

этого представления поменяла свое мнение и теперь больше походила на Голлума с его “моя прееелесть”.

Неизвестно до чего бы доорались брюнетка и уже начавший вставать из-за стола Станислав, но подоспел официант. Причем сам вмешиваться не решил, правильно оценив весовые категории, а возмущенно пискнув, вымелся куда-то в служебные помещения за помощью.

Помощь явилась, видимо, в лице хозяина этого места. Вот уж кто выглядел в этих интерьерах совершенно органично: не слишком высокий, ниже Станислава почти на голову, зато вширь как ввысь этот человек был похож на гнома. Двигался он при этом очень быстро и ловко, почти мгновенно переместившись к нашему столику, на ходу подобрал вазочку, сброшенную дамой весомых достоинств и пробасил:

— Добрый день, дорогие гости, хотите ли вы что-то заказать?

Станислав и брюнетка тут же прекратили цирк и уселись на стулья. Причем Стас кипел, а дама с дынями выглядела очень довольной.

— Конечно, проворковала она, только меню нам еще не принесли.

Гном как будто из ниоткуда достал папку с меню и сунул брюнетке в руки, причем как-то очень оскорбительно не замечая ее зримые достоинства.

— А мы уже уходим, правда, Алина? — Впервые с момента появления бывшей босс обратил внимание на меня.

Глава тридцать четвертая

И вот он на меня не обращает внимания уже минут пятнадцать, душевно скандаля с этими... Буферами, а теперь что, ждет, что я за ним побегу по щелчку пальцев? Да как бы не так!

— Ну почему уже уходим, — я нагло подтянула к себе нетронутый Станиславом десерт, нежнейший меренговый рулет, отковырнула ложечкой клубничину в сливках с верхушки и съела, а потом демонстративно облизала ложечку. — Ты не переживай, продолжай, у меня есть чем заняться, — вогнала несчастный столовый прибор прямо в серединку рулета и яростно им там пошуровала, превращая меренгу с кремом в месиво из пирожного и ягод.

Честное слово, я слышала, как стучат о пол их челюсти.

— Мне еще один латте, пожалуйста, — махнула я “гному”, а то пирожные здесь, — я пристально осмотрела грудастую брюнетку, — приторные, надо запивать.

Она ответила мне таким же.

— А ты, собственно кто?

— Конь в пальто, — от неожиданности я нахамила и в первую секунду испугалась, но увидела, что Станислав старательно прячет улыбку, прикусывая губу и успокоилась.

— Не хочешь ли узнать, кто я? — Голос у дамы был как патока, но яда в нем хватило бы на гнездо кобр.

— Мммм, — я была занята рулетом и на собеседницу не смотрела, — та кто бросает мужчин по смскам?

Она не нашлась что ответить и я доедала свой десерт в тишине и покое.

— Ты готова, — спросил Станислав, когда я расправилась с рулетом.

— Да, дорогой, поехали.

Мы собрались и ушли.

Брюнетка осталась сидеть.

Красивая девушка, но до чего ж неприятная...

— Мне жаль что ты стала свидетелем такой неприятной сцены, — мы остановились на светофоре, и Станислав, видимо, решил как-то оправдаться.

— Да ничего. Это твоя бывшая любовница? — Я решила сразу расставить все точки над и, мне хватало своего неадекватного почти бывшего мужа, еще и с чужими разбираться я совершенно не горела желанием.

— Невеста, — сказал Станислав, и хотел добавить что-то еще, но тут зажегся зеленый свет и мы опять замолчали.

А потом как-то не до обсуждений было.

В пятницу у нас в фирме день, свободный от дресс-кода, джинсовая пятница, день предвкушения выходных, удобной одежды и неформального общения. Иногда — стихийных вечеринок. Я пришла на работу в тонком и мягком голубом свитере и в белых брюках свободного кроя, в которых спереди были заложены широкие складки, а сзади красиво обрисовывалось все, что надо. Это было то небольшое из одежды, что я позволила себе купить после того, как съехала от Виталика. Он пытался мне диктовать, что должна носить хорошая жена и я “соответствовала”. Никаких широких брюк, ведь жена должна демонстрировать прекрасную фигуру; никаких дорогих вещей, жена должна быть скромной и не транжирить

семейный бюджет. И никаких кроссовок, только шпильки. В общем, сегодня я была очень красивой маленькой бунтаркой у себя внутри.

Босс пришел на работу к полудню, сразу после встречи с инвесторами. Встреча была камерной, только среди руководителей. Но, видимо, дресс-код там был нужен, потому что Станислав был, в строгом костюме-тройке и начищенных туфлях, что ему очень шло.

И с розой в руках. С розой для меня!

А в обед Станислав вышел из кабинета уже в джинсах, причем в модных, драных на коленке и снова встал у моего стола.

— Алин, а давай сбежим?

— Опять? — я многозначительно подняла бровь. Как-то повторять прошлый обед не хотелось.

— Обещаю, все будет совсем иначе!

Мне хотелось отказать, правда. Но я вспомнила что всю неделю я находила в ящике стола конфеты, каждый раз новые, всегда перевязанные ленточкой, голубой. Наверное, надо его простить.

— Точно-точно?

— Точно-точно, пошли!

Глава тридцать пятая

В этот раз мы ушли без сбеганий по пожарной лестнице. На улице было начало ноября, по утрам морозец уже ощутимо так кусал за нос, а сегодня и днем было прохладно. Зато очень солнечно и ярко, я зажмурилась и поехала по наледи на тротуаре. Не привыкла еще к новым, зимним уже, кроссовкам и, наверное, упала бы, но меня подхватили на руки и загрузили в машину.

— А если кто-то увидит? — я была возмущена.

— Ну и пусть!

— Стас! — Я чуть ли не впервые назвала босса коротким именем и ужасно смутилась.

— Алина? — Видно по моему тону он почуял что-то неладное.

— Понимаешь, я же еще не разведена. Всего месяц прошел с подачи документов, даже суда еще не было. А ведь надо еще квартиру делить, и про Андрюшу договариваться. Если Виталик узнает, что мы с тобой, ну...

— Но мы с тобой пока что даже на свидание не сходили толком! — Станислав был возмущен и раздосадован, — а о каких то там “ну” так еще и речи быть не может.

— Если помнишь, ему не нужны доказательства, достаточно повода. Я не хочу разводиться полгода! — Я представила бесконечные суды, постоянное ожидание гадостей от Виталика, на которые он был мастер и закусил губу, чтобы не расплакаться.

Босс взял меня за подбородок, аккуратно пальцем стер с моих ресниц выступившие на них слезы и нежно-нежно, очень невесомо, поцеловал.

— Хочешь, я одолжу тебе своего адвоката?

— Твой адвокат разбирается в дележке квартир и детей?

— Мой адвокат лучший в городе, он твоего экса без штанов может оставить!

— Без штанов его уже оставляли, — проворчала я, — так что пусть Виталик оставит их себе. А вот если твой адвокат может помочь мне забрать половину квартиры и Андрюхе назначить проживание со мной, то знаешь, я не откажусь.

— Вот и отлично. Теперь у меня есть к тебе очень, очень серьезный вопрос.

— И какой?

— Пойдешь со мной на свидание?

— Не откажусь. Только давай как-то так, чтобы больше никаких... — И я, не найдя подходящих слов, просто обрисовала внушительные окружности спереди.

Станислав расхохотался.

— Хорошо, никаких бывших невест, обещаю.

В этот раз меня отвезли в одно из популярнейших мест нашего города, где почти невозможно было заказать столик, в рыбный ресторанчик на крыше самого высокого здания.

Здесь все было как будто немного не из нашей реальности. От мужчины в костюме и перчатках, что стоял за стойкой гардероба и забрал мой уже поживший пуховичок так, будто я ему норковую шубу передала, до запахов и звуков. Плющ со странными пятнистыми листьями оплетал здесь колонны и опоры, поддерживающие стеклянную крышу и солнечные лучи проникали сквозь его листья и ложились причудливыми пятнами на паркет. Удобные кресла, белоснежные скатерти, вышколенные официанты. Это место очень сильно отличалось от того, где мы были в прошлый раз и в то же время удивительным образом они были схожи. Каким-то отпечатком надежности, успешности, пусть и в разных весовых

категориях.

— Ты пробовала когда-нибудь устрицы? — Спросил Стас когда нам подали меню.

— Нееет, ты что! Устрицы это же что-то на богатом, я не могу себе такое позволить.

— Алин, ты серьезно, — Станислав даже опешил, — я конечно понимаю, это не на каждый день еда и ресторан тоже не дешевый, но ты реально здесь ни разу не была и ни разу не пробовала устрицы?

— Да, я серьезно, — я посмотрела прямо ему в глаза, — ты забываешь, что пусть у нас с Виталиком и были две неплохие зарплаты, но Андрюхе нужны были операции, реабилитации, лекарства. Дело не только и не столько в деньгах. Просто мне было не до ресторанов.

— Извини, — Станислав отложил меню и взял меня за руку. — Я помню, что тебе нелегко пришлось. Но тут и правда дело не в деньгах, дело в отношении. Никогда не поверю, что нельзя было среди всего этого — больниц, лекарств и реабилитаций, — выделить день на себя. Это неправильно.

— Наверное, можно было, — я грустно улыбнулась, — но мне правда было даже не о мыслей про отдых.

И мы помолчали, решив не говорить о Виталике и том, что он и вправду ни разу не пригласил меня в ресторан. На контрасте со Станиславом мне стало еще обиднее за себя.

Устрицы были странные. Немного склизкие, пряные и слегка соленые на вкус. К ним подали черный хлеб с мягким маслом, какие-то странные добавки, что полагалось класть в устрицу сверху. И их приходилось есть со странным хлюпающим звуком, всасывая из раковины. Можно было аккуратно выковырять вилочкой, но Станислав меня отговорил, сказал, мол, так вкуснее.

А потом нам традиционно снова испортили обед.

Глава тридцать шестая

Я даже не сразу узнала Виталика в этом хорошо одетом мужчине с модной стрижкой. Он избавился от своей многокарманной жилетки, переделался из страшных джинс и драного свитера, что делали его похожим на чувака из анекдотов про сисадмина, в мягкие, хорошего кроя брюки и приталенную рубашку навыпуск. Причем как-то даже выглядел в этом всем похожим не на лаборанта заштатной лабы, а на модного блогера.

— Здравствуй, дорогая жена, — протянул он, подойдя к нашему столику, — и ты, дорогой бывший начальник. Не ожидал вас здесь увидеть.

Станислав закаменел лицом, он тоже не ожидал. А я так и тем более.

— Здравствуй, дорогой почти бывший муж, — я постаралась влить в голос как можно больше яда, — вижу, ты неплохо прибарахлился, понятно теперь, куда ушли алименты Андрюхи.

— Кто бы говорил, — Виталик оглядел меня с ног до головы, — еще и телефончик новый, — он даже языком поцокал. — Я вот думаю, суд примет это все во внимание и Андрюха останется жить со мной. Тем более это моя мать постоянно о нем заботится, пока ты порхаешь по ресторанам.

— Конечно, а вот все лекарства, реабилитолога и дополнительные занятия оплачиваю я, и поверь милый, это суд тоже примет во внимание!

Со стороны, наверное, казалось что мы обмениваемся комплиментами. Мы говорили достаточно тихо и улыбались. Но искры, пробежавшие между нами, больше не были искрами страсти. Они были холодными и жалящими, разряды ненависти, как шаровые молнии, почти видимые.

— Брейк, — Станислав поднялся и встал между нами. — Давайте не будем устраивать скандал.

— Какой скандал, ты о чем, — Виталик улыбнулся во все свои тридцать два, — я просто говорю со своей женой, а вот ты... — Он ткнул Станислава указательным пальцем в грудь, — ты тут вообще не имеешь права голоса. Ты ей никто и звать тебя никак. И это тоже суд примет во внимание.

— Ты забываешься, — палец смахнули и какой знакомый ледяной тон пошел в дело, именно им Станислав начинал говорить, когда был в предельной ярости.

Мне показалось, они сейчас подерутся.

— Сладкий, — послышалось со спины у Виталика, — вот ты где. Пойдем, нам уже убрали столик.

И в поле зрения всплыла Татьяна. Та самая, которую босс уволил ценой разбитой вазы. Сначала она заметила меня и взяла Виталика под руку, с видом высокомерного превосходства оглядывая мой наряд. Сама Татьяна была одета сплошь в люксовые шмотки и явно не на зарплату дизайнера купленные. Папочка подсуетился или это Виталиковы деньги? Мне захотелось вцепиться ногтями в ее хорошенькое личико. Да какое право имеет эта гадина меня презирать! Но тут она увидела Станислава и ее улыбочка подувяла, а сама Татьяна резво спряталась за Виталика.

— Таанечка, — Станислав расплылся в радостной улыбке и распахнул руки, будто бы приглашая Танечку упасть в его объятия, но она только попятилась еще дальше, — радость моя, так рад тебя видеть. А папа знает с кем ты по ресторанам ходишь?

— Не говорите папе, умоляю! — Она сложила ладони в молитвенном жесте, — он меня убьет!

— Но Таня, я буду вынужден сказать. Если помнишь, мы оговаривали не только не предавать эту историю огласке, но и что продолжения у нее не будет.

— А ты тут не командуй, — огрызнулся Виталик, — и не угрожай. Если помнишь, я все еще муж твоей пассии и могу тебе устроить неплохую рекламацию.

— Ну попробуй!

— Не надо, — Татьяна почти плакала.

Станислав с Виталиком сошлись почти вплотную. Виталик был выше, но Станислав значительно мощнее, и если бы принимали ставки на драку я бы ни за что не поставила на бывшего мужа.

Даже жаль, что драка не состоялась. Татьяна вцепилась в Виталика и уже в слезах что-то тихо ему выговаривала, может, умоляла не создавать ей проблем.

Следующий раз, — проворчал Станислав, когда мы уже уходили, — позову тебя на свидание на необитаемый остров. Там по крайней мере можно отоварить любого, кто рискнет нам помешать, кокосом по глупой его голове!

Глава тридцать седьмая

— Может, ты не против прогуляться? — Спросил Стас, когда мы вышли из ресторана.

— Разве что недолго, — я зябко поежилась, — ветер какой неприятный.

— Недолго, буквально минут двадцать, я не хочу в таком состоянии садиться за руль, — пояснил Станислав, — а тут в пяти минутах есть небольшой парк, без качелей-каруселей, просто кусок чуть ли не реликтового леса, которому лет больше чем городу.

Парк и впрямь оказался дивно хорош. Не слишком большой, почти из одних сосен там-сям разбавленных кленами и березами, сияющими на фоне вечной зелени хвои яркой желтизной листьев. Листопад в этом году как-то запоздал, но я была этому только рада. Люблю запах осени, запах палой листвы, первых заморозков и стылой воды.

— Ну и как тебе устрицы? — Спросил Стас, когда мы уже обошли почти весь парк.

— Ты знаешь, было очень вкусно, и просекко к ним в тему оказалось. Но есть одна неожиданность.

— Какая, — он насторожился.

— Я снова хочу есть, — было неловко в этом признаваться, но в животе реально уже начинало урчать от голода.

Станислав расхохотался.

— А какие у тебя планы на вечер?

— Ну вообще я должна посмотреть одну квартиру...

— Если я тебе помогу решить проблему с жильем, ты согласишься еще и поужинать со мной сегодня? — Он лукаво прищурился.

— Стас, не стоит, ты и так для меня очень много делаешь, — я пыталась протестовать, но безуспешно.

— Не отказывайся, Алин. — Он остановился, повернулся ко мне и взял меня за руки, — к тому же я ничего не делаю в ущерб себе, поверь. И мне нравится, что все это — для тебя. Что угодно, только бы ты улыбалась.

— Хорошо, — я забыла перчатки в машине и теперь стояла, наслаждаясь теплом его ладоней. — Какие у тебя предложения?

— Поехали, покажу!

Решение проблемы с жильем выглядело как не слишком большая двухкомнатная квартира в одном из закрытых жилых комплексов, что прятались в глубине дворов моего старого района. До Андрюхиной школы было десять минут неспешным шагом, до дома свекрови — с полчаса. Мебели было мало, пыли много, в квартире давно не жили, но запаха отчаяния, заброшенности и безысходности в ней не было. Во многих же съемных квартирах, что я смотрела, этот запах царил безраздельно и как-то сразу в них жить не хотелось.

— Это моя первая самостоятельно купленная квартира, — Станислав походил по комнатам, открыл дверь на просторную, совершенно пустую лоджию с французскими окнами в пол. — Я тогда успел уже основать фирму и это был наш первый самостоятельный заказ. Продажи шли как-то ни шатко, ни валко, а мне надоело мотаться по съемным квартирам и отелям и вот.

“И вот” состояло из одной довольно большой кухни-гостиной с выходом на лоджию и двух маленьких, едва по десять квадратов, комнаток, совершенно без мебели.

— А почему две спальни?

— Это спальня и кабинет. Мебели нету, но я могу с этим помочь.

— Нет нет, это слишком дорого, — замахала я руками.

— Алина, — Стас усмехался, — ты не поверишь, но я богат! Если ты не хочешь, чтобы я тратил деньги на обстановку, то у меня и у моих родителей просто есть какое-то количество неиспользуемой мебели, выберешь на первое время что-то, а потом посмотришь. — С этими словами он развернулся и ушел куда-то из комнаты-кабинета, с видом на огромный, пылающий всеми оттенками алого, клен.

— Но мне неудобно! — Прокричала я ему вслед.

— Неудобно спать на потолке, одеяло падает! — отозвался Станислав. Его голос звучал как-то гулко, как из ведра. — Алин, иди сюда!

В коридоре были еще три двери, со скрытыми петлями и почти сливающиеся со стеной, поэтому раньше я не обратила на них внимания. Сейчас же все три были распахнуты. Станислав нашелся в ванной. За оставшимися дверями нашлись туалет и кладовка.

— Смотри, тут вся техника осталась, — он повел меня на экскурсию дальше, — стиральная машина, посудомойка, в кладовке пылесос. А еще в комплексе есть охрана, а судя по сегодняшней сцене она тебе не лишняя будет. Ну что, скажи мне, что ты согласна?

— Я согласна! — Ну в самом деле, как я могла отказаться? Только для себя могла бы, но привести сына в обшарпанные стены к тараканам... Да я и не на такое согласилась бы ради него.

Стас очень обрадовался, подошел ко мне и поцеловал. Я попятилась, выходя из ванной, не прерывая поцелуя, он потянулся за мной, обнял, прижал к себе и я в очередной раз поразила тому, как же сильно я ему нравлюсь как женщина, но он при этом такой сдержанный и нежный.

Хотелось целоваться еще и еще, но тут у меня в животе заурчало от голода.

— Поехали ужинать? — Спросил Станислав, улыбаясь.

Глава тридцать восьмая

В ресторан отчаянно не хотелось да и, честно говоря, мы оба уже опасались туда ходить. Каждый наш выход “в свет”, кроме той, случайной, встречи на пешеходной улице, заканчивался скандалом с бывшими. Мы долго спорили по вопросу “что же делать?” и в конечном счете сошлись на фастфуде.

— Может, ко мне? — спросил Стас, но увидел, как на моем лице удивление сменяется страхом, а потом и паникой. Не то чтобы я не хотела увидеть, где он живет, но все мы знаем, что обычно стоит за этим предложением и я осознала, что кажется, пока не готова.

— Понял, мы едем на нейтральную территорию.

Нейтральной территорией оказалась база “Еловый лес”, та самая, где проходил наш корпоратив. Не знаю, когда Стас успел распорядиться, но к нашему приезду уже был накрыт скатертью небольшой столик на берегу озера, на одной из маленьких террас, в изобилии разбросанных по территории базы. С крыши террасы свисали гирлянды лампочек, солнце почти село, из бумажных пакетов одуряюще пахла картошка с сыром, острые крылышки и прочая вредная, но такая вкусная еда.

Честное слово, это был мой самый лучший ужин за много-много времени.

Когда мы расправились с едой и сыто откинулись на спинки кресел я сказала без всякой задней мысли:

— Так не хочется отсюда уезжать.

— Мы можем остаться. У меня здесь свой личный домик, который держат только для меня и не сдают другим посетителям.

— Не думаю, что это хорошая идея... — но мне не дали закончить.

— Это будет просто ночевка. Без... лишних вещей. Обещаю.

— Ты уверен?

— Только если ты сама захочешь. — И он улыбнулся такой, очень мужской улыбкой, как будто говорящей мне: “оставайся, детка, обещаю, ты захочешь, все лишнее, что только есть в этом мире”.

Ситуация была — и хочется и колется. Очень заманчиво. Но я не была уверена, что между нами не произойдет ничего лишнего. И вовсе не потому, что я не была уверена в Станиславе, просто... Когда я смотрела на него мне самой хотелось всего. Объятий, поцелуев, ощущения его горячей кожи под моими ладонями, вдыхать его запах близко-близко, провести рукой по его идеальной спине, пересчитать все позвонки...

— Ну так что? — Спросил Стас. Я так замечталась, что вздрогнула, и, поняв что все это время я бесстыдно его разглядывала, тут же заалелась.

— Я бы хотела, но меня уже ждет самый важный мужчина в моей жизни!

Станислав сначала не понял, нахмурился, но потом догадался.

— Сына забираешь от бабушки?

— Да, — я взглянула на часы, — ох, я уже немного опаздываю.

— Ничего, — Станислав забрал у меня из рук пакет с мусором и всучил мне тот, в котором были остатки нашего пиршества, — я сейчас поработаю твоим личным водителем.

— Ура! — Но только до дома свекрови.

— Почему? — Он недоуменно уставился на меня.

— Понимаешь, — я замялась, я еще не рассказывала Андрею даже о разводе, не то что о

нас. Тем более, и рассказывать пока нечего.

— Как это нечего?!

— Стас, не обижайся, — мне было несколько неловко, он все-таки столько для меня сделал, было понятно, что я ему не безразлична, но кто я для него? Этот вопрос мучил меня все предыдущие недели и с момента, как он предложил мне пожить в его старой квартире, уже не отпускал. — Мы как-то с тобой говорили о стольких вещах, но так и не озвучили, кто же мы друг другу, кроме как босс и подчиненная.

— Я понял.

Всю дорогу мы молчали и я мучилась чувством вины. Не надо было поднимать эту тему, или стоило ее немного иначе подать... Что же мне делать?!

Но когда я вышла из машины возле дома свекрови, Станислав вышел за мной. Взял меня за руку, погладил большим пальцем запястье. После теплого нутра его джипа на улице было холодно и зябко, я моментально продрогла и начала дрожать. Стас потянул меня к себе, запахнул свою куртку и как мог, укутал меня ее полами.

— Я твой бойфренд, — сказал он мне куда-то в макушку, — а ты моя герлфренд. Кажется, в кругу моей сестры так называют друг друга люди, которые встречаются.

Глава тридцать девятая

— Ну как ваши дела? — Тамара Васильевна открыла нам с Андрюхой дверь. Я была так рада сегодня, что по дороге попросила таксиста притормозить на пару минут и купила в цветочном киоске охапку мелких фиолетовых хризантем, так что в дверь пришлось звонить — найти в сумочке ключи одной рукой оказалось невозможным.

— Отлично! — Я вручила ей букет и подруга радостно охнула.

— Боже, как хороши! прямо как те, что у Борисыча на даче отцвели.

Андрея же наши цветы и букеты не волновали, он здоровался с псом. Я больше всего боялась, что Бульке не понравится мелкий захватчик его территории, а злой бультерьер это проблема. Но они с Андрюхой стали лучшими друзьями и сейчас, глядя как эти двое прыгают друг вокруг друга, как сын быстро-быстро стаскивает ботинки, а пес терпеливо его ждет, радостно повизгивая, я расстроилась. Надо было как-то объяснить Андрюхе все это, и развод, и очередной переезд, и что папа с мамой больше не помирятся и не будут жить вместе. И что Булька не может поехать с нами — тоже.

У меня даже ком подкатил к горлу.

— Таак, — от зоркого глаза моей подруги не ускользнуло мое переменчивое настроение. — Переодевайся и немедленно на кухню, пить чай. Бориисыч! А займи ты наших мальчиков, пока мы с Алиной секретничать будем.

Мне так приятна была легкая суэта в этой небольшой, но очень уютной квартирке. И хоть мысль о том, что у меня скоро будут два лишних часа сна в день и личное пространство, радовала, но так не хотелось покидать этот гостеприимный дом даже ради такой роскоши.

Пока я переодевалась в уютный домашний костюм, Борисыч увел Андрюху на улицу — выгуливать пса, а Тамара заварила чай и по квартире пополз запах мяты. Чай без мяты — крашенная водичка, так считала моя подруга. Мята освежает, успокаивает и способствует пищеварению. Крайне полезная травка. И очень, очень способствует разговорам по душам.

— Что ж, — я решила идти с козырей, — Стас сегодня сказал, что мы встречаемся, можно считать, что я официально девушка своего босса.

— Ну наконец-то, — Тамара поставила на стол медовик, — выходит, не зря я тортик пекла, как чуяла. Так с утра захотелось, что весь день на него потратила, зато сейчас мы с тобой отпразднуем твою начавшую налаживаться личную жизнь.

— Да уж, — я позволила себе тихо рассмеяться, изнутри у меня поднималась волна тихой радости, как будто я только-только осознала этот факт — мы со Станиславом пара. — А еще представляешь, Тома, он мне предложил пожить в его старой квартире. Там такая локация удобная, и до Андрюхиной школы недалеко, и до дома свекрови.

— А до твоей старой квартиры?

— А до нее дальше, чем до свекрови. — При воспоминании о Виталике у меня резко испортилось настроение. — Представляешь, я видела его, бэмэка. — Мы уже давно называли между собой Виталика “БМК” — первыми буквами от словосочетания “бывший муж козел”.

— Что, опять скандалил?

— Да как же без этого. Еще и представляешь, со своей этой Татьяной заявился. Хотя я так поняла, ее отец очень недоволен.

— Еще бы, — фыркнула подруга, — я знаю ее папеньку, она у него поскребыщ, младшая и нежданная. Жена его думала — климакс. К доктору ходила, говорит, тошнит меня, вес

набираю, месячные пропали. А доктор ей так радостно — так возраст уже, у вас климакс, голубушка. Только когда пузо на нос полезло она его за бороду взяла, сделали узи. Очень, правда, потом оба рады были доченьке, старшие у них сплошь хлопцы. А нынче вон, “климакс” тот что вытворяет, конечно папенька недоволен.

Признаюсь, с истории про климакс я хохотала до слез.

— Ты не думай, — Тамара помешала чай ложечкой и взяла из вазы свое любимое печенье, — Танька неплохая девка. Но избалованная до крайности.

— Том, веришь, я не сомневаюсь, но сочувствия у меня к ней все равно ни на грош. Она там в ресторане еще так смотрела на меня, как на вошь, пока Стаса не увидела. Тогда увяла и плакаться начала, что папеньке, мол, не говори.

— А стоило бы сказать, — задумчиво проговорила Тамара. — Я думаю, твой бмк тянет с нее деньги и неплохо было бы до суда ему этот краник перекрыть.

— И то правда...

Мы посидели, помолчали, подумали каждая о своем. Я очень ценила в Тамаре Васильевне это ее качество: с ней было очень легко молчать. Не возникало чувства паузы, пустоты в разговоре. Наше молчание всегда было полно чем-то невидимым, но теплым, ощутимым, как запах свежего хлеба или блинчиков утром воскресенья.

— Когда думаешь переезжать?

— Пока не знаю. Стас мне только квартиру показал. Ни ключей, ни условий я пока не видела.

Тем временем наши мужчины вернулись с прогулки. Относительно чистым был только Борисыч, и то, очень относительно. Так что пришлось отмывать сначала Андрюху, а потом пса. Потом я долго слушала все новости, которые накопились у моего сына за день и уже ближе к полуночи дошла до телефона.

В мессенджере меня ждало сообщение от Станислава: “Спасибо за прекрасный вечер. Давай в воскресенье повторим?”

Конечно же я согласилась.

И надо же было такому случиться! В воскресенье выпал первый снег.

Глава сороковая

— Никаких больше бывших мужей! — Ворчал Станислав мне в ухо, когда мы договаривались по телефону о свидании.

Понедельник у нас тоже был выходной, день седьмого ноября, красный день календаря, так что свидание намечалось с ночевкой.

— Тома, рано! — Я бегала по квартире в панике.

— Что именно рано? — Тамара сидела в “моей” комнате с чаем и невозмутимо разглядывала, как я вытаскиваю шмотки из комода и шкафа.

— А ты не понимаешь? Он меня позвал с ночевкой, а значит, — я понизила голос до заговорщицкого шепота, — у нас ВСЕ будет.

— Ты уверена? — На меня смотрели очень скептически.

— Нет.

— А если и да, то что, — невозмутимо возражала мне подруга. — Ты не хочешь?

— Хочу!

— Значит, не рано. — Резюмировала она. — Рано это или когда мужик не сделал для тебя еще ничего, а ты уже готова упасть в его объятия, или же когда ты еще падать не хочешь. А как только все сошлось и звезды встали в нужную позу — самое время!

— И ты думаешь?...

— Да что тут думать, милая. Даже если у вас ничего не сложится, то тебе все равно уже пора. Тем более что суд должны вот-вот назначить и ты будешь официально свободна.

— А если мне не понравится?!

— Тебе бы уже не понравилось. — Припечатала Тамара Васильевна, — отставить панику, пижаму пакуй!

— Может, эту, — я вытащила из шкафа кружевное безобразие, разбавленное атласными вставочками в стратегических местах.

— Напомни, Станислав что сказал?

— Взять потеплее что-нибудь, там пока холодновато, какие-то проблемы с котельной. Но зато и никого, кроме нас и охраны, сегодня на базе не будет.

— Ну и куда тебе эти лоскутья? Будешь изображать девицу из сказки про Морозко? Тепло ли тебе девица, тепло ли тебе синяя, — подразнила она меня. — Эту бери, — подруга показала мне на уютную трикотажную пижаму со смешной овечьей мордашкой на груди и пришитыми торчащими ушами. — Ты в ней выглядишь, как будто тебе лет семнадцать.

— Думаешь?

— Знаю. А кружавчикам тоже время найдется. Свекровь то твоя все равно будет Андрюху к себе брать с ночевкой, когда переедете?

— Будет. Они друг в друге души не чают.

— Ну вот, а в той квартире то все в порядке с отоплением.

Я покраснела и бросила в Тамару подушкой.

Может, еще и не будет ничего. Тем более, что я еду в костюме овцы.

На базу мы приехали почти на закате.

Заснеженные домики, сделанные в форме заглавной буквы А, были похожи на теремки. Садящееся в озеро солнце золотило крыши, красило пятнами нетронутый снег, что выпал

сегодняшней ночью и не растаял за день. Вся база была похожа на сказочный пряничный городок и сегодня он принадлежал только нам двоим.

Нас встретил охранник, молодой парень, помог отнести сумки к домику, проверил электричество, оставил рацию на всякий случай и мы остались одни.

Сегодня я оделась потеплее, мороз и ветер больше не донимали меня, лишая тепла. Но я все равно дрожала от волнения, как в ознобе.

— Не дрожи, девочка моя. Я тебя не обижу, — Станислав обнял меня и мы стояли, покачиваясь, как будто он пытался меня вот так, стоя, убаюкать.

— Я знаю. Но все равно боюсь.

— Пойдем в дом, а то ты замерзнешь.

В доме оказалось холодно.

— Это потому что отопления нет, — Станислав присел перед печкой теперь разжигал огонь. Пахло дымом, холодным домом и сгорающими спичками. — Совсем уж тепло не будет, но у нас на завтра насыщенная программа, а одеял нам положили тройной комплект.

— Какая еще программа? — Я насторожилась.

— Насыщенная! Алина, даже не допытывайся и не делай такие глаза, это сюрприз!

— Ладно. Но хоть вода теплая здесь есть?

— Да, вода от бойлера. Да и в спальне я включу кондей на обогрев. Не замерзнешь, не бойся, — он очень многообещающе на меня посмотрел.

Огонь в печурке разгорался и по домику расползлось приятное тепло. Я решила, что раз уж тут можно теперь находиться без пуховика, то неплохо бы продукты разобрать.

А там...

Глава сорок первая

Чего там только не было. Такое впечатление, что мой босс собирался жить в этом домике не пару дней, а как минимум месяц, причем не только со мной, но еще и со всем бухгалтерским отделом, а девочки там не жаловались на аппетит.

— О, ты уже начала. — Он почти застал меня врасплох, я от неожиданности выронила пакет с авокадо, он порвался и фрукты разлетелись по всей кухоньке, смешно подпрыгивая, как маленькие зеленые мячики.

— Уупс!

— Кажется, я знаю, что у нас будет на ужин, — не растерялся Станислав.

Запеченный лосось с авокадо и рассыпчатым рисом это пища богов, точно вам говорю. Особенно если все твое участие в готовке ограничивается бокалом игристого.

Заодно духовка добавила тепла. После еды я переделалась в свою теплую пижаму, она же костюм овцы, и спустилась в гостиную, поближе к печи. В спальне наверху было прохладно, но уже терпимо, а вот внизу, в компании зажженной печки, Станислава и мягкого уютного пледа было даже жарко.

— Я знаю, чем мы займемся, — заговорщицки прошептал мне Стас, когда я забралась с ногами на кожаный диван, под плед.

— Мммм, — и я сделала то, что хотела уже давно. Сунула свои очень холодные ладошки ему под свитер.

И почему все мужчины такие нервные и орут?

— Боже, Алина, меня чуть родимчик не хватил, — сказал Станислав, сидя на противоположном от меня конце дивана и держась за сердце.

— Да ладно, — мне было немного неловко, но при этом очень смешно, ты еще скажи, что твои предыдущие женщины такого не делали!

Его глаза потемнели, хотя куда еще. Но сейчас, когда комнату освещали только гирлянда, развешанная на террасе и огонь в маленькой печурке, казалось, что они совсем черные, как у вампиров в одном из старых фильмов. И когда Стас потянул плед на себя и попробовал подвинуться ко мне ближе, я тут же спряталась в плед с головой.

— Никаких предыдущих женщин, запомни! Никого не было до тебя, вообще! — Он сгреб меня в охапку вместе с пледом и посадил себе на колени. Я проскребла в плед дырочку и выглянула. Стас выглядел серьезным, как никогда.

— И у тебя тоже никаких предыдущих мужчин, все не в счет! — Торжественно объявил он и немедленно меня поцеловал.

Было так уютно сидеть у него на коленях, укутавшись в теплый плед как в кокон, целоваться, чувствовать запах раскаленного железа, что шел от печи, а еще — запах этого мужчины. Сегодня он пах травами, немного мылом, смолой и деревом, такой близкий и... родной.

А теперь, — он оторвался от моих губ и жестом фокусника вытащил из коробки, стоявшей на журнальном столике, джойстики от игровой приставки.

Я радостно завизжала, едва не грохнувшись на пол прямо в коконе из пледа. Давно мечтала поиграть в эту штуку, но “это слишком дорого, дорогая жена!” И вот мои мечты сбываются.

И мы резались во всяческие стрелялки и прохождения весь вечер, почти до полуночи.

Со Станиславом оказалось очень весело играть. Он не поддавался, но и не задавался, когда выигрывал, не делал секрета из своих стратегий и не чурался меня обучать. Так что к ночи я у него даже выиграла пару раз.

— Боже, как хорошо, — я сходила попить водички, а потом рухнула с этим воплем через подлокотник дивана, к Станиславу на руки. — Какой же отличный получился вечер!

— Это потому что с тобой все вечера отличные, — он шуточно чмокнул меня в нос, — я раньше только с Настасьей так веселился, ну и еще с университетскими друзьями, но это было уже очень давно.

— А я так и не помню уже когда. В детстве наверное, — и я подышала ртом ему в свитер.

— Щекотно! Ты же понимаешь, что я тебе отомщу?!

— Не выйдет, — я вскочила, захватив с дивана подушку, одну из множества, впрочем сейчас большинство лежало на полу, так что пока Станислав тянулся за “боеприпасом” я успела его “обстрелять” серией из трех подушек и с хохотом убежать за кресло.

Мы дурачились, смеялись и в какой-то момент я снова упала на диван, перевалившись через подлокотник, только на этот раз Станислав был сверху.

Мы стали целоваться как сумасшедшие, его глаза заволокло туманом, джойстик, лежавший на диване и впивавшийся нам обоим в бок Стас просто отшвырнул куда-то в полутьму. Я стащила с него свитер, он задрал вверх мою пижамную рубашку и мы впервые соприкоснулись телами так близко. Это было как прикасаться к очень, очень горячей печке, жарко, желанно, я даже застонала от удовольствия.

А потом, через долгие горячие мгновения, заполненные поцелуями, ощущением его рук на моем теле, предвкушением чего-то большего, он просто встал, ухмыльнулся и сказал:

— По-моему нам пора спать.

Глава сорок вторая

— По-моему нам пора спать. — Сказал Станислав.

— В смысле спать? — Я сначала не поняла.

— В смысле у нас завтра очень насыщенный день и надо выспаться. — Станислав поднял одну из подушек и бросил в меня. — Так что ты собирайся, а я схожу, включу в спальне кондиционер на обогрев.

От возмущения я не могла произнести ни слова. Только лежала и разевала рот, как выброшенная на берег рыба. Так что уходящему наверх Станиславу достался только мой полный ярости взгляд и брошенная вслед подушка.

Не попала.

И спать он отправил меня наверх, одну! Правда, укрыл одеялом, подоткнул его под бока, чтоб нигде не задувало холодом, нежно поцеловал и ушел. Я еще какое-то время слышала как он устраивается там внизу, но неожиданно для себя провалилась в сон.

Утро встретило меня солнечными зайчиками и запахом кофе.

Когда я спустилась Стас встретил меня с кофе в той самой огромной, с ведро, кружкой и с поцелуем. Таким сладким, что перебивал горечь кофе.

— Давай, просыпайся и будем завтракать. — Он отдал мне кружку и ушел на кухню.

А я обула какие-то огромные галоши с мехом внутри, стоящие возле выхода на террасу, закуталась в плед и вышла в холод ноябрьского снежного, (все еще снежного!) утра. Я всегда была сова по гороскопу, любила лечь спать за полночь и проснуться к полудню, но к ранним подъемам научилась относиться с философским спокойствием. Хотя так их и не полюбила.

И лучше всего мне помогал проснуться холод. Дома я выходила на балкон, у Тамары становилась с кофе под открытую форточку, а здесь у меня была такая роскошь — целая терраса. Я стояла и смотрела на лес, на озеро, на еле видимое за верхушками сосен солнце на востоке.

Стукнула створка французского окна и я почувствовала как меня обняли.

— Готовишься к подвигам?

— Да. — Я повернула голову чтобы поймать еще один поцелуй. — Не люблю ранние подъемы.

— Пойдем, совушка, нас ждет завтрак.

После круассанов с салями мы собрались и уехали. День получился очень длинный и насыщенный, мы ездили в оранжерею ботанического сада, в соседний город, смотреть на сохранившиеся там остатки древнего городища.

А вечером возвращались, сытые впечатлениями по горло и я поняла, что вот оно. Я хочу именно с этим мужчиной проводить свои выходные, и именно с ним возвращаться домой. Я сидела на пассажирском сидении, любовалась профилем Стаса и немного грустила. Мне не хватало Андрюхи, я бы хотела разделить с ним впечатления сегодняшнего дня и это спокойствие, которого нам всегда не хватало с Виталиком.

— А давай слепим снеговика? — Оглядел Станислав полянку перед нашим домом. Снега там хватило бы едва на снежного ангела, так что мы переглянулись и рассмеялись.

Я переодевалась в ванной комнате, забыв закрыть дверь на защелку и вздрогнула, услышав щелчок поворачиваемой ручки. В дверях стоял Станислав.

Я торопливо сдернула полотенце и попыталась прикрыться, но он мне не позволил.

— Ты такая красивая, — прошептал он внезапно охрипшим голосом и потянул полотенце вниз. Оно сползло медленно, так, что он успел рассмотреть голубые нежные кружева моего белья, что я не успела снять, родинку под ключицей, которую никогда не было заметно в одежде.

Станислав комкал полотенце в руках и рассматривал меня так жадно, как будто я была его любимым пирожным. И когда он протянул руку и провел нежно пальцами по моей скуле я потянулась к нему, отзываясь на ласку как кошка.

Дальше все завертелось как в карусели. Вот он проводит ладонью по моей спине, подхватывает под попу и несет наверх, в спальню. Там зябко, я начинаю дрожать и вместо того, чтобы включить кондиционер мы начинаем сдирать друг с друга остатки одежды. Вот я прикипаю к нему, прижимаюсь всем телом к его горячему телу и это такое желанное тепло, что из моего горла рвется стон. Я прикусывая губу, пытаюсь стонать потише, но он смеется и целует меня, как будто забирая себе этот стон. Вот мое белье летит в одну сторону, а его одежда в другую и мы падаем на кровать. И горячо, горячо так, будто я на жарком-жарком море и меня накрывают волны. Я целую его, так, что он выгибается подо мной. Его руки буквально везде, и я не могу сказать куда еще не добрались его нежные и жаркие губы. И когда нас обоих накрывает одной большой, общей на двоих волной, мы падаем на постели обессиленные, но счастливые.

— Сладкая моя, — Станислав кутал меня в одеяло и обнимал, пока мы смотрели сквозь панорамное окно второго этажа на закат.

— Не хочу что бы эти выходные кончались.

— Я тоже. Но мы же не последний день живем, я надеюсь. Будут у нас и другие выходные.

— Обещаешь?

— Конечно, — от потерся своей щекой о мою и я взвизгнула.

— Стас, я же так вся красная буду!

— Будешь пиццать я тебе засос поставлю!

— Ах ты мне еще и угрожаешь?!

Не ясно, чем закончилась бы наша шуточная ссора, но выходной заканчивался, пора было собираться и уезжать. Я собрала свои вещи и растерянно огляделась, спустившись на первый этаж. Бардак мы развели знатный: подушки валялись по всей гостиной, на кухне громоздилась немытая посуда.

— Даже не парься, — заметил направление моего взгляда Станислав. — Завтра придет уборщица и все уберет.

— Но как-то неудобно...

— Все хорошо, Алина, — он смотрел на меня ласково и серьезно. — Перестань уже думать о чьем-то удобстве и начни — о своем.

Глава сорок третья

— Держи, — Станислав протянул мне ключи и папку. Мы сидели в машине у дома моей подруги. — Это твое решение жилищной проблемы. Там за выходные убрались, отец должен был завезти кое-что из мебели, так что ты можешь начинать переезжать. Если будет надо помочь — зови.

Я так обрадовалась, что даже слов не нашла, просто стала его целовать.

— Тома! Я переезжаю, — с такой фразой я зашла на кухню.

— Поздравляю, дорогая. Хотела бы тебя поуготоваривать остаться, но я вижу как тебе тяжело мотаться каждый день.

— Но я буду скучать без твоих ужинов!

— Не волнуйся, мы с Борисычем будем заезжать, с ужинами, разумеется!

Чай мы пили под обсуждение будущего переезда. Предстояло посмотреть, что за мебель привезли, подобрать разные мелочи вроде штор, одеял и прочего. Я надеялась забрать часть из нашей с Виталиком квартиры, но идти туда одна боялась, а Станислава привлечь не хотела, потому что если он там столкнется с почти бывшим мужем, то драки будет не избежать.

И вот он наступил, наш первый со Станиславом рабочий день в качестве пары. Обалдеть можно. Правда, мы не договаривались, будем ли скрывать сам факт, или нет. Так что на работу я ехала в волнении. Сердце замирало, в животе порхали бабочки, а я ловила себя на том, что смотрю в окно автобуса, но ничего не вижу, потому что перед глазами стоит Станислав. А на моем лице гуляет совершенно дурацкая счастливая улыбка.

На рабочем столе меня ждал невообразимо шикарный букет роз в обрамлении более мелких цветов. Настоящий флористический шедевр. Да и вазы такой я не припомню. Я сняла пальто, подошла к столу и зарылась лицом в цветы, вдыхая их нежный аромат.

— Тебе нравится? — Станислав стоял в дверях кабинета, смотрел на меня и улыбался.

— Очень! И они пахнут, где ты отыскал такое чудо поздней осенью?

— О, все просто, — он понизил голос и заговорщицким шепотом продолжил, — ведь я волшебник!

А потом подхватил меня и немного закружил по приемной.

— Целоваться не будем! — Сказал строго, но тут же сам себе противореча горячо меня поцеловал.

— Если вот так “не будем”, я согласна!

— Если мы так “не будем”, — он поставил меня на пол, — то мне придется искать себе нового личного помощника, а меня очень устраивает нынешний. Так что я хотел предложить не афишировать наши отношения до твоего официального развода.

— Я, признаться, хотела попросить о том же. Мы еще не говорили с Андрюхой тем более. О том, что поживем отдельно да, но не о том, что больше никогда не будем жить вместе и я боюсь, что если у Виталика будут доказательства нашей связи, то он настроит против меня и свою мать и нашего сына.

— Гм... А ведь точно. — Станислав задумался, — знаешь, что еще сделаем, я попрошу маму выступить посредником и вы подпишете документы об аренде квартиры, чтобы у суда не возникало лишних вопросов. Тебе уже назначили дату первого слушания?

— Не знаю, я указывала при подаче документов адрес свекрови. Сегодня буду там и узнаю.

Вечером я ушла с работы пораньше и зашла к свекрови, заранее оговорив, что сегодня — на чай.

— Анна Петровна!

— Алиночка!

Мы обнялись, и я вручила свекрови коробку ее любимых конфет и пакет со сладостями к чаю.

— Мы с Андреем переезжаем, — начала я, когда первая чашка чаю была выпита, сын убежал к своим игрушкам, а мы со свекровью налили по второй, изрядно сдобрив чай коньяком.

— Вы с Виталием помирились, или я чего-то не знаю?

— А вы думали что мы можем помириться? — Я даже чаем поперхнулась.

— Пойми меня правильно, Алина, мой сын поступил нехорошо, но он страдает и переживает, особенно за Андрея. Мальчику все таки нужна полная семья.

Я задохнулась от ярости и как на духу выложила свекрови все события прошлых недель, в которых фигурировал мой почти бывший муж. Особенно сильно меня возмущали его угрозы отобрать Андрюшу себе, “потому что моя мать за ним все время смотрит”.

Кажется, коварством Виталика впечатлился даже паук Арсений, не говоря уж о свекрови. Она встала, накапала себе сердечных капель и выпила их, так и стоя там, возле своего “аптечного” шкафчика.

— Я-то думала, если его отец давно... нас покинул, то за последующие годы мне удалось нейтрализовать его влияние, но увы. Сейчас он будто копирует моего покойного мужа. Хотя должна признать, отец он гораздо лучше, чем был мой супруг.

— Да, он не безнадежен, Андрей вон с восторгом рассказывал как в выходной вы куда-то ходили.

— Чудесный выдался денек. — Свекровь вернулась за стол, налила себе свежего чаю, но выглядела подавленной. И я поддалась порыву и взяла ее за руку.

— Вы не волнуйтесь, квартира, в которой мы будем жить совсем недалеко. Вы можете приходить, когда захотите и видеться с Андреем тоже.

— А Виталий? — ее голос теперь походил на звучание треснутого хрусталя. — Как же он?

— Я буду добиваться, чтобы он мог видеться с Андреем в вашем присутствии или моем. У меня большие вопросы к его адекватности сейчас, к тому же, как вы однажды правильно сказали, он совершенно не в курсе, какие лекарства принимает его сын. Я боюсь, что за последнее время он не в курсе даже какие у него занятия, кроме школьных.

— Но ты же понимаешь, он не обидит Андрея.

— Я совсем не уверена уже, — прошептала я.

— Что ж, — в глазах у свекрови стояли слезы. — Очень жаль, что так получается, но будем надеяться, что все к лучшему.

— Не плачьте, Анна Петровна, пойдете лучше квартиру посмотрим? — Предложила я.

Глава сорок четвертая

Заодно мы развели вечерний маршрут от школы Андрея до нашего нового дома.

Квартира встретила нас чистотой и запахом ванили. Оказывается, с момента как я согласилась принять от Станислава помощь в решении жилищного вопроса, здесь многое изменилось. В одной из маленьких комнаток добавились письменный стол и небольшая кровать, уже без бортиков, но явно детская. В кухне-гостиной стояли какие-то коробки, тоже с мебелью, но мы сообща решили, что не будем их сейчас распаковывать и смотреть. Андрей на радостях носился по нашим новым квадратным метрам как вечный двигатель.

— Что ж, это очень хорошая квартира, — сказала свекровь после беглого осмотра. — Да и дорога до школы очень хороша, я думаю, уже весной ты сможешь отпускать Андрюшу одного.

— Не думаю, что смогу, — я тихо рассмеялась, — мне кажется, я буду водить его в школу за руку до совершеннолетия!

— А потом в военную часть за ним поедешь! — Махнула рукой свекровь. Мы обе знали, что Андрею не грозит срочная служба с его пороком сердца, но шутки про армию были нашими общими еще с того времени, когда он совсем маленький лежал в реанимации, а мы стояли и смотрели на него сквозь стекло.

— Ничего не могу с собой поделаться!

— Не дури, Алин, — свекровь подошла к балконной двери в гостиной и вышла на лоджию. — Смотри, я конечно, могу ошибаться, темно все таки, но по-моему вот отсюда отлично видно почти весь маршрут. Тут не десять минут, как ты говорила, а каких-то пять, буквально до соседнего двора. В общем, я одобряю.

— Спасибо. Мне правда важно ваше мнение. Может, мы с Виталиком и разводимся, но я бы хотела сохранить наши с вами отношения.

— Вы с папой разводитесь? — В проеме, ведущем из коридора в гостиную, стоял Андрюха, который еще буквально полминуты назад был в одной из маленьких комнат, изучая там что-то.

Свекровь зашла с лоджии в квартиру и закрыла за собой дверь, я села на кожаный диван и вздохнула. Похоже, момент настал.

— Да, солнышко, мы с папой разводимся.

— Но почему?

— Иногда так бывает, — вступила в разговор свекровь. — Но ничего страшного в этом нету. Ты все равно будешь проводить время с папой, например, как в эти выходные.

— Но это мало! — Андрюха залез с ногами в огромное кресло. — Я хочу видеть его чаще. И я хочу в свою комнату, домой. Может, вы все таки не будете разводиться?

— Милый, к сожалению, это невозможно, — я очень старалась говорить максимально мягко и при этом не расплакаться.

— Бабушка, — Андрюха подошел к Анне Петровне, залез к ней на колени и уткнулся в нее лицом, можно я сегодня не поеду с мамой?

Свекровь обняла его и растерянно посмотрела на меня. Я молча кивнула и отвернулась, стирая набегающие на глаза слезы.

— Конечно, милый. Но сейчас пойдём, посмотрим еще раз на комнаты, может, ты все таки здесь поживешь?

К Тамаре я ехала одна, в такси. Таксист посмотрел на меня в зеркало заднего вида, молча полез в бардачок и выудил оттуда огромный чистый носовой платок. Я проплакала всю дорогу и очень была ему благодарна за молчание. К счастью, уже через час мне упало в мессенджер сообщение: сын сменил гнев на милость и считает, что пожить в новой обстановке не так уж и плохо, особенно, если забрать из дома некоторые вещицы, милые его сердцу.

Осталось их оттуда забрать...

Глава сорок пятая

На операцию “забери из дома нужные вещи” я пригласила свекровь и подругу. Долго думала, стоит ли известить Виталика, но вспомнила его поведение за последние пару месяцев, и поняла, что я просто не могу. Одна мысль о том, что снова придется столкнуться с ним на узкой дорожке, приводила меня в ужас.

Я попросила у Станислава отпуск за свой счет на один день, и мы пошли “на дело”. Честное слово, я заходила в свою квартиру, в которую вложились наравне с мужем, за своими вещами, но чувствовала себя уголовницей.

Когда мы погрузили все, что было нужно, в багажник, а Борисыч, вызвавшийся нам помогать, захлопнул его, я, признаюсь, выдохнула с огромнейшим облегчением. Я знала, что Виталик все еще не нашел работу и шансы встретить его в квартире, играющим в стрелялки и нарваться на очередной мерзкий скандал, очень высоки, но какое же облегчение, что этого удалось избежать.

Уже когда я со всеми вещами была в своем новом обиталище, позвонил Станислав.

— Ну что, как прошло? Я волновался.

— Все хорошо. Нам удалось провести операцию по спасению Андрюхиных одеял, подушек и акулы Зубатки без потерь и даже не вступая в бой.

Я так рада была его слышать, сразу разулыбалась. Пасмурный осенний день, того самого периода осени, когда вокруг только серость и слякоть, становился в присутствии Станислава ярче и солнечней. Он был моим личным солнцем, ярким, сияющим и очень, очень горячим.

— О, отлично! Очень за вас рад. Чем теперь планируешь заниматься?

— Хочу посмотреть, что там в коробках, вчера не распаковывала.

— Папа сказал там шкаф и стеллаж, даже не собранные, мама купила как-то в надежде обставить гостевой домик, но не срослось.

— Не обставила?

— Нет, домик то обставила, просто другой мебелью. Представляешь, — сказал он заговорщицким шепотом, — она про эти шкафы ЗАБЫЛА!

Почему-то это было очень смешно. И радостно, как хорошо, что эта милая незнакомая пока что мне женщина, мать Станислава, забыла про эти шкафы.

— Хочешь, я приеду и помогу тебе собрать?

— Хочу!

На часах не было и получаса после полудня, конечно я хотела, это означало, что мы весь день почти проведем вдвоем. Станислав, правда, появился только через час. Я за это время успела повесить свои шторы в маленьких комнатах, дождаться курьера, что привез кое-какие покупки из мебели и всякой мелочевки, вроде постельного белья. А еще я изрядно оголодала. Утром мне кусок в горло не лез от волнения, я и так на одном кофе сделала огого сколько.

Как уже можно догадаться, Стас приехал не с пустыми руками.

— Я подумал, что тут же пустой холодильник, да и шкафы, а ты не того склада человек, чтобы ограбить бывшего на банки с крупами, — почти оправдывался он, когда я квадратными глазами смотрела на буквально гору пакетов, что ему помогал занести консьерж.

— Ты там весь супермаркет скупил? — спросила я, когда смогла говорить.

— Не весь, а только самое необходимое, — произнес он это ужасно занудным тоном, слегка оттопырив губу и назидательно подняв вверх палец.

— Не знаю что там внутри, но без пакета с пакетами я точно не останусь!

— А еще без обеда. — Он потянул один из горы пакетов, который оказался в самом низу, один, подозрительно плоский. — Кажется, нашу пиццу слегка помяло. Надеюсь, тебя не смущает, что соскребать сыр придется с крышки?

— Куда больше меня смущает отсутствие стола, — шутливо ворчала я, ковер я еще тоже не покупала, придется есть или на полу, или на диване.

— Диван отличное место, — Стас успел раздеться, снять ботинки и прямо в белых носках протопать в гостиную, а там оказалось что коробка с пиццей становится на широкий подлокотник дивана как влитая. — Ты не представляешь, сколько пицц я тут съел!

— Столько, что даже подлокотник промялся по форме коробки? — Этот вопрос я задавала уже ощущая на языке пряный вкус пепперони и сливочный моцареллы, — ммм, пицца богов!

Я заняла диван, забравшись на него с ногами, а Станислав придвинул кресло и уселся с другой стороны коробки. Когда первый голод был утолен он вдруг хлопнул себя по лбу и побежал в коридор, оказывается, там была еще газировка. Очень кстати пришлась!

— Ты уже посмотрела, что надо еще купить? — Газировку он пил смешно и шумно всасывая через трубочку со дна стакана и шурша льдом.

— Да, уже заказала кое-что в Андрюшину спальню, привезут часов в четыре, если верить менеджеру. Ну и надо еще стол, стулья, кое-что из кухонной утвари, та сковородка, что осталась тут от тебя в наследство годится только для отпугивания крокодилов.

— Не бей меня, девица, сковородкою! — Станислав изобразил ужас и подвывания.

— Не превращайся, добрый молодец, в крокодилище!

— Превращусь и сожру! — Тут он перепрыгнул с кресла на диван, схватил меня в охапку и страстно поцеловал.

Глава сорок шестая

Мы ели пиццу, смеялись и дурачились, а потом его губы коснулись моих и мир перестал существовать. Все схлопнулось, сжалось в стеклянный елочный шар, в котором были только я и он. Его жадные губы, горячие руки, непослушные пуговицы на его рубашке и пряжка ремня, что больно впивалась мне в живот. Стас забрался ладонями мне под свитер и мне казалось, что под свитером бегают две огненные саламандры, оставляя за собой дорожки из лавы, что текут по моему телу и сливаются внизу живота, заставляя меня стонать от нарастающего жара и томления.

Мой свитер улетел на пол, его брюки никак не желали улетать за ним, мы запутались и когда распутались — упали в кресло. Огромное, с такими же широкими подлокотниками, как и у дивана. Я оказалась сверху и это было очень... Удобно? И когда вулкан внутри меня, разожженный саламандрами, взорвался, все что я смогла это упасть на Стаса сверху и лежать, вдыхая его запах и слизывая соленые капельки с ямочек у него возле ключицы.

— Да уж, — его голос был низкий и хриплый, какой и бывает после долгого крика. — Из всех причин, из-за которых я когда-либо сбегал с работы эта — самая лучшая. — Я попыталась ткнуть его кулаком в бок, но он перехватил мою руку, поднес ее к губам и начал целовать каждый палец, разжимая их из кулака один за другим.

— Кажется, одной пиццы нам будет мало, — я снова включила бабку-ворчунью, чтобы замаскировать свое смущение, и пошла собирать свою одежду, разбросанную по гостиной.

Ничего страшного, закажем что-нибудь, — Станислав улегся в кресле, перекинув ноги через один подлокотник и оперевшись локтем на другой, что ж, виды ему и впрямь открывались отличные.

Следующий раз я его спихну, а сама буду любоваться.

Боже мой, о чем я думаю, мне тут шкаф надо собирать, а у меня один следующий раз на уме!

Но дальше мы честно занимались делом и ближе к вечеру я усталым, но довольным взглядом обвела дело рук своих. Детская была совершенно готова принять своего хозяина, я разорилась на хороший матрас, красивое постельное белье темно-зеленого цвета, прячущееся под лоскутным покрывалом, таким классным, что я бы и сама на нем валяться не отказалась и сейчас завидовала акуле Зубатке. Маленький двухдверный шкаф и белого дерева стеллаж для книг тоже встали здесь, оставалось их заполнить.

В гостиной царил скорее пустота, разбавленная лишь диваном и креслом, кожаными, большими, уже немного старомодными, но очень удобными. Зато внутренности кухонных шкафов больше не пустовали, более того, названия части продуктов мне даже не говорили ни о чем.

— Стас, а что за чиа?

— Ты что, — он удивленно на меня уставился, — не знаешь про самую модную крупу последних лет? Ее сыплют в йогурты, там она пухнет и получается дико полезный десерт, очень популярный у фитнесняшек.

— Да я как-то не отношусь к фитнесняшкам, так что что-то такое слышала краем уха, но сама не сталкивалась, — я в это время увлеченно шуровала в остальных припасах, расставляя их так, чтобы мне было удобно пользоваться.

— А как ты ухитришься сохранять такую великолепную фигуру?

— Молитвами! — очень хотелось бросить в него диванную подушечку, но их еще, увы, не было.

— Так, — он тоже обошел квартиру, проверяя, — а поехали-ка, дорогая, купим нам кровать.

Глава сорок седьмая

Я ушам своим не поверила.

— Что-что?

— Говорю, купим НАШУ кровать, — все-таки я не ослышалась.

— Вообще, — я судорожно прикидывала как бы от этого отмазаться, — в мои планы пока не входила кровать. Я вполне помещаюсь на диване, а кровать ждет до следующей зарплаты.

— Дорогая, я вообще тоже доволен мебелью в гостиной, особенно креслом, но спать на этом жутко неудобно, поверь.

Боже, ну почему я снова краснею, особенно когда он говорит про кресло, а смотрит на меня.

— Я не могу, — решила сказать как есть, — ты и так для меня сделал гораздо больше, чем кто-либо делал в моей жизни, и я не хочу вгонять тебя в еще большие расходы.

— Детка, — он подошел, обнял меня именно так, как мне больше всего нравилось, чтоб я могла уткнуться носом ему в ямку у ключицы и дышать в нее, вдыхая его запах, — ты не вводишь меня в расходы, поверь. Для меня только в радость и то, что эта квартира не будет пустовать, и потратить деньги на свою женщину. Тем более — на кровать.

Я не хотела ждать, поэтому мы договорились поехать в обычный строительный гипермаркет, выбрать что-то из уже имеющегося. Там Станислава опять понесло.

— Смотри, давай полотенец купим, тебе какие нравятся?

— Стас, уж полотенца то я сама могу купить!

— Можешь, — тут он подошел ко мне близко-близко и сказал шепотом на ухо, — но я тоже хочу иногда принимать душ у тебя.

Меня снова бросило в жар. Теперь я смотрела на полотенца, ровные ряды полотенец, но видела только Станислава, выходящего из уже моего душа в чем мать родила. Чтоб выбросить эту картинку из головы пришлось ею потрясти.

— Прекрати это делать!

— Что именно? — Серьезнейшим тоном спросил Станислав, но глаза его смеялись. Он прекрасно понимал, что делает со мной, но продолжал меня дразнить.

— Ты знаешь.

— Не знаю, скажи!

Так в корзине оказались полотенца трех видов, для меня, Станислава и Андрюхи, некоторое количество кухонной утвари, мелочи для ванной комнаты, шторы прозрачные и шторы непрозрачные для моей спальни, балдахин для Андрюхиной комнаты. Против балдахина я возражала, но Станислав сказал что лучше разбирается в мальчиках, в конце концов, он сам мальчик, даже может доказать. Я не нашла что возразить, так что возмутительный для меня предмет обстановки поехал в корзине дальше. Хорошо хоть не розовый!

Кровать и матрас нам обещали привезти через час, постельное мы купили по новым меркам, причем Станислав настоял и оплатил всю корзину, причем вероломно усладил меня за кофе на вынос и пробрался со всеми нашими покупками в кассу мимо очереди. Я даже уже не ругалась — бесполезно.

И очень приятно, и мне, и моему кошельку.

На квартиру мы вернулись как раз к тому моменту как в нее начали съезжаться курьеры. С едой, кроватью и... Этот транжира все таки купил стол и стулья мимо которых я ходила как кот вокруг сметаны!

И главное, всем этим занимался Станислав, пока я показывала по видеозвонку Андрюхе и Анне Петровне детскую комнату. Сын очень обрадовался, особенно акуле, оказывается, он не раз просил Виталика захватить с собой акулу, но мой почти бывший муж постоянно “забывал”.

Если бы мне кто-то сказал, что из моего пусть прижимистого и иногда холодного мужа вдруг вылезет такой записной тиран, жестокий и скандальный, то честное слово, я бы этому кту-ту врелаза кулаком в нос. А вот поди ж ты.

Хорошо, что он больше не мой.

Пока я там рассуждала про бывшего мужика нынешний успел все забрать, поставить стирку и даже собрать стол, круглый, не слишком большой, как раз чтоб хватило места на трех человек. И даже суши туда выставил, и новые тарелки.

Чем заслужил очень, очень страстный мой поцелуй.

— Только тарелки наверное помыть надо было, — я подозрительно осмотрела посуду, сияющую в свете люстры, она же давно в шкафу стояла. В том самом, до которого я сегодня еще не добралась с тряпкой.

— Обижает, ее всю перемыли! А сейчас давай, садись есть. Нам еще кровать собирать и я желаю управиться с этим до полуночи!

Кровать мы купили двуспальную, чуть меньше полутора метров шириной, с кованым изголовьем. Все таки комната, та самая, что окном смотрела на пылающий багрянцем клен, была небольшой и мне хотелось воздушности. Собиралась кровать тоже довольно быстро, мы закончили как раз к тому времени, как постельное белье не только постиралось, но и высохло в сушильной машине, то есть — хорошо за полночь.

— Прости меня, Алина, но я сегодня никуда отсюда уже не поеду, — сказал Станислав, когда мы закончили заправлять кровать, — иначе рискую не доехать. У меня дрожат руки, я потный и голодный. Так что у нас по расписанию остатки суши и душ!

И направился в душ, избавляясь по дороге от одежды.

Я пошла за ним, как по хлебным крошкам, только большим — рубашка, футболка, брюки, один носок, два...

И когда меня затащили под горячие тугие водяные струи прямо в одежде я смогла только взвизгнуть и зажмуриться.

Глава сорок восьмая

Станислав пошел в душ и раздеваться начал еще по дороге, разбрасывая за собой одежду. Когда я шла за ним, собирая это все, то последнее, чего я ожидала, что меня тоже затащат в душ. После поездки я переоделась в домашнюю одежду — джинсовые шорты до колена и свободную футболку без рукавов, но оверсайз. Я проносила ее все лето вне работы, конечно, когда где-то гуляла без мужа, потому что “сними этот балахон, не прячь фигуру!”.

И вот сейчас моя футболка начинает промокать, обрисовывая все, что под ней было скрыто, а Станислав смотрит на это безобразие и глаза его темнеют.

Из душа мы выбрались еще не скоро и полотенца, к тому времени высохшие в сушильной машине, очень намгодились. Это отдельный вид удовольствия — вытираться почти зимой горячей махровой тканью, особенно если тебе помогает мужчина, в которого ты влюблена.

Я влюблена в Станислава? Ужас какой!

Или не ужас?

Я так устала, что в этот момент не могла ни о чем думать. Не помню даже как дошла до спальни, до той самой кровати, что мы буквально полчаса назад застелили новым льняным бельем глубокого синего цвета. Раньше я думала что льняное белье это что-то жесткое, но то, что выбрал Станислав было похоже на облачко, мы упали в него и моментально уснули.

Утром я проснулась от того, что солнце светило мне в глаза. Оно пробивалось сквозь уже поредевшую листву багряного клена и солнечными зайчиками забиралось в спальню, раскрашивая бликами темно-синее постельное белье, светлого дерева пол, зарывшегося лицом в подушку Станислава и часы на стене, показывавшие 12.05.

Я сначала решила что у меня глюки, да и часы эти — Станислава, еще с тех времен, как эта комната была его кабинетом, наверное, они врут.

Часы мстительно моргнули. 12.06.

— Аааа! Стааас, Стасик! — Я попинала его ногой.

— Отстн, дй пспт, — пробурчали из-под подушки.

— Да мы проспали!

— Что?!

Он был дивно хорош со сна, не устану любоваться. Хотя казалось бы, чем любоваться — на щеке отпечатался шов от наволочки, потому что Стас свернул свою подушку в какую-то невообразимую фигуру, волосы, не высушенные после душа, встали дыбом, глаза были сонные-сонные, как будто подернутые дымкой, а губы казались еще пухлее.

— Вон, — я обличающе ткнула пальцем в часы, как будто это они были виноваты.

—!!!

— Не ругайся!

— Да не может быть, где мой телефон? — Станислав вылез из-под одеяла и я вдруг осознала, что вчера одеться мы не успели, как в душе стояли, так и упали, бросив мокрую одежду в ванной.

— Алина, мы проспали!

— Я заметила! — пришлось повысить голос, чтоб он точно услышал меня из гостиной, куда успел за это время убежать.

Надо было решать, как я буду объяснять свой приход на работу после обеда. Хорошо

хоть боссу не надо было, босс проспал все вместе со мной.

Надо было как-то вставать с кровати, но снаружи было прохладно, да и щеголять голышом не хотелось. Пока я решала эту непростую дилемму, вернулся Стас с телефонами в руках.

— Так, для всех мы уехали на потенциальный объект, там не было связи, поэтому не отвечали, — он отдал мне телефон, — держи, но корпоративные мессенджеры сразу не открывай, там потоп, пожар, извержение вулкана и землетрясение.

— ...! — выразилась уже я.

— Я тебя кстати отмазал и ты должна мне за это поцелуй!

— В смысле отмазал? — Станислав, в отличие от меня, не брал сменной одежды, так что сейчас щеголял голым торсом, литые мышцы перекачивались под кожей, лишая меня и дара речи, и заставляя думать только о неприличных вещах.

— В смысле я приеду, а ты после объекта получила выходной.

Он скользнул под одеяло и пришлось отдавать ему заслуженный поцелуй. Долго-долго, сладко сладко.

Глава сорок девятая

Мы завтракали кофе и яичницей, причем к плите меня не подпустили, опять! А я между прочим очень неплохо готовлю и даже люблю это делать. Но на все мои возражения Стас просто меня поцеловал.

— Успеешь еще наготовиться. Тем более я не сильно люблю это дело, но сейчас мне очень, очень хочется готовить для тебя.

Я не могла сопротивляться его напору, тем более, что и яичница была не простой, а шакшукой, штукой с помидорами. Я знала что такое есть, но как-то раньше не готовила, и совершенно зря.

Уже когда мы позавтракали мне позвонила свекровь, сказать, что пришли документы, суд будет двенадцатого декабря.

— Что ж, — сказал Станислав, вытаскивая свои брюки из сушилки и с неудовольствием вспоминая, что уютга-то у меня пока тут нету, — тебе пора встретится с адвокатом и все обговорить.

О встрече удалось договориться прямо на сегодняшний вечер, так что я захала на квартиру к Томе, переделась, договорилась, что вечером они с Борисычем завезут на квартиру часть моих и Андрюхиных вещей и заодно заберут оттуда меня.

Переезд я запланировала на выходные.

Адвокат оказался одного возраста со Станиславом, очень приветливым и симпатичным и очень толковым. Мы довольно быстро оговорили все, касаемо моего развода, он рассказал, какие документы ему надо видеть и прочие такие вещи, но потом...

— Вы знаете, вы конечно очень красивая женщина и суд по этому делу я вам обещаю выиграть. Тем более, вы ничего не хотите сверхсложного и удивительно нестяжательны, не собираетесь обирать бывшего мужа до нитки, как хотели бы многие на вашем месте.

Я в это время стояла вполоборота к нему, у двери, уже взявшись за ручку. Пассаж про красивую женщину изрядно меня удивил. А он тем временем продолжал.

— Но я считаю что Славке не нужна женщина с ребенком, это совершенно не в его стиле. Так что можете считать, что я приложу все усилия, чтоб ваш сын остался жить с вами, это поможет моему другу быстрее понять свою ошибку, снять розовые очки и искать себе женщину более подходящую, без излишеств, и как как минимум, из нашего круга.

Я не сразу поняла, о каком Славке речь, но когда поняла...

Хотелось заорать и швырнуть в гада стулом, но я просто молча кивнула и вышла из кабинета. Расплакалась уже на улице. Надо же, какой козел, взял и обозвал меня разведенкой с прицепом, которая хочет из грязи в князи, причем так, что я не могу ему ничего предъявить, формально он меня не оскорблял.

Стасу я решила ничего не говорить. Если он поведется на уговоры своего друга, что ж. Не всем везет устроить свою личную жизнь сразу после развода.

— Что случилось? — Тома с мужем приехали на квартиру и конечно же, подруга не могла не заметить моих красных глаз.

— Да так, знаешь, вспомнилось разное, — отговорила я. Впрочем, кто меня упрекнет, поводов поплакать последнее время хватало.

— Но сейчас все хорошо?

— Пройдет! — Я обняла ее, — вы заходите, заходите, проведу вам экскурсию.

— Ты смотри, Алинка, — пробасил Борисыч, — если что, говори мне. Я сам давно уж не боец, но генерал в отставке все равно остается генералом, чуешь, к чему клоню?

Я кивнула, обняла его и расплакалась, на этот раз уже от чувств. Борисыч напоминал мне отца.

— Отставить! — Он протянул мне свой носовой платок, — а то все глаза выплачешь, веди уж, на экскурсию.

В прихожей пока не было даже придверного коврика, не говоря уж о другой мебели, зато в остальных комнатах мне уже удалось навести уют. И моей гордостью конечно, была детская. Станислав повесил балдахин из плотной хлопковой ткани, но не над кроватью, как я думала он сделает, а в уголке комнаты, не видимом из двери, но из которого просматривалась комната и вид из окна. Я купила и повесила там неяркие светодиодные фонарики и положила большую круглую подушку. Получился такой шатер, убежище, где сейчас жила, в ожидании маленького друга, акула Зубатка.

В стеллаже было еще пустовато, в шкафу тоже — я не стала забирать все вещи из квартиры, рассудив, что если уж Андрюхе все таки присудят выходные с отцом пусть у него будет хотя бы привычная одежда.

— Какая красота! — Тамара восхищенно охала и мне было очень приятно такое от нее признание, что я в наведении домашнего уюта не безнадежна. — Андрей будет в восторге.

— Очень надеюсь, — я вздохнула. — Пока что он не очень в восторге к сожалению.

— Это нормально, милая, — Тома обняла меня за плечи, — он поймет потом.

— Пойдемте, покажу спальню, — я смахнула непрошенную слезу.

А в спальне...

Глава пятидесятая

В спальне у меня лампочка перегорела, оказывается.

— Упс! — Я сюда вечером еще не заходила. После ухода Станислава я заправила кровать, а другой мебели тут пока еще не было.

— А лампочки у тебя есть? — Спросил Борисыч, — заменить-то — плевое дело.

— Завтра куплю, — мне было неловко. Вот и провела экскурсию. Только бы кран на кухне не сломался для полного антуража!

В кухне-гостиной теперь было гораздо уютнее. Мы со Станиславом передвинули диван и кресло, отделяя кухонно-столовую зону и теперь дело было за деталями — ковром, скатертями, диванными подушками и телевизором. Я заходила сюда и видела совсем другую картину: закатное солнце озаряет комнату, из колонок мурлычет музыка, сын валяется на ковре у дивана, задрав ноги и читает книжку, я же у плиты, жарю его любимые блинчики. Где-то на задворках сознания еще маячил Станислав, пытающийся как-то вписаться в эту картинку, но после сегодняшнего разговора с адвокатом никак в нее не влезавший.

Но все остальное я своим гостям изложила в подробностях!

— А у нас ведь есть ковер, Тамара.

— Точно! Нам сын как-то подарил, большой роскошный, в скандинавском стиле, только ты же видела нашу гостиную, там под скандинавский стиль надо всю гостиную менять, — Тома расхохоталась. — Тебе же тут впишется, как родной!

Кажется, я снова попыталась расплакаться, на этот раз от радости, что рядом со мной есть такие люди, которые поддержат и словом, и делом. На этот раз мне даже не позволили возражать, загрузили в машину и увезли ужинать, пить чай и спать.

Переезд начался в субботу. Утром мы с Андрюхой встали, а на кухне Тома уже накрыла стол, вокруг которого радостно прыгал Булька. Как только пёс увидел, что его юный друг уже проснулся — тут же побежал к нему, играть.

Предстояло позавтракать и рассказать Андрею, что с этих выходных у нас снова начнется новая рутина и к Бульке мы уже будем приезжать не жить, а только иногда в гости. Врят ли часто. И такие вот завтраки тоже будут редкостью.

Он ведь только ко всему этому привык, с тоской подумала я. И вот, снова перестройка.

Но на удивление, когда пришел момент собирать вещи, то Андрюха побежал впереди всех. Впрочем, как только мы со всеми своими пожитками переступили порог нового жилища, причина прояснилась.

— Зубатка! — Ах вот оно что, он хотел к своей акуле.

Я вздохнула с облегчением — одной проблемой меньше. Еще, конечно, будут и разочарования, и слезы, но тоска по прошлому переживается гораздо легче, чем отчаяние первого шага, закрывающего за тобой эту дверь.

Вечером я смотрела на сына, что укладывался спать вместе со своей акулой в импровизированном шатре из балдахина, кутаясь в лоскутное покрывало, слушала как он рассказывает Зубатке свои планы на будущее и удивлялась — мой мальчик оказался мудрее меня и все, что он говорил, должна была продумать я. И как он будет встречаться с папой и бабушкой, и как будет ходить в школу, все эти простые повседневные вещи, что в конце концов, оказываются важнее остальных.

Станислав заехал поздно, ближе к полуночи.

— Я только на минутку! — Произнес он, выглядывая из-за огромного веника цветов.

Когда я взяла его, то чуть не пошатнулась, тяжелый!

— Зайдешь? — Спросила шепотом, опасливо косясь на детскую, где в тусклом свете фонаря, проникающем сквозь тюль в незашторенное окно, было видно как сладко спит мой сын.

— Только чтоб тебя поцеловать.

Букет отчаянно мешал целоваться, а когда Станислав испарился, оставив меня наедине с этим веником и ранее незамеченным мною пакетом на полу у двери, пришлось его разделить на целых три.

В пакете оказалось шампанское и торт. Торт я спрятала в холодильник, как раз утром с Андрюхой отпразднуем переезд еще раз, а шампанское с удовольствием приговорила, сидя на диване и залипая в какой-то детективный сериальчик в ноутбуке.

Так и уснула, укрывшись пледом, что подарили мне Тамара с Борисычем. Отдали в нагрузку к пушистому ковру, белому, с ромбовидным черным узором.

Разбудил меня рано утром звонок мобильного.

Глава пятьдесят первая

Было всего семь утра, бутылки шампанского на меня было многовато, поэтому голос почти бывшего мужа, решившего, что это время как раз подходит для разговоров, ввинчивался в голову как сверло.

— Виталик, ты мог бы хоть не так орать? Андрей еще спит.

То, что понеслось на меня из трубки, никак нельзя было повторить в приличном обществе. И было совершенно не похоже на моего мужа. Он не был сдержан в словах и нецензурной лексики не чурался, но вот такой площадной брани я от него не слышала никогда за все время, что его знала, а бывало за эти годы всякое.

— Ты в порядке? — Я так удивилась, что спросила именно это, а не “какого, собственно, лешего, ты себе такое позволяешь”.

...!.....!!! — сказала трубка и отключилась.

Все это было до крайности странно и мне требовалось посоветоваться со свекровью, но в семь утра она еще спала, так что я занялась делами насущными.

В часов десять Андрюху уже ждали его любимые панкейки, в квартире царил порядок, а благодаря тому, что большую часть расходов взял на себя Станислав я смогла доукомплектовать свое гнездышко большим телевизором и некоторым количеством мебели вдоль стены, где планировалось его вешать. Потратила почти час на то, чтобы все это выбрать и заказать, вездесущие “стенки” мне очень не нравились, а собрать что-то схожее по функционалу, но отдельное и не ценой в крыло от самолета было нетривиальной задачей.

Еще подумала и заказала прикроватные тумбочки и комод в свою комнату. Одежды у меня было не очень много, обойдусь комодом и рейлингом, такой вешалкой на колесиках. Видела много картинок в интернете, где все это выглядело очень красиво и загорелась идеей сделать.

За этими приятными хлопотами даже подзабылся утренний звонок. Но стоило его вспомнить, как во рту становилось горько, а сердце подпрыгивало к горлу и стучало там в голову тревожным набатом. Что-то не то.

— Тамара Васильевна, а вам не показалось, что с Виталиком что-то не так? — Вечером свекровь зашла на чай, а заодно за Андреем. Мы не хотели рушить уже привычный ему распорядок недели, в котором в понедельник он шел в школу от бабушки и сейчас он собирал вещи (и акулу!), а мы сидели, пили чай с остатками торта, что вчера привез Стас.

— Ты знаешь, да, — свекровь задумчиво помешала ложечкой чай в чашке, — сначала я списывала это на то, что вы расходитесь, нервы от потери работы. Но в его жизни случались проблемы и похуже, а таким он не был никогда.

После рассказа же об утреннем звонке свекровь и вовсе переполошилась. А я получила подтверждение своим догадкам — с моим почти бывшим мужем было что-то не так.

За следующую неделю, предшествующую нашему разводу, мне так и не удалось с Виталиком поговорить. С матерью он избегал встреч и даже не встретился с сыном, что было вовсе из ряда вон выходящим событием.

Близился час икс и я решила поговорить об этих странностях со Станиславом. За эти дни мы виделись мало, чаще на работе. Было начало декабря, компания завершала несколько крупных проектов, готовился новогодний корпоратив, бухгалтерия рассказывала о годовом отчете таким тоном, что казалось, не доживут. Кругом была суматоха, пахло мандаринами и

преддверием праздников.

Я робко поскреблась в дверь кабинета босса.

— Войдите! — Станислав выглядел уставшим, невыспавшимся и каким-то слишком худым. Когда он последний раз ел? Я только кофе таскаю, как и сейчас.

— Стас, мне бы с тобой поговорить. — Я поставила кофе ему под руку, а он, не глядя, цапнул чашку одной рукой и пил, не отрывая взгляда от монитора. — Стас! — Я слегка повысила голос.

— А, что?.. — так, кажется, меня заметили.

— Мне очень не хочется тебя отрывать, но правда, нужен твой совет.

— Да, сейчас, — он отхлебнул еще кофе, растер лицо ладонями, взъерошил волосы. Кто придумал, что владельцы компаний только деньги гребут лопатой? Они еще и пашут порой куда больше своих подчиненных. — Извини, я за последнюю неделю не помню когда спал больше, чем четыре часа в сутки.

— У меня некоторые проблемы, даже не столько проблемы... — Я беспомощно развела руками, не зная даже, с какой стороны подойти к объяснению ситуации. — В общем мне кажется, у моего будущего бывшего мужа поехала крыша.

Глава пятьдесят вторая

— Кажется, у моего будущего бывшего мужа поехала крыша.

— То есть? — Не понял Станислав.

— Понимаешь, он, конечно, никогда не был подарком, но и такой жуткой сволочью — тоже. И многие его поступки не объясняются больше тем, что происходит в его жизни. Это как будто не он, не мой муж, не тот человек, с которым я прожила много лет.

Это был сложный разговор и я была очень благодарна Станиславу за то, что он меня выслушал и не оттолкнул. Не сказал, что я его страшно отвлекаю, выдумываю и вообще, у него тут цейтнот, дедлайн и некогда поесть и поспать. Хотя все было именно так.

— Знаешь, — сказал он задумчивым тоном, когда я ему рассказала в подробностях не только всю историю, но и свои мысли, — а ведь ты права, с ним и вправду что-то неладно. Но ты сейчас ничего сделать не можешь.

— Я пыталась, и Анна Петровна пыталась, он просто не идет с нами на контакт, никак, а отлавливать его физически мне просто страшно...

— Я понимаю, — Стас встал и подошел ко мне. Я так нервничала, что весь наш долгий разговор даже не стояла — металась по кабинету, благо размеры вполне позволяли. Станислав обнял меня со спины и я привалилась к нему, ощущая как тепло разливается по позвоночнику, а напряжение последних даже не дней, а недель, постепенно отпускает.

— Что мне делать, Стасик, — прошептала я.

— Для начала нам обоим надо отдохнуть. Когда там твой развод?

— Уже послезавтра. В четверг.

— Возьмешь в четверг отгул?

— Не знаю. Мне вроде как не надо даже присутствовать.

— А что говорит твой, то есть мой, адвокат?

— Что все получится. — Хорошо, что в этот момент Станислав не видел моего лица.

При воспоминании об адвокате меня изрядно перекосило.

— Значит, план такой, сегодня и завтра ударно работаем, в четверг ты разводишься, а я навожу справки по своим каналам

— Договорились.

В среду вечером мне позвонил мой адвокат. То есть Станислава. И мой. Кажется, я запугалась.

— Завтра вам все таки лучше быть в суде.

Пришлось срочно звонить свекрови. Я отвела Андрюшу на внеплановую ночевку, тысячу раз извинилась перед Анной Петровной и вышла в декабрьскую темноту.

Меня снедало беспокойство. Я устала, хотела есть и одновременно не хотела ничего, потому что от тревоги меня подташнивало. На улице шел снег, медленно кружась в световых столбах вокруг фонарей и я постояла так со своей тревогой вместе, подняв лицо и подставив его оседающим снежинкам. Маленькие жала холода слегка отрезвили меня.

Подумаешь!

Меня конечно задело, что мать Станислава не захотела со мной встретиться, передав документы о съеме квартиры через адвоката. Но не отказала же, это ведь хорошо? Хотя я предпочла бы лишний раз с адвокатом не видеться.

Опять же, предстоящая встреча с Виталиком, у которого, как оказалось, тоже есть свой адвокат. А еще уйма тараканов в голове и все они совершенно не походили на паука Арсения, что лелеяла моя свекровь. Тем более Сенька жил в углу кухни, а не у нее в голове.

Под эти грустные мысли я шла по дворам, где освещенным, а где и совсем темным, рискуя угодить в лужу, полную ледяной каши. В конце концов я выбралась из лабиринтов нашего квартала на освещенный проспект. Здесь не было луж, только веселая поземка, чей танец прерывали проезжающие машины и немногочисленные пешеходы.

Надо поесть и подумать, решила я. И отправилась в маленькое подвальное кафе, недорогое, но достаточно хорошее, тем более, встретить кого-то из моего нынешнего круга общения там было совсем невозможно.

Сильно же я взлетела за последнее время.

И пока я шла, — плиточные тротуары, милые парочки навстречу, мигание уже развешанных новогодних гирлянд, — я думала о Станиславе. Возможно этот крючоктор прав, и я ему не пара. В конце концов кто я? Без двух минут мать-одиночка, разведенная, с большим ребенком. Не самая лучшая партия для директора крупной строительной компании, самой крупной в нашей области.

Причем самого директора это не слишком-то волнует.

На ужин у меня был салат с горошком и колбасой, из которого пришлось выковыривать вареную морковку. Не люблю морковку в оливье и никогда ее туда не режу, да и в этой кафешке раньше тоже не резали. К оливье у меня была горячая, только сваренная, исходящая ароматным паром картошечка и огромная свиная отбивная в хрустящей панировке. Я подумала, подумала и дозаказала еще свежий салат: очень хотелось к этому всему еще и редиски со сметаной.

После хорошего ужина все кажется не таким уж и плохим. Облепиховый чай и крошечное пирожное “картошка” на десерт совсем подняли мне настроение. Насколько вообще можно было его поднять в моей ситуации. Мысли о завтрашнем суде и связанной с ним нервотрешкой еще грызли, но увязали в “картошке”, слипались от сладости и больше не будоражили так сильно, как пару часов назад.

А может я просто уже устала бояться.

Глава пятьдесят третья

Утром я подскочила от звонка будильника. Девять утра, на востоке еще только занималась заря.

Сначала я вспомнила, что сегодня суд и меня накрыло горячей волной удушливого страха и паническими судорогами. Хотелось закутаться в одеяло с головой и так там и остаться. Будь я одна, я бы так и сделала. Одной мне много не надо, но у меня был Андрей, поэтому из-под одеяла пришлось вылезать.

Мессенджер разрывался. Девочки из бухгалтерии желали спокойного развода. Станислав интересовался, встала ли я и как себя чувствую. Бывший муж написал простыню гадостей. В общем, обычное утро.

Я приняла душ, позавтракала, солнце уже вставало и его было видно, если выйти на лоджию. Я так и сделала, прямо в легком халате, что надеваю после душа, вышла в морозное утро, распахнула окно и стояла так, вдыхая ледяной воздух и дрожа от холода.

Хорошая получилась встряска. Мысли в голове послушно сложились в слово “Вечность”, хотя из букв “Ж” “П” “О” “А” сделать это еще вчера казалось невыполнимым достижением.

На удивление в суде прошло все спокойно. Нам даже удалось без особенного сопротивления второй стороны добиться проживания Андрюхи со мной, при условии обязательных встреч с отцом на территории Анны Петровны, на чем настаивала уже я. Не хотелось во-первых пускать Виталика в свой новый дом, а во-вторых я считала, что хотя бы на первых порах им нужен присмотр.

Особенно с учетом поведения моего уже бывшего мужа в последние полгода. Обалдеть, а ведь и правда, скоро почти полгода будет с момента как он стал себя не слишком адекватно вести.

Избежать встречи с ним после суда, правда, не удалось. Мы столкнулись в вестибюле, старом, мрачном, с древними, протертыми многими ногами мраморными ступеньками и полированными тысячью рук перилами лестницы. Прямо у ее подножия.

— Теперь ты довольна? — Желчно сказал Виталик, глядя на меня сверху вниз. Его рот кривился в похабной ухмылке, но общее впечатление было такое, будто бы мой бывший муж всеми силами удерживается от слез.

Я не знала что сказать. Была ли я довольна? И да и нет. Я не хотела этого развода до того момента, как застала Виталика и его пассию неглиже в его кабинете. Я не хотела всей этой нервотрепки, грубых слов, унижения, что испытывает каждая женщина, которой изменил муж. Но это все уже произошло.

— Я не жалею о том, что с тобой развелась.

— ...! — Виталик надвинулся на меня с лестницы угрожающе, чуть скрючившись и попытался ухватить за воротник блузки, что выглядывал из выреза пиджака: на развод я оделась в брючный костюм темного цвета.

Я даже не попыталась ему противостоять, никаких сил уже не было, хотелось доехать до дома и упасть в кровать. Не знаю, чтобы он сделал, но неожиданно меня рвануло в сторону и назад. И вот перед моими глазами уже не взбешенный бывший муж, а широкая спина моего адвоката.

— Немедленно прекратите. — Он обращался к Виталику спокойным, даже уставшим

тоном человека, который сталкивается с подобной реакцией слишком часто. Спросить что-то у Станислава, какими делами занимается обычно его адвокат.

— Что прекратить, отойди, ты, я хочу поговорить со своей женой!

— С бывшей женой. — Мой адвокат спокоен, а вот у Виталика в голосе прорезаются истерические нотки.

—!

— А вот оскорблять никого здесь не стоит, — он перехватил руку моего бывшего мужа, который, видимо, настолько взбеленился, что решил затеять драку прямо в вестибюле. — Охрана!

Где же адвокат Виталика? И кто он, такой импозантный седой мужик в дорогом костюме. И откуда у моего бывшего мужа деньги на такого.

— Виталий! — Раздался женский голос из распахнутой входной двери. Из нее в полутемный вестибюль светило яркое полуденное солнце, так что я не сразу рассмотрела, кто это там стоит.

— А ты что тут делаешь?! — Виталик смотрел на Татьяну, ту самую, с которой я застучала его тогда в кабинете и его лицо странно кривилось. Ненормально, я бы сказала.

И тут мой бывший муж пошатнулся и начал заваливаться назад. Я успела только охнуть и зажмуриться, чтоб не видеть как его затылок соприкоснется с вытертыми лестничными ступенями.

Глава пятьдесят четвертая

Лицо моего мужа странно перекопилось и он начал падать, заваливаясь назад, прямо на лестницу. Я охнула и зажмурилась, но ожидаемого стука не услышала. Только встревоженный крик Татьяны.

Виталику в очередной раз крупно повезло.

Все это произошло очень быстро и мой адвокат не успел выпустить его запястье из своей стальной хватки, поэтому когда мой бывший муж стал заваливаться назад, он успел его придержать. Сложно было бы удержать в вертикальном положении пусть и худого, но совсем не невесомого взрослого мужика. Тем более, что человек, теряющий сознание превращается в желе и удержать утекающее тело практически невозможно. Так что мой адвокат просто аккуратно опустил бессознательное тело на лестницу, а со всех сторон к нам уже бежали Татьяна, адвокат Виталика, охрана и, кажется, кто-то из других посетителей, наблюдавших за нами с верхних площадок широкой парадной лестницы суда.

Как-то так получилось что во всей этой суматохе и выкриках “Врача, скорую” меня и любовницу моего бывшего мужа оттеснили куда-то вбок от всего этого и мы оказались рядом. Причем Татьяна выглядела всерьез встревоженной и переживающей, она то и дело порывалась пробраться сквозь плотную толпу, образовавшуюся вокруг места... происшествия, то подпрыгивала, пытаясь рассмотреть, что там происходит, но ей не удавалось. Сложно такое провернуть, если ты полтора метра ростом и обута в шпильки. А у меня не было желания ей помогать.

— Боже, боже, — она в итоге встала возле меня и стала просто причитать, иногда вытирая выступившие на глазах слезы бумажным платочком. — Вот снова, снова!

Тут я насторожилась.

— Снова — что? — Нет, я не собиралась общаться с ней, но он же не просто изменщик и мой бывший муж, он еще сын Анны Петровны и отец моего Андрюши. Тем более, я сама хотела узнать, что с ним такое происходит.

— Снова обморок! — Она выглядела уже откровенно жалко, переживающая, в слезах, с опухшим носом, беспомощная.

— И как давно с ним это? — Я насторожилась.

— После корпоратива, — она отвечала опасно на меня поглядывая и как-то бочком бочком пятясь. — Сначала он стал... Не таким, понимаешь, очень агрессивным, грубым, мог ни с того ни с сего начать бросаться вещами, попытаться ударить. На тебя на корпоративе напал и сразу началось.

Она рассказывала, а у меня глаза становились все больше и больше.

— Потом начались обмороки, — Татьяна всхлипывала и рассказывала уже сквозь слезы, воспоминания ей давались очень тяжело. — И даже пару раз припадки, как у эпилептиков. Первый раз я жутко перепугалась, вызвала скорую, но пока они приехали он пришел в себя и отрицал. И вот последние несколько недель он меня избегает, совсем.

— И нас тоже... — Да, тут было о чем задуматься. — Но сейчас ему не удастся что-то отрицать.

— Я очень надеюсь.

Тут толпа расступилась — приехала скорая, очень быстро, Виталика погрузили на каталку и увезли в сопровождении его адвоката и рыдающей любовницы.

А я бочком-бочком, пока уже мой адвокат меня не хватился, сбежала через черный ход.

Очень уж не хотелось его благодарить за защиту не только в суде. Хотя после того разговора в его кабинете тема моей неподходящести для роли женщины Станислава больше не поднималась и к профессионализму у меня не было никаких претензий, мужик отработал на все сто. Я получила опеку над сыном, и половину совместно нажитого имущества, что означало раздел нашей трешки или же, если Виталик найдет деньги, выплату мне половины ее рыночной стоимости. А значит, у нас с сыном будет небольшая, но своя квартира. Если же мы останемся в этой на указанный в договоре аренды год, то я смогу подкопить денег и купить даже трешку без ремонта. Да, не в нашем районе, но все же...

Солнце уже было в зените и слепило глаза. Я вдохнула морозный режущий воздух: в кои веки снег как лег в конце ноября, так и лежит. О этот пьянящий запах мороза и юной зимы. И пьянящий запах свободы!

“Развелась!!!” — Пишу Станиславу.

“Отпразднуем?” — Интересуется он в ответ.

“Только не в ресторане” — отвечаю и добавляю кучу разных смайликов. Да уж, нам со Станиславом не стоит в рестораны ходить.

“Как тебе идея посмотреть на мою нынешнюю квартиру?”

Вау! Я в восторге, правда! Мне сразу же стало жарко и очень захотелось завизжать и затопать ножками от радости. Почему-то мне казалось, что это очень важный шаг, ведь до сих пор Стас возил меня куда угодно, только не к себе домой.

“Поехали!”

Глава пятьдесят пятая

Мы встретились со Станиславом в центре нашего городка, я запрыгнула в его джип, вдохнула уже знакомый запах духов, кожи и ароматизатора, и немедленно поцеловала водителя.

— Я совершенно счастлива! Ты не представляешь! — Меня распирало от радости, хотелось броситься в пляс прямо в машине, под разухабистый рок-н-ролл, что сейчас играл из колонок.

— Ура! — Стас улыбался и мне казалось, за эту улыбку я на многое готова. Мне так нравится смотреть, как он улыбается, как от уголков глаз разбегаются мелкие, едва заметные лучики-морщинки.

— Мне так нравится, как ты улыбаешься, — прошептала я в его губы. Тут сзади нам нетерпеливо посигналили.

— Поехали, — сказал обладатель самой сногшибательной улыбки этого города и мы поехали.

Станислав жил не очень далеко от своей старой квартиры, в которой теперь жила я. От центра было ехать не очень далеко, но мы решили захватить еды на вынос и пока Станислав этим занимался я решила позвонить свекрови.

— Анна Петровна, здравствуйте. Надеюсь, у вас все хорошо? Да, нас с Виталиком развели, все как мы с вами обсуждали, вы же знаете, мне не надо лишнего. Но у меня есть и не очень хорошие новости. Я сейчас узнать ничего не могу, потому что юридически я ему никто, а вам, наверное, скажут. Да, он в больнице, в той что на улице N., с ним его нынешняя... девушка. И она очень о нем беспокоится. Да, да, пусть Андрюша побудет в продленке, он очень давно просит. Да, я позвоню его учительнице.

Закончив звонок я с облегчением выдохнула. Мне не нравилось сообщать людям дурные вести, но иногда таких вещей было не избежать. Тем более, что ситуация явно серьезная. Здоровые люди просто так не падают в обмороки и не становятся агрессивными по щелчку пальцев. Что-то тут было не то и очень сильно.

— Я вернулся! — Станислав забросил на заднее сидение пакет с едой и потер озябшие ладони. Перчаток он не взял, а припарковались мы не очень близко. — Как ты, почему заскучала? — Да уж, после разговора с бывшей свекровью настроение у меня и правда было не очень.

— Да вот, уже когда все расходились, случилось такое... — И я рассказала Стасу о происшествии в суде.

— Это все очень странно. — Стас был серьезен и задумчив. — Я уже озадачил некоторых людей, но вот про Татьяну был уверен, что ее отец уже повлиял на дочь. Позвоню ему на днях, спрошу. И в этой больнице у меня должны быть контакты.

— Спасибо, ты меня очень выручишь. Я еще боюсь что Анна Петровна, мать Виталика, сляжет. Мне тогда придется очень туго, потому что я же не могу ее бросить.

— Мы справимся, Алинка, не переживай, — Он взял мое лицо в ладони и я прижалась щекой к его горячей руке. Ласковые поглаживания большим пальцем, нежный поцелуй и вот мне уже полегчало.

Конечно, если уж у моей квартирки была огороженная территория с видеонаблюдением и круглосуточной охраной, то чему я удивляюсь?

Квартира Станислава находилась в одном из самых пафосных кварталов нашего города. Небольшой, построенный рядом с лесопарком, старыми “номенклатурными” домами с приличной публикой, в районе с хорошей инфраструктурой этот квартал был воплощенной мечтой. А уж детская площадка во дворе... Целый город для детей любых возрастов.

— Что, хочешь на качели? — Подколол меня Стас, усмехаясь.

— Андрюху привезти хочу! — Ответила я с горящими глазами, представляя восторг сына при виде этого великолепия. — Его сюда будет только пусти, потом до ночи не выковыряешь.

— Весной тут рай для мелких. Поэтому у меня стоят окна со звукоизоляцией. А теперь давай, пойдём в дом, а то ты в своем пальтишке замерзнешь.

Что правда то правда. К костюму не наденешь пуховик, а зимнего пальто у меня не было и в легком осеннем было холодновато.

— Смотри, — проводил меж тем своеобразную экскурсию Станислав, — на самом деле наземная парковка у нас гостевая, а обычно я заезжаю сразу вниз. Но сегодня очень хотелось тебе показать наш двор.

Двор кроме площадки мог похвастаться огромными, почти с шесть этажей самого дома, соснами, кленами и даже большим дубом.

— Проект делала наша компания и я в прямом смысле строил как для себя. Эти деревья наши подрядчики все время норовили срезать, но в конце концов смирились. Зато такая красота. Ландшафтный дизайн сейчас не очень видно, но весной тебе очень понравится.

Вау, тут до нового года еще две недели, а мой бойфренд уже строит планы на весну. Хорошо ли это, не знаю. Не слишком ли быстро мы идем? Я потрясла головой, чтоб выбросить из нее сомнения. Не сегодня. Не сейчас.

Пентхаус Станислава был шикарен. Наверное.

Потому что как только мы туда зашли мне резко стало не до красот вокруг. Весь мир сошелся в одной точке, в его черных, пылающих страстью глазах.

Глава пятьдесят шестая

Хорошо, что из еды навывнос Станислав взял закуски и суши, можно было не бояться, что все остынет. Потому что добрались мы до нее не скоро. Я цапнула суши с икрой и сыром, закусила острым имбирным ломтиком, ммм... Пища богов!

У Станислава была крутая кофемашина, так что к суши я получила отменный латте с мятным сиропом и теперь пила его, смакуя каждый слой по отдельности через модные нынче металлические трубочки. Вопреки моим опасениям, на вкус кофе они не влияли.

Я сидела у барной стойки на небольшой по его меркам, всего-то метров пятнадцать квадратных, кухне. Стола здесь не было, так что места хватало даже на танцевать вальс.

— Люблю простор, — Станислав сделал кофе и себе и сел напротив меня, так, чтобы касаться своими коленками моих.

— Это заметно, — я фыркнула в чашку, невесомая пена взлетела и осела мне на нос. Нос мне тут же вытерли, а пену с пальцев Стас слизал. Это было так чувственно, что мне внезапно снова стало очень горячо.

Так, Алина, тебе вообще-то и так домой пора. И возвращаться в свою взрослую жизнь пора. Да, рядом с ним ты чувствуешь себя девчонкой, ветреной, юной и не обремененной всем тем грузом ответственности, что свалился на тебя в последние годы. Но не стоит в это все погружаться, выныривать потом будет очень тяжело.

Нам было хорошо вдвоем, нас обоих не тянуло за едой поболтать, мы предпочитали есть молча, но напоминать друг другу о себе через взгляды, улыбки и прикосновения и это сближало гораздо сильнее пустой болтовни о погоде, работе и прочем.

Суши кончились, кофе был допит, время близилось к вечеру.

— Мне уже пора, — я смотрела на часы, показывавшие 16.20. — Пока я доеду как раз будет время забирать Андрюшу из продленки. От свекрови пока нет вестей, Томе надо позвонить, рассказать как все прошло.

— Ты ее спроси, Борисыч же отставной генерал, может, связи сохранились, поможет узнать что с твоим бывшим мужем.

— И это тоже. Так не хочу обратно во взрослую жизнь! — Я легла головой на скрещенные на барной стойке руки. — Я девочка, я хочу на ручки и новое платье!

— Ну хочешь, — Станислав обошел барную стойку и встал рядом, гладил меня по спине, — на выходных я подарю тебе платье. Да и с “на ручки” тоже помогу.

— А хочу, — я сдула непослушную прядку, что лезла мне в глаза, встала и мы обнялись. — И платье хочу, и на ручки. И до школы на такси поеду.

— Я вызову, — Стас не стал слушать моих возражений, прервав их поцелуем, — я бы тебя сам отвез, но мне надо сегодня вечером быть в другом месте.

Вечером я заняла Андрея мультиками — так можно, особенно если ты мать-одиночка, — и занялась не слишком приятными телефонными звонками.

В приемном покое больницы дежурный отказался мне что-либо говорить, ссылаясь на врачебную тайну. Тома не брала трубку и я написала ей кратенько обо всем, что произошло, в мессенджер.

А вот свекровь мне сама перезвонила.

— Здравствуй, Алиночка. — По голосу было слышно, что она сильно расстроена.

— Анна Петровна, добрый вечер, как ваши дела? — Параллельно я была занята ужином, так что прижала телефон к уху плечом, — как там Виталик? Мне отказались говорить, как я и думала, но я завтра попробую по другим каналам узнать.

— Мне тоже ничего не сказали, только что ему назначили всякие обследования, но уже на следующей неделе. И что его не выпустят из больницы, пока эти обследования не проведут. Боже, боже, — она расплакалась, — у него был припадок, самый настоящий! Уже в больнице, когда я приехала. Это так ужасно, Алина.

— А что врачи говорят, — я поставила мясо тушиться на самый маленький огонь, и отошла на лоджию. Андрей был увлечен мультиком, но мне хотелось еще больше от него спрятаться — чем позже он узнает об этом всем, тем лучше.

— Ничего не говорят, — Анна Петровна всхлипывала, — мол, все только после катэ. Хорошо хоть эта его, новая девушка, оплатила ему платную палату. Он совсем сошел с ума, Алина, бежал драться с другими больными, кричал что они ему мешают и от них у него болит голова.

— Не плачьте, не волнуйтесь, если еще и вы угодите в больницу, то Виталику это не поможет. Завтра я попробую что-то сделать и разузнать. — На лоджии было прохладно, так что я не стояла, а ходила, хорошо, что она длинная. Упоминание о Татьяне меня все равно бесило, пусть это уже и было не мое дело. — Да, я вам вечером завтра наберу, а вы если что-то срочное сразу звоните, мой начальник в курсе.

Мясо едва не подгорело, макароны слегка переварились, но сын весь вечер с энтузиазмом рассказывал о продленке, о том, как ему было интересно делать уроки вместе со всеми, в какие игры они играли и что на полдник был ужасно смешной кисель с овсяным печеньем.

— Мамочка, — Андрюха состроил умильную рожицу, — а можно, я завтра тоже останусь. И вообще, буду оставаться на продленку почаще.

Мне ужасно не хотелось разрешать. Он все еще быстро уставал, а это могло плохо сказаться на сердце. Но завтра пятница, а мне так много надо сделать...

— Ну хорошо, — я потрепала его по волосам, — завтра! А потом посмотрим.

— Урааа!!!

Я смотрела вслед радостно убегавшему в свою комнату сыну и морально готовилась. Пятница обещала быть очень тяжелой.

Глава пятьдесят седьмая

В пятницу прямо с утра я попыталась прорваться в больницу к бывшему мужу, но меня не пустили. Пришлось показать паспорт, в котором все еще красовался штамп о браке. К сожалению, ничего нового мне не сказали, Виталик был на ЭЭГ (электрическое сканирование мозга) и с ним тоже не удалось увидеться.

Часов в десять, уже успев устать от этого всего, я ввалилась в здание, где у нас был офис, запаренная и красная как молодая свеклушка. Станислава я заранее предупредила, что задержусь, а вот вездесущая наше все МарИванна была недовольна. Она отловила меня в холле у лифтов, вся увешанная для разнообразия, не бусиками, а разномастными браслетиками, что занимали ее руки почти до локтя.

— Вот ты наааглая, — старая швабра, опираясь на новую старательно пучила глаза и тянула гласные, — думаешь, если ты Таньку и своего вертихвоста безштанного из компании выперла, то тебе теперь все можно?! Совсем зарвалась, то тебя совсем на работе нету, то на полдня опаздываешь.

Признаться, у меня уже начали сдавать нервы. Этот божий одуванчик, прицепившийся ко мне как репей, причем не в первый раз, изрядно портил мои нервы. Да еще лифт не едет и не едет... Минуте на десятой мне надоело слушать перечисление того, чем же я плоха (всем) и как порчу окружающим жизнь одним своим присутствием.

— Знаете что, Марьиванна, если вас что-то здесь не устраивает, вы всегда можете уволиться. И не общаться со мной. — Тут лифт приехал и я зашла, а когда старая кошелка с возмущением попыталась зайти следом, не пустила ее, — нет, нет, не надо себя пересиливать, не надо со мной ехать в одном лифте! — И нажала кнопку закрытия дверей.

Принесла же старую каргу нелегкая!

Станислав носился с бумагами — работы было столько, что мы в ней буквально тонули, вздохнуть было некогда, не то что поговорить. Хотя в обед мне достался горячий поцелуй. Ну и картошка фри с прочими гамбургерами — ели мы тоже сильно на ходу. Я так замоталась, что едва не забыла об Андрюхе и бросилась звонить свекрови, не дозвонилась, в панике побежала звонить Томе — я не успевала не то что его забрать, но и доехать до школы.

Несколько долгих гудков едва не стоили мне половины седых волос, ей богу.

— Тома, Томочка, выручай! Я причитала, уже едва не плача. Забери пожалуйста Андрея из продленки, у нас тут совершенная запара, как бы завтра не пришлось выходить на работу, я не успела даже поесть, да еще эти проблемы с бывшим мужем!

— Тихо, не тараторь, — Тома была само спокойствие, — конечно заберем, не вопрос. Да и Булька соскучился.

— Спасибо, дорогая, у меня прямо камень с души упал!

— Сочтемся. Мы заберем Андрея, а ты к нам приезжай, заодно и пообедаешь, и поужинаешь. И на завтра оставайтесь, не только Булька соскучился!

— Ой, Тома, мне так неловко...

— Неловко без штанов в снегу ночевать, задницу отморозишь! А тут все отлично будет, отказ не принимаю, генеральская жена я или кто! Жду! — И Тома положила трубку.

Что ж, хотя бы одну проблему я временно решила. Позвонила Андрею в продленку, предупредила, что сегодня его забираю не я и не бабушка. И выдохнула, погрузившись

дальше в работу с головой.

Очнулась только совсем уж поздно, часов в девять, ужаснулась. Станислав все так же заседал в своем кабинете, мне было видно через открытую дверь как он просматривает огромную кипу бумаг, сортируя их на несколько стопок.

— О, Алина, — он услышал мои шаги и даже не поднял от бумаг головы, возьми вот эту стопку и отнеси в бухгалтерию, через час чтоб все вернули мне на визу.

— Стас... — Стопку я взяла и сложила в кресло для посетителей. — Сегодня тебе уже никто ничего не вернет ни на какую визу.

— Что? — Он наконец перестал просматривать бумаги и посмотрел на меня недоуменно и даже слегка рассержено. — Это еще почему?

— Потому что. Во-первых, — я обошла его стол и отобрала у него из рук какие-то договора, — уже девять, даже половина десятого, все давно ушли. А во-вторых, — я взъерошила его волосы и погладила по щеке, на которой уже проступала колючая темная щетина, — сегодня вечер пятницы. Так что и завтра тебе тоже никто ничего на визу не принесет.

— Вот ...! — Из него будто выпустили весь воздух. И стало заметно что за эти пару недель запары он изрядно похудел и вряд ли хорошо спал — щеки запали, под глазами залегли черные тени.

Стас вывернулся из моих объятий и подошел к окну. Внизу сияли огни города. Я подошла и стала рядом.

— Мне уже пора, — сказала, любясь предновогодним N-ском. — Тамара с Борисычем забрали Андрюшу с продленки и звали меня на ужин. А я и так уже изрядно опоздала.

— Хорошо, — Стас повернулся ко мне, растер лицо руками, — я еще останусь, надо доделать кое-что. Увидимся на выходных?

— Пока не знаю. Я теперь и до свекрови не могу дозвониться.

Он поцеловал меня на прощанье и проводил до лифта на нашем этаже.

Уже в такси я поняла, что забыла спросить, навел ли он справки о Виталике и Татьяне. Но ладно.

До Анны Петровны я опять не дозвонилась.

Зато квартира Тома встречала меня всяческими вкусными ароматами, теплом, радостным лаем соскучившегося пса и радостным визгом соскучившегося Андрея.

— Ну наконец-то! — всплеснула руками хозяйка, а мы тебя уже заждались, я думала звонить.

— Да я сразу заработалась, потом пыталась Анне Петровне дозвониться и все зря...

— Ах вот оно что. Давай, переобувайся, мой руки и на кухню.

На кухне меня ждал сюрприз.

Глава пятьдесят восьмая

На кухне у Тамары сидела моя свекровь. Заплаканная и расстроенная.

— Анна Петровна, слава богу, с вами все в порядке! — Я подошла и мы обнялись. — Я вам звонила, а вы не брали трубку.

— Ох, Алинка, у меня сегодня сумку выдернули из рук, пропали документы, ключи от квартиры и телефон. Только бы квартиру не обнесли! — Она всплеснула руками. — Я же с паспортом хожу, а там адрес прописки указан.

— Не обнесут, — на кухню вплыл Борисыч, с пыхтением тащивший в руках кадуку, от которой на всю квартиру пахло квашеной капустой. — Я уже позвонил одному своему знакомому, сразу как ты сказала, он уже заменил замки и вскоре привезет ключи.

— Ох спасибо тебе, что б я без вас всех делала.

— Так, не реветь, а то чай будет соленый, — Тамара выдала мальчишкам поводок и отправила Андрея с Булькой на улицу. — Борисыч, ты может выйди, пригляди за сорванцами, а я девчонок накормлю.

— А как же вы, — спросила я, присаживаясь у стола.

— А мы не стали вас ждать, твой сын был не только очень доволен своей продленкой, но и очень голоден. Что-то у них там на обед давали не очень им уважаемое, потому что за ужином он съел две порции. Отрада бабушки!

На ужин было картофельное пюре, котлетки — сколько я ни старалась, у меня такие никогда не получались, — и великолепный сезонный салат из квашеной капусты.

— Борисыч сам квасит, — хвасталась Тома. — Правда, на двоих многовато в этот год, так что я вам положу с собой завтра.

— Завтра? — Я, признаться, думала, что мы дождемся ключей и поедем, проверить квартиру.

— Ой нет, Тома, мне надо домой! — Мы со свекровью не сговариваясь, были солидарны в планах. — Я хочу проверить квартиру, да и спина мне не слишком позволяет ночевать не в своей кровати.

— Ну как хотите. Но с Андреем сами договаривайтесь, я ему уже обещала ночевку и утреннюю прогулку с псом.

— Тома... — в моей голове сложился план. — А можно я тебе одного Андрюху оставлю?

— А и оставляй. Он у тебя отличный пацан, да и мои мужики соскучились. А сама что делать будешь?

Пришлось посвятить их в подробности плана и даже задействовать в реализации.

Уже ближе к полуночи мы со свекровью на такси добрались до ее квартиры. Замки ей поменяли хорошо, за своего человека отставной генерал ручался головой и у нас не было причин ему не верить.

— Ну что, все в порядке? — Мы обошли всю квартиру, но кажется, замена замков подоспела вовремя и в нее никто не успел влезть.

— Да, все хорошо. Может, останешься ночевать?

— Если вы не боитесь, то я бы лучше к себе пошла, — несмотря на искреннюю мою привязанность к свекрови сегодня мне хотелось одиночества и все обдумать. Реализация плана намечалась на понедельник, а до того мне еще предстояло сделать несколько звонков.

— Нет, ты что, — замахала руками свекровь. — Ты же не знаешь, а ко мне полиция прямо к ним домой приехала, и заявление приняли сразу и обещали, что поспособствуют восстановлению паспорта.

— А найти не поспособствуют? — Фыркнула я.

— Вроде как заменить будет безопаснее.

— Что-то сомневаюсь я...

— Ай, Алина, у меня там фотография такая плохая, что и ладно!

— Ах, ну фотография это аргумент, — я рассмеялась и обняла свекровь. — Пойду я тогда домой. Тем более вам надо еще завтра купить телефон и восстановить сим-карту. И банковские.

— Дел невпроворот, надо хорошенько выспаться.

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

Я постояла, послушала, как поворачивается ключ в замке и пошла домой, наслаждаясь пустыми дворами, сверкающим в свете фонарей снегом и морозным воздухом.

Суббота прошла как-то скомкано. Сын упросил меня оставить его у Томи еще на одну ночевку, а поскольку подруга была только за, я не возражала. Так что я только сходила со свекровью в салон связи, помочь ей выбрать и купить телефон, а остальное время провела в обычных домашних делах.

В воскресенье утром я долго валялась в постели после того, как будильник прозвонил ужасно поздно, в одиннадцать утра. Затем час пила кофе, залипая в мобильный.

— Ну что, — спросила сама себя, — пора? — И сама себе ответила, — да, пора.

И нажала “вызов”.

Глава пятьдесят девятая

Я долго собиралась с силами и как могла оттягивала момент звонка. Но вот время перевалило на послеполудня, близился момент, когда Тома с мужем приедут пить чай и привезут Андрюху, который оставался у них на ночевку. Тянуть было некуда, хоть и очень хотелось.

И я нажала кнопку “вызов”.

Гудок, еще гудок, и еще гудок.

— Алло, — ответил мне приятный женский голос. — Алло, кто это?

— Здравствуйте, Татьяна. Это Алина, бывшая жена вашего любовника. — На том конце провода повисла тревожная тишина. — Алло?

— Зачем вы мне звоните? Хотите позлорадствовать?

— Хочу вам помочь.

— Чем вы можете мне помочь? — Она всхлипнула.

— Для начала давайте встретимся и поговорим. После того как будет понятно, какие перспективы у моего бывшего мужа, — тут каюсь, я не смогла удержаться что б ее не подкусить. — Предположительно, во вторник.

— Да, мне сказали во вторник.

— Созвонимся. — И я положила трубку.

Вторым в пункте звонков значился Станислав.

— Здравствуй дорогой босс, — пропела я, когда он взял трубку. — Как дела? Ты наконец-то поспал, раз уж все подчиненные разбежались и такие негодяи, не хотят работать в выходные?

— Да, а ты самая главная негодяйка, — было слышно, как Станислав зевает, — мало того что бросила босса одного, так еще и будит.

— Окстись, Стас, уже почти час дня!

— У меня выходной, — произнес он капризным тоном. — Между прочим впервые за месяц! — И мы еще некоторое время шутливо препирались, выясняя, кто виноват и что ему за это будет.

— Стас, а ты узнал что-нибудь?

— О чем? — Не сразу сориентировался он.

— О моем бывшем муже, его любовнице и ее папеньке, — я поддала в голос яду.

— Кое-что. Но основная информация будет у меня в понедельник. Так что... Может, пообедаем?

— Мне уже что-то стремно. — Я зябко поежилась.

— Ну хочешь, не пойдем никуда. Но честно говоря я бы не хотел говорить об этом в офисе.

— Может, просто в парк сходим погуляем и расскажешь?

— Алина, — насмешливо сказал Стас, — ты за окно смотрела? Не на великолепие деревьев, а вниз? Там снега по колено за эту неделю Мы застрянем и нас будут выкапывать экскаватором.

— Ладно, — я сдалась, — давай.

— Отлично. А может, еще сегодня встретимся?

— Извини, сегодня вообще никак. Андрей сейчас вернется и у меня уйма домашних дел

накопилось, я так за вчера все и не переделала.

— Тогда до завтра.

— До завтра.

Признаться, мне сегодня просто не хотелось его видеть.

И дальше воскресенье покатило по накатанной. Приезжали Тома с Борисычем, привезли Андрея, пирожные к чаю и некоторые новости. Звонила свекровь, звонили девочки из бухгалтерии, пришлось доделать уйму неотложных домашних дел. К вечеру мне хотелось только упасть и уснуть. Желательно на неделю. А все планы пусть реализует кто-нибудь другой, аааа!!!!

Но во взрослой жизни так не бывает, так что в понедельник пришлось вставать и идти на работу.

Станислава там не было.

Я хотела было встревожиться, но решила что мало ли, снова все проспал и занялась своими делами. Даже без присутствия босса текучки у меня было полно, особенно в преддверии Нового года.

Но когда Станислав не появился и к обеду, и не отвечал на звонки, и в месседжере царило не просто молчание — сообщения никто не читал, я всерьез встревожилась. Его замы тоже были не в курсе, где пропал их босс.

— Что же делать, — спросила я у своего отражения, растрепанного к концу рабочего дня и с совершенно шальными глазами. — Кажется, мне нужен совет старшего товарища!

Глава шестидесятая

— Тома, привет.

— Привет-привет, — рассеянно отозвалась моя подруга и бывшая коллега. — Ты к нам сможешь на днях заскочить? У Борисыча есть кое-что для тебя и твоей свекрови.

— Да, смогу. Но сейчас мне надо бы поговорить с тобой.

— Заедешь?

— Могу, Андрея из школы сегодня забрала бабушка, решили что пока ему все таки рано часто оставаться в продленке.

— Жду. — И телефон отключился.

Я задумчиво побарабанила пальцами по столу. Что же случилось, почему его нет. Может, в кабинете найдется что-то, подсказка о том, где его искать? Но увы, пошуршав бумагами, и бегло просмотрев ящики я ничего крамольного не увидела, а полноценный обыск устраивать было глупо.

— Где же ты, дорогой начальник, куда запропастился, — спросила я у панорамного окна, за которым горел огнями наш прекрасный городок.

Над городом сиял световой ореол, но никаких сведений о моем боссе не наблюдалось, увы.

— Итак, о чем же ты хотела поговорить? Все хорошо? — Мы сидели за чаем втроем, я, Тамара и Борисыч. Четвертым притаился под столом Булька, очень недовольный отсутствием Андрея и потому время от времени печально поскуливавший.

— Станислав сегодня должен был мне что-то разузнать и рассказать. Что именно он не сказал. И вот настало сегодня, на работу он не пришел, на звонки и сообщения он не отвечает. Звонить его родным я посчитала неуместным, как и ехать к нему на квартиру. Ума не приложу, почему он так.

Борисыч с Томой переглянулись и, как мне показалось, посмотрели на меня с сочувствием.

— Ты, наверное, замечала за ним такое и раньше, — начала Тома, — но не смогла сейчас сопоставить. Помнишь, у нас провалилось подписание контракта, потому что юристы не угли некоторые нюансы, а он все бросил и улетел на неделю на море?

— Да... — Я все еще не могла сопоставить.

— А помнишь как нам не дали добро на тот торговый центр в пригороде?

— И он на неделю пропал, все на ушах стояли, а потом появился как ни в чем не бывало...

— Именно. Начинаешь понимать?

— Он прячется от неудач?

— Уползает куда-нибудь, залечивать раненое самолюбие. Ты же его знаешь, у него все всегда получалось с первого раза. Он совершенно не умеет проигрывать, а тут он тебе пообещал информацию и, наверное, не смог добыть.

— Но мог бы просто сказать, что не получилось, что в этом такого? — Я была в полном недоумении.

— Не мог. Он вот уже несколько месяцев выступает перед тобой в роли идеального принца на белом коне, а тут, видимо, что-то не удалось и собственный непогрешимый образ

у него в голове начал разрушаться. Конь там почернел, принц потерял корону. Ты вот говоришь — не получилось. Нет, все совсем не так. — Тома тяжело вздохнула. — Когда мы только начали работать вместе, то сидели в одном кабинете. Никаких приемных. И он часто разговаривал сам с собой, а я, конечно, все слышала. Для него любое “не получилось” это “я не смог”.

— То есть, ты думаешь, он считает, что меня подвел, но вместо того, чтоб честно в этом признаться, выбирает убежать?

— Переждать. Для него это тактическое отступление.

— Да брось, Тома, он просто так и не повзрослел, — Борисыч поморщился, как будто не варенье ложечкой ел, а лимон. — Мы когда-то с его отцом ну, не дружили, но общались. И вот что скажу вам, девочки, Станислав с детства такой. Он всегда стремился стать лучшим и только лучшим, ужасно огорчался, когда не с первого раза что-то получалось. Я говорил его отцу, что надо учить мальчишку справляться с поражениями, но он только смеялся. И вот к чему это привело.

Мы помолчали.

— Спасибо за чай, мне, кажется, уже пора, — я решила, что стоит это все переварить на своей, а точнее, Станиславовой территории. Сложно было принять тот факт, что человек, казавшийся тебе незыблемой скалой на которую можно опереться в любых жизненных передрыгах оказался вовсе не таким надежным.

— Тебя подвезти? — Участливо спросил Борисыч.

— Нет, я пожалуй, на автобусе поеду. То что вы рассказали... В общем, мне надо подумать.

— Ай, я старый дурак, — Борисыч внезапно стукнул себя по лбу, — совсем забыл тебе сказать. Навел я справки про твоего бывшего.

— Ой... — Я буквально замерла в дверях, — я вам правда очень-очень благодарна...

— Так, давай мы завтра к тебе заедем. И Петровну позовешь на чай, там все и расскажем, правда, Борисыч?

— И то верно. — Борисыч поцеловал свою жену в раскрытую ладонь. — Тогда все завтра скажу. — И уже мне, — езжай домой дорогая, и ни о чем не волнуйся. Все образуется, а мы тебе поможем. Да и по поводу твоей пропажи я позвоню, но уже завтра. Узнаем что все с ним хорошо.

Дома было темно и немного зябко. Я еще пару раз набрала номер босса, но теперь не дождалась даже гудков. Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети.

Мне это совсем, совсем не понравилось.

Ладно, сейчас пора бы посвятить время сыну и немножко нашему дому. Все завтра, все завтра.

Мне крепко повезло, что я умела переключаться, потому что иначе вряд ли бы дожила до завтрашнего, то есть уже сегодняшнего обеда. Станислава снова не было, Борисыч не звонил, зато с любовницей моего бывшего мужа мы договорились о встрече в одном близлежащем кафе. Оно было слегка в стороне и там не подавали бизнес-ланчи, так что риск встретить коллег по работе был минимален. Я оставила на столе записку, что сегодня уже не вернусь, оделась и ушла. Ну а что, не только же боссу прогуливать работу. Тем более свою я всю сделала, оставалась только та, что была напрямую связана со Станиславом и без него

сделать было ничего нельзя.

Татьяна ждала меня в кафе за столиком у окна. Очень удачное расположение, надо сказать. Весь зал как на ладони, зато нас не очень хорошо видно из-за раскидистой пальмы, а столиков рядом мало и все пусты — никто и не подслушает.

Любовница моего бывшего мужа выглядела как человек, который очень давно нормально не спал. Под глазами залегли темные круги, плохо замаскированные косметикой, и вся она, и раньше не отличавшаяся полнотой, как будто еще больше осунулась и похудела.

— Привет, — она вяло помахала мне рукой. — Так чем ты можешь мне помочь?

Глава шестьдесят первая

— Чем ты можешь мне помочь? — Спросила меня любовница бывшего мужа. Наверное, сейчас уже будет уместнее звать ее герл-френд? Девушка-бывшего-мужа? Так, подумаю об этом завтра. Сейчас на повестке дня вопросы поважнее.

— Для начала давай определимся, что мы знаем. Ты уже знаешь результаты исследований Виталия?

— Не все. — Она аккуратно потерла глаза и болезненно поморщилась. — По катэ сказали ничего не видно, с энцефалограммой что-то не то, а результаты МРТ будут только через пару дней.

— Печально. А как он себя ведет? Меня к нему не пустили на прошлой неделе, а на этой я еще не ездила.

— Да все то же. И приступы есть, несмотря на то, что он на сильнодействующих препаратах и почти все время спит. Почему ты вдруг вообще решила помочь?

Тут нас прервал официант. Пришлось смотреть в меню, что-то заказывать. Я выбрала в итоге какой-то салат с креветками, французскую булочку с чесноком и кофе. А Татьяна какой-то протертый суп-пюре и воду.

— Так почему? — Она спросила еще раз, ее пальцы комкали льняную салфетку, а смотреть на меня она избегала.

— Потому что он отец моего сына. — Я пожалала плечами. — Может он и не был лучшим мужем, но он достаточно хороший отец. Лучше, чем мертвый или в психушке уж точно.

— Точно, — она облегченно вздохнула, сложила салфетку на колени и разгладила ее.

— Скажи, а твой отец знает, что вы не расстались?

— Знает. Он очень... Не в восторге, — она поморщилась, — сначала когда Вит начал работать на его компанию он смягчился. Потому что, будем откровенны, Вит очень хороший проектировщик, меня сразу в нем привлекло то, что он предан делу, может долго и интересно рассказывать о своей работе и он очень вдохновлял команду. Сразу, знаешь, хотелось жить и трудиться, — она мило улыбнулась, что-то вспоминая.

— То-то вы хорошо трудились, когда я вас застукала, — что я несу, господи, зачем? Он ведь даже больше не мой!

— Да я даже не собиралась заходить так далеко! Но когда я узнала, что он женат было уже поздно, я влюбилась по уши. — У Татьяны горели уши и щеки, но она вываливала на меня эти свои откровения так отчаянно, что мне стало ее жалко. В общем, когда нас уволили мой отец взял нас обоих на работу, но в разные отделы и разные здания. Мы сначала даже не встречались какое-то время, а потом...

— А адвокат?

— Папин. Он к тому времени не знаю, смирился, наверное. Правда адвокату запретил тебя обирать, сказал чтобы половину имущества тебе отдали, мол, он Виту хорошую зарплату платит, он не обеднеет.

Так вот кому я обязана своим выигрышем. Ну, кроме своего адвоката. А это уже интересно.

— Ты не думай, — продолжала Татьяна. Было видно, что ей очень надо выговориться, а некому. — Я не пустоголовая дурочка. Я институт закончила с красным дипломом и вовсе не потому, что мой отец богат. У меня такие планы были, такие планы и вот! — Она

расплакалась.

Я сидела, смотрела и думала, что наверное, надо ее ненавидеть. Но не получается. Я смотрю, хочу видеть в ней ужасную беспринципную засранку, а вижу только растерянную и запутавшуюся влюбленную девушку. Причем она все еще мне совсем не симпатична, но ненависти во мне нет.

— Утри слезы, — строго сказала я, — нечего тут и перейдем к делу. В общем, у меня есть предложение. Я очень заинтересована в добром здравии бывшего мужа, особенно с учетом того, что у нашего сына большое сердце и такой стресс ему мягко говоря будет не на пользу. Так что я подняла свои связи и Виталика будут ждать к концу этой недели в столице, в военном госпитале.

— Ох... Но ему еще даже не расшифровали МРТ!

— Меня заверили, что с бумагами они разберутся на месте, анализы и результаты обследований тоже могут запросить сами... Но есть некоторые вопросы, которые нельзя решить за бюджетные деньги, а одна я просто не потяну. У меня конечно есть некоторые сбережения, но их даже целиком не хватит оплатить транспортировку медицинским бортом. Необходимы еще какие-то сопутствующие расходы, но их я готова полностью взять на себя, если ты поможешь с оплатой транспорта.

Она задумалась. Конечно, военный госпиталь это не институт нейрохирургии, но при необходимости из него и туда могут направить, а из нашей городской больницы, увы. Они все еще даже близко не могли понять что же такое происходит с моим бывшим мужем.

Нам принесли еду. Татьяне поставили ее супчик. Что-то нежно-зеленое, с сухариками. А мне — большую тарелку салата, на котором сверху лежали упоительно пахнущие жареные креветки. Я только воткнула вилку в одну из этих великолепных хвостатых морских тварей, как заметила, что моя соседка по столу вдруг сильно позеленела.

Потом она вдруг прижала руку ко рту и бросилась бежать в сторону дамской комнаты.

Глава шестьдесят вторая

Когда Татьяна при виде (и запахе) моего салата сначала позеленела, а потом бросилась в сторону дамской комнаты, признаюсь, я не сразу сообразила, в чем дело, осталась сидеть в недоумении.

Но когда до меня дошло...

Быстро сказать официанту, чтоб упаковал мой салат с собой. Настоять что нас надо пересадить куда-то где не слышно запахов кухни. Потребовать рулон бумажных полотенец и еще воды.

С полотенцами и водой я отправилась в дамскую комнату, следуя интуиции. Шучу. Шла на звук. Немедленно вспомнилось, как я была беременна Андрюхой и такие вот эпизоды случались со мной удручающе часто. Даже получала нагоняй за недобор веса. Учитывая бледно-зеленый вид Татьяны — с ней та же история.

— И давно? — спросила я, протягивая ей рулон с полотенцами и воду. Глотнуть, прополоскать рот, вытереть язык полотенцем, избавляясь от мерзкого привкуса. Как же знакомо...

— Неделя. — Она встала с колен, пошатываясь. На ее счастье это было очень приличное заведение и пол в туалете был чист. — В смысле, я знаю неделю. А так — двенадцать.

— И ты ничего-ничего прям не заподозрила? — Да, признаюсь, я сильно удивилась.

— Нет, — она попыталась улыбнуться, но улыбка получалась какой-то кривоватой, как будто Татьяна сильно пыталась не заплакать. — У меня цикл скачет. Иногда по несколько месяцев все тихо, а потом каждые две недели — “красная армия”. Я думала, все как обычно. Только когда начало происходить вот это, — она неопределенно помахала руками, — я пошла к врачу.

— Ого! — Я помогла ей привести себя в порядок и мы вышли под руку в зал кафе.

— Мне ставили бесплодие, с шестнадцати лет. Я выросла с мыслью, что возможно, никогда не буду иметь детей. Но вот... — Она продолжала идти, держась за меня одной рукой, а вторую положила себе на совершенно плоский, не сказать запавший, живот тем самым жестом, что и миллионы женщин до нее.

Я даже немножко позавидовала.

— Что ж, поздравляю. Я не держу на тебя зла, хочу чтобы ты об этом знала.

— Спасибо, — тихо прошелестела она и уткнулась в свой суп. Все еще горячий, хотя и пришлось пригрозить официанту, что если он не придумает как это устроить я что-нибудь сделаю... нехорошее.

Не люблю скандалить, но иногда надо.

Своих денег, в смысле ТАКИХ денег, у Татьяны не было, так что вечером ей надо было выдержать нелегкий разговор с отцом, которому еще только предстояло узнать, что он станет дедушкой. И что отец его внука — Виталик, или Вит, как его звала Татьяна. Тот самый Вит, который ему очень сильно не нравился и которого срочно надо было спасти. Хотя бы попытаться.

Я воспользовалась оставшимся свободным временем для подготовки к вечернему чаю. Это только так говорят “на чай позовешь”, а по факту надо гостей все таки накормить, хотя бы салатами и бутербродами. С салатами меня всегда выручала одна маленькая кулинария, где такие штуки делали свежайшими и если ты не успел до обеда, или не сделал

предварительный заказ, как я сегодня, то к вечеру мог остаться с носом. А вот бутерброды от и до следовало сделать самой.

На чай собрались все, в том числе пёс Булька, чем Андрей был настолько рад, что едва проглотив парочку бутербродов, тут же унесся показывать демоноподобному другу свою комнату. Это же что, получается, нам предстоит завести собаку? Мамочки...

Зато взрослые, оставшись почти одни, могли, наконец, начать серьезный разговор.

Глава шестьдесят третья

— В общем, что я узнал. — Начал Борисыч, — мой старый товарищ запросил результаты анализов и исследований еще до выходных. Отказался подробно говорить, так что подозреваю, все достаточно плохо. Я записал что еще надо.

На листке, что протянул мне Борисыч значилось: МРТ, КТ с контрастом и еще какое-то количество слов, что ничего мне не говорили. Но выглядело все очень серьезно.

— В общем, — продолжил он, — он говорит, что лучший выход — доставить вашего Виталика в военный госпиталь и там уже доразбираться. Я Алине об этом говорил еще раньше.

Свекровь охала, хваталась за сердце, пила свои капельки, что я накапала заранее. Но в целом, она держалась молодцом.

— Я сказала его... Новой девушке про перспективы и необходимость перевозить. Желательно, по воздуху. Сами знаете, дороги у нас далеко не немецкие автобаны, а трясотины его при таких симптомах чревато.

— Да кто ж это отдаст такие деньжищи, ой ой, — кажется, Анна Петровна все таки перенервничала. — Наверное, придется все таки квартиру продавать. Потому что ну кому он еще кроме меня нужен!

— Вообще, ей он нужен. — Я не собиралась говорить, но ситуация требовала. — Татьяна беременна. От Виталика.

Новость произвела эффект разорвавшейся бомбы. Все застыли с раскрытыми ртами и выпученными глазами. Никто из находящихся здесь, в том числе я, не ожидал такого. Но жизнь бывает иногда преподносит сюрпризы хлеще иного романа.

Первым опомнился Борисыч и тут же бросился спасать ситуацию.

— О, Петровна, так поздравляю, скоро снова станешь бабушкой! Тем более я ж знаю Танькиного папашу. Он от такой новости конечно обалдеет, но денег точно даст. Так что завтра же звоню в госпиталь, пусть готовятся принимать пациента.

— Новый год через десять дней. — Вдруг сказала Тамара.

— Больше! — возразил ей муж.

— Ну через двенадцать, не суть. Кто там что особо будет делать, там же выходных огромное количество.

— А вот тут, — Борисыч назидательно поднял палец и погрозил им кому-то вверх, — я вам могу точно сказать, что это — не повлияет! А все почему. А все потому что Александр не пьет уже сорок лет! И конечно не собирается начинать. Так что у нас точно будет трезвый нейрохирург без похмелья и трезвая бригада — других он к себе не набирает.

Что ж, это конечно успокаивало. Но разошлись все все равно в подавленном настроении.

Неделя пролетела как кадры в немом кино. Звонила Татьяна, ее отец согласился финансировать наш маленький авантюрный план “перевези Виталика в столицу”, затем потребовалась куча документов и времени для того, чтобы это организовать и уже в четверг с утра мой бывший муж улетел к лучшему в стране нейрохирургу. Новостей, мне сказали, раньше середины следующей недели ждать не стоит, так что следует запастись терпением.

Ну и поддержкой Борисыча, который обещал время от времени все таки справляться у своего друга по поводу его нового пациента.

А нам оставалось только ждать.

Станислав так и не объявился. Мне удалось разузнать только что он жив-здоров, ни в какую аварию не попал, головой не ударился, теряя память и в целом чувствует себя очень неплохо, проводя время где-то в гостях.

Я была, честно говоря, в недоумении.

— Тома, — мы созванивались с подружкой каждый день сейчас, — может я что-то не так сделала? Может, я его чем-то задела?

— Пф... — Тома только снисходительно фыркала. — Поверь, дорогая, дело точно не в тебе. Вообще, забудь о том что ты виновата в чьих-то поступках. Каждый выбирает сам.

— Но может, я его чем-то спровоцировала?

— Ага, юбку не той длины носила и на охранника Петю не под тем углом смотрела.

— Охранника у нас зовут Камиль, — рассеянно поправила я Тому и вдруг, поняв наконец, о чем она, расхохоталась. — Слушай, и правда. Я загоняюсь по пустякам, да?

— Да, девочка моя, именно так.

— Но я живу в его квартире. Так что у меня есть основания для тревоги.

— Не беги впереди паровоза. Давай сначала разберемся с насущными проблемами, без добавления воображаемых.

— И то верно!

Кульминацией этой недели был корпоратив. Я решительно выбросила из головы все тревоги, и по поводу Станислава, и по поводу бывшего мужа и отвела вечером пятницы Андрея к бабушке — пусть отвлекает ее от нехороших мыслей!

А сама начала собираться.

Глава шестьдесят четвертая

Если вы думаете, что я тут же помчалась одеваться, то вовсе нет, тем более, что корпоратив был в субботу. Побаловать себя, вот что было для меня важно. Я столько перевернула за эту неделю, да и вообще за прошедшие месяцы, что точно заслужила что-то только для себя.

Я заказала суши, затем заперлась на все замки, даже на те, от которых у меня не было ключей, да и у Станислава тоже. Он просил не делать так, потому что если замок заклинит изнутри это может быть опасно.

Но сегодня, признаюсь, мне было совершенно наплевать на Станислава! Долой мужиков, я буду праздновать свою свободу! И надо сказать, празднование удалось. Просекко, суши, пенная ванна, ноутбук с фильмом на подставке, свечи... Почему я так раньше не делала?

Нет, ну понятно почему, но все же зря я так, зря!

Утром у меня даже голова не болела.

Я проверила телефон, ноутбук, но ни от кого не было новостей, только в бухгалтерском чате, куда я была милостиво допущена, всюю шло обсуждение сегодняшнего вечера. Девочки делились фотографиями нарядов и идеями для макияжа, а еще, конечно, обсуждали мужиков, но в эти разговоры я решила не вступать. Неизбежно всплывет вопрос где же наш дорогой босс, а я была не готова на него отвечать.

А вот платья... Я подошла к стойке для одежды, осмотрела ее скептически и поняла, что в этом всем блистать категорически невозможно. Я собрала прекрасный гардероб, почти полностью избавившись от вещей из “прошлой” жизни, но вот платья, платья в нем не было.

Того самого, что обещал, но не подарил мне Станислав. Сначала как-то не сложилось, а потом и дарить стало некому.

Я приделась так, чтобы в примерочной мне было легко раздеваться: трикотажная юбка с разрезом, открывающим правую коленку слегка закрывала голенище высоких сапог на плоском ходу, а голубой свитер, пушистый как облачко, со скромным вырезом-лодочкой отлично ее дополнял. И главное этот аутфит снимался буквально одной рукой, так что долго страдать в примерочной я не буду.

Платье нашлось почти сразу. Не знаю, почему его запихнули в какой-то очень дальний уголок, но оно будто бы смотрело на меня, поблескивая серебристыми боками нижнего платья сквозь черное нежное кружево верхнего.

— О! Вам так идет, — продавец, как раз зашедшая в примерочную в момент, когда я вышла посмотреть на себя в большое зеркало в торце, стояла и смотрела на меня очень широко раскрытыми глазами, в которых плескалось восхищение. — Вы похожи на королеву!

— Пиковую даму, ага, фыркнула я.

— Нет, ну что вы, — девушка улыбнулась, подошла и слегка расправила мне верхнюю накидку. Пиковая дама вся в черном, и брюнетка, как правило. Авы блондинка и в нем вы как раз трэфовая.

— Пусть будет трэфовая. — Нижнее платье-футляр из странной металлизированной ткани отливало то золотом, то серебром, то немножко старой темной бронзой, оно обнимало меня всю: очень облегающее, длинной по колено, без рукава, но с треугольным вырезом, даже, пожалуй, слишком провокационным. И само по себе смотрелось бы

вульгарно и чересчур, пожалуй, даже для ночного клуба. Но сверху на него надевалось длинное, в пол, платье из черной сетки в мушку, отделанное широким кружевом. С длинными широкими рукавами, перехваченными на запястьях бархатной лентой, с высоким воротом оно прятало блеск и открытость нижнего и я становилась похожей на рыцаря в доспехах.

Трефовую даму.

Отросшие уже было волосы уложили крупными локонами, собрали в низкий асимметричный хвост и локоны теперь ложились крупными волнами мне на плечо и немного на спину.

Черные остроносые лодочки с глубоким вырезом, на невысоком каблучке дополнили этот наряд.

Что ж, поехали, поразим всех в самое сердечко.

От автора: платье должно выглядеть примерно так.

Глава шестьдесят пятая (Часть 1)

Без ложной скромности могу сказать, я произвела фурор.

Я опоздала, не сильно, но достаточно, чтоб зайти в зал уже когда почти все были в сборе. О, эта тишина, которая внезапно повисает, когда тебя замечают. Я видела такое в кино, но и помыслить не могла, что это произойдет в реальности — со мной.

Мне понравилось!

А обалдевшее лицо Станислава на сцене, который как раз говорил речь и замолчал на полуслове — еще больше.

— Вот же засранец, — Тома, которую тоже пригласили, выдернула меня из толпы, как редиску из грядки и потащила к фуршетным столам. — Он тебе, я так понимаю, и не написал.

— Нет, и не написал, и не позвонил, — обсуждаемый нами Станислав тем временем кое-как продолжил вещать со сцены что-то довольно пафосное. — Но я уже и не ждала. Мне кажется, Тома, все закончилось.

— Пф, — моя подруга пренебрежительно фыркнула, — все кончилось только если ты этого хочешь, а вот с его стороны точно нет. Ты же видела КАК он на тебя смотрел?

— Вот честно, не хочу пока, — я улыбнулась, — пока что эта неделя молчания практически первый его косяк, причем мы еще даже не говорили и почему именно он так поступил я не знаю.

— Я тебе уже говорила почему.

— Да, но я хочу и его версию услышать. Потому что мне уже хватило отношений с человеком, который почти никогда не желал договариваться и признавать свои ошибки. Больше я такого не позволю.

— Ну и правильно, держи. — Мне вручили бокал с игристым вином. — За тебя, сильную, красивую и умную, за то, что ты все это выдержала. И пусть все невзгоды останутся в этом году!

— За нас! Без тебя и Борисыча я бы это все точно не вывезла.

Мы соприкоснулись бокалами и выпили вино до дна. Тут же взяли по второму. Нет, напиток не хотелось, но к нам уже подошли девочки из бухгалтерии и все заверте...

Какое-то время мы только ели и пили, пили и ели, я уже стала опасаться, что нижнее платье на мне попросту треснет, но обошлось.

Я даже не стала прятаться за спинами коллег, когда ведущий раз за разом выбирал меня для участия во всяких дурацких конкурсах и здорово развлеклась. Моей добычей стали: брелок для авто, настенные часы, большой плюшевый заяц ядерного розового цвета и календарь с голыми мужиками, который я сразу же передарила нашей главной бухгалтерше. Она была в полном восторге, едва с девочками отговорили от идеи повесить это великолепие в офисе. Дескать, босс не потерпит конкуренции. Против этого аргумента ей было нечего возразить, так что пришлось обещать нам всем пользоваться календарем в своей квартире.

Зайца и остальные призы я упростила Борисыча положить в его машину.

— Ну вот, а ты ворчала “таксии, такси!”, бухтел на жену отставной генерал. И что бы Алинка сейчас делала с этим всем барахлом, приедь мы на такси.

— Ой, иди уже, — Тома делала вид, что раздосадована, но мы все понимали, что это только вид.

Не успел Борисыч скрыться в дверях, а ведущий объявить время танцев, как в поле моего зрения объявился Станислав.

Глава шестьдесят пятая (Часть 2)

Как только я увидела Станислава, как мое сердце подскочило к горлу и застучало как бешеное. Тома тут же взяла меня под руку.

— Привет, — он подошел, сияя улыбкой, как ни в чем не бывало и мое сердце зашлось бешеным стуком еще раз, от ярости.

— Привет?! Ты пропадаешь на неделю, ничего не сказав, не предупредив, а потом приходишь и — просто “привет?!”

— Но, Алина, — он вдруг очень сильно растерялся и смотрел на меня с недоумением, — я же...

— И слышать ничего не хочу! — почти выкрикнула я, выдернула руку у Тома, стряхнула с плеча руку Станислава, который попытался меня задержать, и, стуча каблучками, убежала.

В этом году мы проводили празднование нового года в своем же здании, на первом этаже, где у нас были конференц-залы, связанные между собой стеклянными перегородками, которые можно было при желании сдвинуть или наоборот, поставить, превращая огромный конференц-зал в маленький, или же несколько маленьких в одно большое пространство, разделенное только колоннами, что сегодня были украшены мишурой и огнями. Так что наш первый этаж сейчас больше всего напоминал волшебный зимний лес, освещенный огнями. В его чаще я и затерялась, выскользнула на одну из лестниц и поднялась на один из этажей.

— Мне надо подумать, мне надо остыть, чего я вообще истерику-то затеяла, — я пыхтела, поднимаясь по ступенькам, стараясь не наступить на кружево верхнего платья и при том не навернуться, попав ногой мимо ступеньки.

Сначала я хотела подняться на наш этаж, в приемную. Но пока тащилась по лестнице, подумала, что это первое место, где будет меня искать Станислав, а я пока не готова с ним разговаривать.

Вот врезать маленьким серебристым ридикюлем, что болтался у меня на запястье — это я могу. Но я же взрослая уравновешенная женщина. Поэтому не буду.

Так, спасая своего босса от своего же ридикюля я свернула на этаж ниже, где у нас сидела бухгалтерия и технари. Моей целью была дамская комната, ну, знаете, носик поудрить, холодной водичкой в лицо побрызгать, вотэтовотвсе. Но до нее я не дошла.

Кабинеты на этом этаже были разделены так же, как и на первом этаже — стеклянными матовыми перегородками. И в одном из них горел свет, в маленькой переговорной, которая и не запиралась толком. Мне стало любопытно и я решила, что почему бы и нет, подойду, посмотрю кто там. Я сняла туфельки, намереваясь застучать парочку, что уединилась и теперь яростно о чем-то спорила, с поличным.

Но когда я подкралась достаточно близко, чтобы слышать их разговор, то изумленно застыла.

— Нет, нет и не проси меня больше! Я не стану врать Славику еще раз, хватит! — Мужской голос принадлежал моему адвокату по разводу.

— Но он мне нужен! Как ты не понимаешь, он же мой жених!

— Бывший, бывший жених. И позволь напомнить, это ты его бросила, почти перед самой свадьбой. А теперь, когда твоя “любовь всей жизни” сменял тебя на какую-то дуру, ты вдруг решила, что можно махнуть хвостом и все повернуть вспять?

— Позволь мне напомнить, что вообще-то я твоя сестра и ты должен мне помогать! —

женский голос, почти срывающийся на визг, был мне знаком, но я никак не могла понять, где я его уже слышала.

— Именно поэтому я “забыл”, — мужская тень, хорошо видная мне сквозь стекло сделала на слове “забыл” жест руками, обычно обозначающий кавычки, — сказать нынешней пассии Станислава о том, куда он запропастился, передать ей документы и контакты. И вообще слелал вид, что я знать не знаю где Славик и что с ним такое.

Ах вот оно что... Зря я, получается, злилась на Станислава...

— Но это не помогло!

— Я дал тебе неделю. Неделю с ним почти наедине в нашем загородном доме, все как ты и просила. Чего ты еще от меня хочешь?

— Но это не помогло! Он отверг меня, снова, заносчивый мерзавец! И ради кого, боже, ради какой-то нищей разведенки с прицепом! — Невидимая собеседница моего адвоката все таки сорвалась на визг и стала чем-то швыряться в него. Наверное, картонными папками, что хранились в переговорной. Ничего важного и тяжелого там не лежало, так что максимум, что грозит этому крючкотвору — уязвленное эго. Ну и ссадина, если уголком прилетит.

А вот если они сейчас меня застукают...

Я огляделась и быстренько отбежала на пару метров, к двери кабинета нашего сисадмина, что обычно обитал в серверной, отчего код двери знала добрая половина сотрудников. Дверь за собой я не стала запирать, притаилась, затая дыхание и продолжила подглядывать.

Драка папками явно близилась к концу, гневные женские вопли разносились по всему этажу. Я даже слегка посочувствовала адвокату, сложно, наверное, с такой сестрицей.

И вот она выскочила и побежала к лифтам. Я едва не вывалилась из двери от удивления: это была бывшая невеста Станислава, та дама с внушительным декольте, что помешала как-то нашему свиданию!

Глава шестьдесят шестая

Как только я осознала, что адвокат и декольтированная коза родственники — весь паззл внутри моей головы сложился. Так. Мне срочно надо поговорить со Станиславом.

Я все еще была очень зла на него. Пропасть на неделю непонятно где, без объяснений... Ну ладно, про объяснения я уже знаю, что мерзавец адвокат их замылил, но телефон то мог взять!

Не помню как я спустилась вниз, кажется, снова шла по лестнице, стараясь не повернуться. Перед глазами плавал клочьями кровавый туман ярости и хотелось все разнести. Так что когда я в зале увидела Стаса, то двинулась напрямик к нему.

Так, мне показалось или он только что попытался спрятаться за стоявшую рядом с ним Тому?

— Станислав! Ты должен мне объяснения. — Я сдержалась, не стала хватать со стола посуду и швырять о пол, но зато яростно топнула ногой.

— Должен, да. Борисыч, присмотри, чтоб наш должник не сбежал, а девочкам надо поболтать. — Тамара ухватила меня под руку и потащила в сторону, в фойе, в будку охраны. Когда же ребята, что сидели там, попытались ей что-то возразить — только сверкнула глазами и их буквально вымело.

— Зачем ты меня утащила?

— Затем что тебе надо остыть. Ты себя в зеркале видела? Фурия, Жанна Д'Арк, меч в руки и вести войска в бой.

— Этот гад на неделю пропал и не писал! — Я как будто забыла о подслушанном разговоре, во мне говорила обида и злость.

— Да вообще, он гад и мерзавец, иди я тебя обниму, — Тома раскрыла мне свои объятия.

— Я еще подслушала разговор один, — повинилась я. — И кажется, Стас не такой гад и мерзавец, каким мне хочется его сейчас видеть.

— Таак, отлично. А теперь отодвинь эмоции и давай, только факты. Какие плюсы?

— Он мне очень помог во всей этой истории, столько для меня сделал...

И я вспомнила все, от момента, как он защищал меня в лесу от разъяренного Виталика, и решал мои проблемы с квартирой, до того как мы, весело смеясь, покупали кучу всякой всячины и постельное белье, на котором мне так сладко спалось потом. А эта недельная пропажа была пока что единственным неприятным событием в наших почти идеальных отношениях. Мы даже не ссорились ни разу, так совпадали во всем.

А главное, мне с ним было так хорошо, так спокойно, как ни с кем раньше. Хотелось слушать как он дышит, когда спит, смотреть, как он ест, гладить его по спине, ощущать на себе его руки...

— Так может, стоит дать ему шанс хотя бы объясниться? — спросила Тома, выслушав мой сбивчивый монолог.

— А ты считаешь, стоит?

— Если ты хочешь, то определенно стоит.

— Ладно, пошли. — Я быстренько глянула на себя в зеркальце, убедилась, что макияжу не было нанесено непоправимого урона и мы пошли в зал.

Я шла и смотрела на Станислава, широкоплечего, такого красивого и понимала, что да,

я хочу дать ему шанс, еще один. Иначе не выдержит моё бедное сердце.

— Алина... — Начал он.

— Нам надо поговорить, — произнесли мы уже хором.

— Ну вот и идите, идите-идите, — прогудел Борисыч, — поговорите. А я хочу уже наконец-то потанцевать свою жену! И пока не помириться, не возвращайтесь!

Это было так мило и смешно, что я закусила щеку изнутри, чтоб не улыбаться. Вздрогнула, когда Станислав взял меня за руку, нежно и робко, будто опасаясь, что я сейчас выдерну свою ладонь из его и заеду ему по лицу.

Не то чтобы мне совсем этого не хотелось.

Когда мы вышли из своего укромного уголка на освещенное пространство я попыталась незаметно вытащить свою ладонь из ладони Стаса. Мы все таки договаривались не афишировать свои отношения, но он меня не отпустил. Так что всю дорогу через “волшебный лес” вслед нам летели шепотки, удивленные, возмущенные, радостные.

А когда лифт дзынькнул, оповещая о прибытии мы не сговариваясь, попытались в него шагнуть тут же, не глядя вперед, за что и поплатились.

— Эх вам любовь то глаза застит! — Чудо в кудерьках, незабвенная старая швабра Мариванна выкатилась из лифта, вынося и нас, — уже не смотрите даже, куда вас несет!

Мы только смотрели ей вслед, ловя свои отваливающиеся челюсти: гремя своими многочисленными браслетами, Мариванна тащила за собой седого представительного мужика, того самого адвоката, что защищал Виталика в суде по разводу.

Вот это да!

— Прости меня, — начал Станислав еще в лифте. Сказал и запнулся, не зная, что говорить дальше. А я не стала ему помогать, предпочтя промолчать. Сам накосячил — сам решай!

Глава шестьдесят седьмая

— Прости меня, — начал Станислав, как только мы зашли в лифт. — Я облажался.

— И сильно...

— Согласен.

— Но у меня тоже будет что тебе рассказать. — Решаю подать ему руку помощи.

Мы молчим дальше до самой приемной. Заходим, закрываем дверь и Станислав проворачивает замок. Теперь снаружи к нам может зайти только тот, у кого есть ключ. Но этого мало и Стас берет один из стульев и подпирает им дверь, загоня спинку стула под ручку.

Я бы соврала, если бы сказала, что в этот момент мне не стало страшно.

— Можно вопрос? — Стас подходит к кулеру, наливает себе воды в стакан и выпивает залпом.

— Можно. Но не обещаю ответа. — Я прячусь за свой стол. Не залезаю под него, боже упаси, но сажусь на свое место, там я чувствую себя в безопасности.

— Как именно для тебя выглядело мое отсутствие? — Он так и стоит около кулера, опершись на стойку одной рукой, а в другой вертя пустой стакан.

— Ты пообещал мне информацию, свидание и платье. И пропал. Я тебе звонила, писала, но все безрезультатно, ты просто исчез.

— Вот значит как... — Хорошо что у нас стаканы из толстого стекла — он так сжал несчастную посудину, что костяшки пальцев побелели. — Что ж... Дело было так. Я правда сильно устал за последние пару недель и после того нашего разговора понял, что мне надо отдохнуть. Решил уже тебе не звонить, не мешать отдыхать и как вижу, — совершенно зря.

— Мог бы в мессенджер написать, — я фыркаю, его оправдания выглядят пока что очень по-детски.

— А я был уверен, что написал...

— Но потом то я тебе писала!

— А потом я был уже на даче у Александра, ну, адвоката что занимался твоим бракоразводным процессом. И Санька утопил мой телефон в тот же вечер.

— А еще его сестра — твоя бывшая невеста, но ты не стал мне этого рассказывать.

— Это потому что дурак, — он выглядел подавленным. — Я полагал мы все давно с Саней решили, тем более что это не я его сестру бросил, это она накануне свадьбы написала мне в смс, что любит другого, что ничего между нами не будет больше.

— То-то она так настойчиво совала тебе под нос свой выдающийся бюст.

— Бюст? — Кажется, мой дорогой босс даже не понял о чем я. Не сразу. — А, ее внушительное декольте? Она его сделала уже после расставания со мной. И лицо тоже перекроила, я даже не с первого взгляда ее тогда узнал.

Мы снова помолчали. Стас явно не знал о чем говорить дальше, а мне не хотелось ему помогать. Мне вообще хотелось выйти отсюда и больше никогда его не видеть.

— В общем я в понедельник собрал все бумаги, в том числе документы из больницы, — он покосился на меня, — но они уже не актуальны, я так полагаю и попросил Саню их тебе отправить. Там были и рабочие документы, и письмо. Насколько я уже успел узнать, рабочие документы он тоже не отправил никуда.

— Бедный ты бедный, — мой голос сочился ядом.

— Ну, типа того. С Саней мы дружим с первого класса, я мог ждать такой подлянки от кого угодно, но не от него, понимаешь?

Тут я и правда могла его понять. Мы считаем людей, с которыми прошли наше детство и юность лучше остальных. Как минимум — по отношению к нам самим. Как будто между нами всегда остается немного детства и этой неповторимой атмосферы доверия, которой в зрелом возрасте почти нельзя достичь между людьми.

— А во вторник прикатила моя бывшая “невеста”, но поскольку я проспал весь день, вышел только вечером взять еды к себе в комнату, то мы пересеклись только в среду. Я тогда как раз осознал, что мое радиомолчание затянулось и попросил Саню купить мне телефон. Мой булькнул в кипяток, там спасать было нечего.

— Только не говори, что ты забыл мой номер.

— Да не забыл, — он болезненно поморщился. — Но дальше стало совсем странно, Саня сказал что купит мне телефон завтра, то бишь в четверг, что тебе он все передал и дальше пошли насмешки, мол зря я беспокоюсь, никто тебя не уведет.

— Никому не нужна разведенка с прицепом? — Поддала я сарказма.

— Так он не сказал, — Стас грустно усмехнулся, — за такое я бы сам ему дал по морде. В четверг он “забыл” купить телефон, в пятницу я попытался уехать с самого утра — машина не заводилась.

— Зато бывшая заводилась. — Уупс, кажется, я все таки перегнула палку.

— Вообще, — о, этот мягкий знакомый тон, который означает, что босс в ярости, — я хотел опустить этот момент, но тебе очень хочется о нем поговорить?

— Ничего себе “момент”, — меня тоже уже понесло. Я бы и хотела остановиться, но просто не могла. — С бюстом внушительного размера!

— Но мне больше нравится твоя! — Вот так, Алинка, шах и мат, и не притворяйся, что ты сейчас не сбавляешь внутренние обороты, польщенная таким очевидным признанием твоего превосходства перед подавляющими “силами” противницы.

— Да и признаюсь, — продолжил он уже спокойнее, — я даже не сразу понял чего это она вдруг зазывает меня в баню, ходит по дому в одной пижаме. Я же вырос с ними, что я там не видел, особенно после того как мы почти поженились. Но потом даже до меня начало доходить. Веришь? Не будь я таким уставшим, догадался бы сразу.

— Так как ты оттуда вырвался и почему так и не дал о себе знать?

— Вечером в пятницу Саня не приехал. А дача у них в полуглухой деревне, там соседей три калеки и обычно все пьяные до положения риз. Домашний телефон не работает, у бывшей я просить, как ты понимаешь, не рискнул. Пошел к соседям, оттуда дозвонился до замов и выяснил, что никаких бумаг им не передали. Позвонил Сане, тот начал мямлить что-то невразумительное, а после вовсе бросил трубку. Я позвонил тебе, но ты не брала трубку. Честное слово, Алин, я чувствовал себя как похищенный инопланетянами!

У меня и правда болтался в пропущенных вечером пятницы какой-то незнакомый номер. Но я решила, что это курьер звонил и не придавала этому значения. А оно вон как...

— В общем сегодня утром меня на каком-то раздолбанном тарантасе довели до дома, где я уже занялся восстановлением сим-карты, покупкой телефона, так замотался, что если бы не зам, вообще не явился бы на корпоратив.

— А мне почему не звонил? — Я все еще дулась, но вкупе с подслушанными мной разговорами рассказ Станислава выглядел очень правдиво, так что подостыла.

— Да я понял как сильно налажал и решил, что нам надо поговорить вживую. Был

совсем не уверен, что ты станешь говорить со мной по телефону вообще. — Он подобрался ко мне очень близко, взял мою ладонь и начал нежно-нежно целовать мои пальцы. Один за другим.

— Прости меня Алин, я был такой дурак. Простишь?

Глава шестьдесят восьмая

Босс целовал мои пальчики и спрашивал, прощу ли я его. От пальцев, согретых его поцелуями, по руке бежали электрические разряды, зажигая во мне внутренний отклик, так что когда он потянулся к моим губам я даже не сразу его оттолкнула.

— Я подумаю. — Вывернуться из кольца его рук и сбежать подальше, подальше от его губ, таких настойчивых, таких сладких.

— Только не очень долго, пожалуйста!

— Кстати, ты знал, что твой друг-адвокат считает меня неподходящей для тебя партией?

— В смысле?

— В смысле когда мы обсуждали развод мне было сказано, что дескать, тебе нужна женщина хотя бы твоего круга, а не... Разведенка с прицепом.

— Он так прямо и сказал? — Станислав подобрался, как зверь перед прыжком, а глаза его нехорошо сверкнули. Ох и не завидую я крючкотвору.

— Нет, он же не дурак. Но намек был более чем прозрачен, поверь.

— Я разберусь, — пообещал он таким тоном, что мне захотелось сгладить ситуацию. Еще убьет ненароком...

— Еще я подслушала один разговор, нечаянно. И вот в нем меня обзывали разведенкой с прицепом уже прямо этими словами. — и я пересказала Станиславу разговор между крючкотвором и его сестрой. Что ж, Саня, ты попал. Внутри меня поднималась мрачная волна предвкушения мести чужими руками.

— Я его убью, — Станислав попытался рвануть из приемной и я дернулась — реально убьет. Но тут мне повезло: стул, которым была подперта дверь, застрял и не вытаскивался.

Некоторые вещи, например, вытащить застрявший стул, нельзя сделать рывком. Только медленно и глядя, что делаешь. Минут через десять попыток мы таки смогли выйти из приемной, даже ничего не сломав.

— Можно, я провожу тебя домой? — Станислав остыл и уже не рвался убивать своего друга.

— Вообще у меня уже есть провожатые, — я не собиралась сдаваться так просто.

— Тома с мужем? — Ну да, сложно было не догадаться.

Чувство неловкости повисает между нами и заставляет молчать всю дорогу до сказочного леса на первом этаже, где меня перехватывают девочки из бухгалтерии, а Станислава — один из его замов. Нас растаскивают по разным сторонам зала и я этому даже рада. Будет время подумать.

— Аalinka, так ты с боссом?

— А как он, ну, ты понимаешь?

— У вас роман, да?

Не знаю, как я отбилась бы от девочек, если бы не Тома, заметившая, что я попала в их хватку как кур в ощи́п и пришедшая мне на помощь.

— Зайки мои, как я рада вас видеть, — пусть Тома и ушла на пенсию уже пару лет как, но все еще была знакома с большинством обитателей нашей бухгалтерии, так что ей удалось перетянуть огонь на себя, а я тем временем ускользнула.

Вечер был скомкан и испорчен, хотелось домой и только домой. Я было стала искать

глазами Борисыча. Найду, спрячусь за его широкую генеральскую спину и попрошу увезти меня отсюда.

Вместо этого я натыкаюсь на своего адвоката.

— Алина, — он улыбается и разводит руки, будто собираясь заключить меня в объятия, — рад вас видеть. Как там здоровье вашего мужа? Насколько я знаю, вы очень о нем печетесь, — он понизил голос и заговорщицки продолжал, — говорят, сильно больше, чем вообще стоило бы о БЫВШЕМ муже.

— Насколько я знаю, — подхватываю я его тон, — вы решили, что вправе решать за своего друга, кто ему подходит, а кто нет. Какие просьбы и бумаги передавать, а какие нет. Не боитесь последствий?

— Не знаю, кто вам такое наплел, — пренебрежительно фыркает он, — только это все полная туфта.

— Разве? — увлеченные перепалкой мы не заметили, как к нам подошел Станислав. — Полная туфта говоришь?

Глава шестьдесят девятая

— Так ты считаешь, что замылить важные документы и не сказать дорогому для меня человеку, куда я пропал — полная туфта? — Станислав наступал на адвоката, а тот, моментально заткнувшись, испуганно пятился. — Расскажи мне, Саш, почему тебе вдруг показалась хорошей идея запретить меня почти на неделю в доме с твоей сестрой? Особенно после того, как она бросила меня накануне свадьбы.

— Славка...

— Что Славка?! Ты считаешь так поступать с лучшим другом — нормально, да? Полная туфта?

— Да я не это имел в виду! — Александр оттолкнул моего босса и немного отошел. Стас не стал ему мешать, подошел ко мне, и встал, сложив руки на груди. — Ладно, ладно. Я был не прав. — Начал Саня. На нас уже стали коситься.

— Что тут происходит? — Борисыч вернулся с танцпола, под руку с Томой.

— Да полная туфта! — Станислав просто не мог не подлить масла в огонь.

— Да ничего такого не произошло! Просто понимаешь, она пришла ко мне вся в слезах, умоляла помочь, ведь она моя единственная сестра. Уверяла что любит тебя, а ты крутишь роман с какой-то... — Тут он запнулся.

— Разведенкой с прицепом? И ты посчитал это достаточным аргументом для того, чтобы обманом удерживать меня в ваших богом забытых околицах?

— Да, я был не прав, я подвел тебя! Но на тот момент мне это казалось лучшим выходом!

— Так это его ты подвел?! — В наш маленький кружочек ворвалась нарядно одетая фурия с внушительным декольте. — Ты меня подвел, меня! Ты должен был с ним поговорить, сделать что-нибудь! — Сестрица нашего крючкотвора подлетела к нему и попыталась съездить ему по зубам крепеньким таким кулачком. Но он уклонился.

— Прекрати.

— Ах прекрати!

Дальше все как в тумане. Вот Саня все таки отхватывает от сестры, складывается пополам, а она несется к вестибюлю и на выход, мы зачем-то бежим следом и все заканчивается визгом тормозов. Как в замедленной съемке я вижу бегущую бывшую невесту, несущуюся прямо на проезжую часть и какое-то запоздавшее авто, что сбивает ее прямо у нас всех на глазах.

— Неет! — Слышу я сзади себя истошный мужской вопль и Александр бросается к сестре.

Ко мне домой нас со Станиславом отвез Борисыч.

Настроение у всех было подавленное, вовсе не такое, как должно быть после новогоднего корпоратива, на котором ты выигрываешь кучу призов и звание королевы бала.

Зато ровно такое, как и должно быть после того, как ты становишься свидетелем аварии. Без смертельного исхода. Пока что... Бывшая невеста Стаса получила множественные травмы и пока что была на срочной операции.

Мужики на этом фоне как-то... Не помирились, нет, но сразу собрались и действовали очень слаженно, было видно, что они действительно давно знают друг друга, привычно

страхуют один одного в стрессовой ситуации, не дублируя действия.

Сейчас Александр был с сестрой в больнице, а Станислав метался по моей квартире как раненый зверь.

— Сядь, — я сняла верхнее кружевное платье и осталась в серебристом нижнем, облегающем меня как перчатка, — на вот, выпей воды, — протягиваю ему стакан, он буквально залпом выпивает воду, садится на диван и обхватывает голову руками.

— Зачем я вообще затеял эту свару...

— Ты не виноват, — сажусь рядом и глажу его по спине, под пальцами даже сквозь пиджачную ткань чувствуется, как напряжены мышцы.

— Виноват. — Слово падает, как камень в пропасть, отдаваясь эхом и порождая отчаяние. — И перед тобой, и перед Саней, я облажался.

— Так бывает, но ты не должен забывать, что в истории с твоим другом облажался не только ты.

— Но я сильнее. Я должен был понять что что-то не так не к концу недели, а гораздо раньше.

— Ты две недели спал по четыре часа, — насмешливо фыркаю, — тебя тогда могли сомалийские пираты спереть прямо со столом, ты бы заметил подвох только когда словил бы морскую болезнь. — Продолжаю его гладить и чувствую как постепенно закаменевшая его спина начинает отзываться на мою нехитрую ласку. — В конце концов, Стас, ты кем себя возомнил, господом богом всевидящим и всезнающим?

— Но я...

— Но ты на сегодня все, подождем еще немного новостей и будем спать. Ты спишь на диване.

— Хорошо. — Тут он как будто только замечает, во что я одета. — Ты такая красивая... — Проводит пальцами по металлизированной ткани, вдоль подола. В этой ласке нет ничего эротического, но у меня по ногам тут же ползут мурашки.

Надо сбежать.

— Я... я в душ.

Говорю, и сбегаю, даже забыв взять сменную одежду, так что выхожу из душа спустя минут десять в одном полотенце, надеясь незаметно перебежать в спальню.

Но только выхожу в коридор, как оказываюсь в объятиях Станислава.

Глава семидесятая

Утро воскресенья определенно удалось.

Был полдень, из кухни доносились запахи свежей выпечки и негромкая музыка. Я потянулась, вспоминая прошлую ночь, с лихвой компенсировавшую мне неприятности предыдущей недели, и поднялась.

Станислав ваял пироги. Честное слово, не знаю ничего сексуальнее, чем мужчина у плиты на кухне.

— Доброе утро, — я не успела даже присесть за стол, как передо мной уже стоял свежайший кофе.

— Но как?!

— Да я слышал как ты возилась в кровати, — подмигнул мне мой босс.

— Учти, я тебя еще не простила. — С этими словами я забрала кофе и ушла на балкон, мерзнуть и просыпаться.

А он только улыбнулся мне вслед. И не боится, вы только посмотрите!

Ко второму кофе, который я пила уже за столом, никуда не убегая, меня ждал киш с лососем и пирог с рикоттой и малиной.

— Теперь ты меня простишь? — Подлизывался Стас, ставя передо мной тарелку.

— Я подумаю! — Очень хотелось его еще помурьжить, но мое довольное лицо выдало меня с головой. Пришлось прощать, уже официально, с закреплением поцелуями.

Уже ближе к вечеру я отправлялась к свекрови, забирать Андрея, а Стас домой, ему надо было разобраться с бумагами, так некстати затерянными бывшим лучшим другом.

— Имей в виду, я прощаю тебя в первый и последний раз! — Честное слово, быть строгой между поцелуями очень сложно, но я сумела. Где мой главный приз за актерский талант?

— Я тебе клянусь, так глупо и нелепо я облажался в первый и последний раз, — и если я внутри себя улыбалась и говорила почти не всерьез, то Станислав был серьезен как никогда. — Я клянусь тебе, любимая моя Алинка, куда бы я не попал дальше, в какой бы переплет, если я буду жив и в сознании — ты узнаешь первой.

— Так, — я немножко даже струсилась, — давай только если тебя надо будет спасать — сразу все таки спасатели узнают, а я уже буду второй. Но только если надо спасать!

— Договорились!

Близился Новый год. На улицах все было в огнях, радостные люди тащили елки и подарки, но меня это не слишком радовало.

Из больницы нам не звонили и не звонили. Я уже начинала волноваться, потому что объяснять Андрею, куда делся его отец, становилось все сложнее с каждым днем. У них была ежегодная традиция — поход на новогоднюю елку, но в этом году продолжить ее явно не удавалось.

Я не выдержала и позвонила сама, Борисычу.

— Алинка, рад тебя слышать, как ваши дела?

— Да вот, думаем над походом к большой елке на площади, но у Андрея уже возникают вопросы, когда же он пойдет туда с папой, а из больницы нам пока не звонили.

— Я сам наберу на днях, но уверен, все хорошо, все работают, не покладая рук. Ты не

волнуйся, Новый год через три дня. Лучше скажи, вы ж с Андрюхой и Петровной к нам в гости придете?

— Мы будем очень рады! — Это было неожиданно, но я решила не отказываться. В компании праздновать всегда веселее, тем более, в такой приятной.

— Хорошо. Тома там тебе собиралась звонить сама, но раз уж мы говорим, то я ее опередил, — Борисыч довольно похехекал. — ДобрО, ждем вас тогда.

— До встречи!

Я сделала еще пару звонков, допила свой кофе, расплатилась по счету и вышла на улицу, в огни и толпу людей с подарками. Мне тоже предстояло найти и купить подарки и я предвкушала этот момент, идя по направлению к одному из самых больших торговых центров.

Но в нашем городе, как оказалось, случайные встречи — наше все.

— Здравствуйте, Алина! Да подождите, подождите же! — расталкивая прохожих ко мне стремился Саня, бывший лучший друг Станислава.

Глава семьдесят первая

— Алина, подождите! — За мной по пятам спешил Саня, бывший лучший друг Станислава.

Признаться, последний кого я ожидала встретить здесь, был мой бывший адвокат по разводам. Так что я очень бодренько начала от него уходить, старательно делая вид, что мы не знакомы и вообще, но он оказался настойчив.

— Алина, да Алина же! — Он догнал меня и схватил за руку.

— Что вы себе позволяете! — Я стряхнула его руку и буквально отскочила от назойливого мужчины вбок, врезавшись в какого-то прохожего. К несчастью тот оказался нетрезв и агрессивен.

— Что ты тут пинаешься! — С этими словами меня оттолкнули и я полетела прямо на Александра. И упала бы, не подхвати он меня.

— Я просто хочу поговорить. — Крючоктвор крепко меня держал, мы стояли очень близко и я упиралась носом ему в пуговку пальто.

— Ладно. — Я сдалась.

Меня тут же взяли в оборот и буквально затолкали в одну из лучших кондитерских города.

— Что вам заказать? Кофе, чай?

— Ничего, я только что из кафе.

— Девушка, нам воду, пожалуйста, и... — дальше пошли названия пирожных, кажется, передо мной собрались серьезно извиняться, с подкупом.

— Ладно, давайте мне чай, — я сдалась.

— По крайней мере, вы хотя бы перестали убегать. — Улыбка у него была очень грустной и какой-то вымученной. — Мне правда очень надо с вами поговорить, хотя бы для того, чтобы извиниться.

— Извиняйтесь, — я постаралась не выдать своего удивления. Что все таки надо от меня этому человеку?

— Я был не прав... Да я кругом был не прав, — вздохнул Саня. — Я хотел помочь сестре, но в итоге потерял все, что имел, даже моя практика сейчас под большим вопросом, потому что Славка и его фирма были моим самым крупным клиентом.

— Послушайте, — я начинала сердиться, — это как-то мало похоже на извинения, а я не ваш психотерапевт и слушать ваше нытье про потерю практики не намерена.

— Стойте, стойте! Я сейчас нормально все объясню. — Он примирительно выставил вперед ладони, а там и официантка подросла, с чайником цветочного чаю и подносом, уставленным тарелками с разными кондитерскими изысками. У меня аж глаза разбежались.

— У вас минут пятнадцать от силы, — предупредила я. А потом у меня закончится место в желудке.

— Я был не прав! — Нача Саня ту же пластинку, но в этот раз не съехал в “я бедный несчастный и пострадал”. — Я не должен был вмешиваться в ваши отношения со Славкой и пытаться вас развести.

— Нет уж, развести вы меня как раз должны были, — я даже фыркнула в чай, до того это было забавно, — просто не со Стасом. И это перед ним вы в первую очередь должны извиняться.

— Я пытался, — он помрачнел. — Но он меня игнорирует. Не отвечает на мои звонки, не пустил меня в здание и вообще, избегает изо всех сил.

— Вы его предали и очень сильно подвели, ничего удивительного. Я бы тоже вас игнорировала, но это оказалось очень сложно сделать.

— Просто мне очень повезло, что вы не сумели меня проигнорировать, — сказал Саня очень серьезным тоном. — Что я могу сделать, чтоб загладить свою вину перед вами?

— Ничего. — Я доела очередное пирожное и облизнулась. — И не ждите, мирить вас со Стасом я тоже не буду.

— Хотя бы просто передайте, что я очень сожалею о своем поступке. Я чуть не потерял сестру, которая лежит сейчас после аварии в реанимации, не хочу потерять еще и лучшего друга.

— Передам. — Я собралась уходить. — Но не стану ни настаивать, ни обелять вас в его глазах. Этого не ждите.

Никаких подарков мне после этого разговора покупать не хотелось, так что я вызвала такси и уже почти у своего дома набрала Стаса.

— Привет. Можешь ко мне приехать? Нет, Стас, нет! — После того воскресного утра предложения, которые он озвучил, были ожидаемы, но я все равно покраснела. — Нам просто надо поговорить. Да, жду.

Поднялась, переоделась в легкие широкие брюки, которые вроде как спортивные, но вместе с тем все же — брюки, облегают все что надо, скрывают тоже все что надо. Любимый голубой свитер, причем и мой, и Стаса, и вот я уже готова к нашему маленькому не-свиданию.

— Ты его не простила, помнишь? — Говорю сама себе в зеркало. — Не простила. Он еще тебе должен как минимум платьюшко!

Звонок в дверь, иду открывать.

Глава семьдесят вторая

Ну вот и как его не простить?!

Сначала в дверь вошел огромный букет тюльпанов, буквально — ведро! И только за ним ввалился Станислав.

— Я решил, что так завоевать твоё окончательное прощение будет легче! — С этими словами меня наградили ведром.

Ну то есть натуральным таким оцинкованным ведром, которое в деревнях к колодезному вороту привязывают, полным нераспустившихся, полураспустившихся и вовсе цветущих тюльпанов всех мыслимых и немыслимых цветов и оттенков.

— Стас, сколько же тут их?! — Я не смогла удержать это благоухающее великолепие, только на пол аккуратно поставила, для чего пришлось встать на колени.

— Не знаю! — Он выпутывался из рукавов куртки одной рукой, смешно прыгая. В другой же держал ещё какой-то пакет. — Наверное, сто или около того, я просто все что были забрал. Там знаешь, оптовый цветочный?

— Знаю, — я правда знала этот цветочный, большой, с огромным холодильником для срезанных цветов. Очень любила туда ходить, вроде как говоришь что пошла в строительный, а сама в цветы!

— Вот! Я туда зашел, все это богатство собрал, обнаружил что тюльпаны не розы, их так просто не дотащишь, сходил, купил ведро. Спорим, такой отличной оригинальной вазы тебе никто ещё не дарил!

— Да уж, — я разулыбалась, — да и такого количества цветов за один раз тоже ещё никто, только ты!

Совместными усилиями мы освободили Станислава от куртки, после чего я обнаружила, что в руках он держит пакет с китайской едой.

— Боже, где ты это достал! — Я оттащила отбитую с боем еду на кухню и теперь совала нос то в одну коробочку, то в другую, — пахнет просто божественно!

— Секрет! Если я тебе его открою ты сама будешь это все доставать, а меня не простишь, поэтому давай есть, пока не остыло. — Он увернулся от метко брошенной диванной подушки и сцапал кусочек хрустящей курочки.

— Ладно, но ты мне должен ещё три таких ужина, — ворчала я, поднимая подушку и укладывая на диван. Я их только пару дней как купила, жалко разбрасывать.

— О чем ты хотела поговорить? — Мы съели все, что притащил Стас и теперь лежали, я на диване, а он снизу, на ковре, сытые и немного надутые, как тюлени, лентясь пошевелиться.

— О том что я придумала как ты заслужишь прощение.

— Эй, а как же еда и ваза с цветами? Это что, мало что ли? — мой босс валялся на ковре, смотрел на меня глазами котика из Шрека и старательно делал вид, что обижен.

— Мало! — Я не удержалась, расхохоталась и съехала по скользкому кожаному боку дивана на ковер, в объятия Стаса.

— Нас с Андрюхой и Анной Петровной пригласили встречать Новый год к Томе с Борисычем.

— Ага, ну у них хорошо будет, тем более Андрею, насколько я помню, очень нравится возиться с их псом.

— Да, у них прям любовь. Я с ужасом понимаю, что вскоре придется тоже собаку

заводить. — Я повозилась, удобнее устраиваясь в объятиях Стаса, а он стащил с дивана еще одну подушку и засунул уже мне под бок. На телевизоре стояла заставка со звуком и видом камина, если не слишком приглядываться, то можно представить, что мы в доме у озера, на турбазе.

— Почему с ужасом то?

— Потому что я никогда не хотела собаку и ничего о них не знаю! Но я о другом. Надо же всем купить подарки, я сегодня собралась, но не смогла, так что мне нужна твоя помощь.

— Помогу тебе ограбить магазины подарков и я прощен? — Уточнил босс, смачным чмоком целуя меня в ухо.

— Ай! Нет, не после того как у меня в ухе зазвенел целый вагон новогодних колокольчиков! Еще будешь таскать купленное и с тебя платюшко!

— Два!

— Два мне пока класть некуда, у меня шкафа нет. — Стас многозначительно начал мне подмигивать, — нет, мне не нужен шкаф, он мою спальню и не влезет. Нет Стасик, не уговаривай!

— Ладно, договорились. — Он “сдался”.

— Хорошо то как, — я лениво потянулась, — а то я сегодня хотела все купить, но смогла только кофе попить с пирожными.

— Такая толпа?

— Нет, твой засранец-адвокат.

— Что?! — Со Станислава будто сдуло ленивую негу, он резко сел на ковре, весь подобрался, как хищный зверь перед прыжком. — Что сделал этот мерзавец?!

— Да ничего он не сделал, тихо ты. — Я поворочалась, подгрребла себе все подушки, улеглась поудобнее на живот и продолжила. — Он накормил меня пирожными, напоил чаем и рассказал душещипательную историю о том, как он сильно сожалеет. Очень извинялся, говорил что был не прав.

— И ты его простила? — Стас подозрительно прищурился.

— Ага, а еще послала нафиг. Мне нет разницы прощать его или нет, я не собираюсь с ним больше общаться никогда и Ни. За. Что. Хотя пирожные были вкусные, — и я мечтательно вздохнула.

— Я тебе хоть всю кондитерскую скуплю, — Стас стащил меня с подушечного ложа и захватил в кольцо своих рук, — только не общайся с ним, ладно?

— Да я и не собираюсь, — я подышала ему в шею, щекоча. — Только знаешь, он прямо реально очень расстроен был, не удивительно. Сестра в реанимации, лучший друг ненавидит, работы нету. Мужик из-за собственной глупости и снобизма крепко влип.

— Его никто не заставлял. Мог бы рассказать мне, что сестрица затеяла, я бы придумал как разрулить так, чтоб она больше ко мне не подошла, а ему за это ничего не было.

— Что значит смог бы разрулить?!

— Не знаю, сказал бы например, что уже женат, да и дело с концом.

— На ком это еще?! — Я возмущенно начала пытаться выползти из его объятий, но меня немедленно поймали, замотали в валявшийся рядом плед и чмокнули в нос.

— На тебе конечно!

Тут то я его и простила

Глава семьдесят третья

Не сразу, конечно, простила.

— Что значит на мне? Ты мне предложение не делал!

— Ну вот, делаю.

— А на колено встать? А кольцо?

— Алин, я вообще лежу! Куда уж ниже. — Нас обоих эта ситуация забавляла донельзя. — Кольцо же давай завтра выберем? Я заметил, что ты свое обручальное на работе не носила раньше, почему?

— Да... — Не хотелось очернять бывшего мужа, но из песни слова не выкинешь. — Виталик очень экономный был когда мы встречались, а потом поженились. С одной стороны это было очень классно — мы быстро купили большую квартиру, хоть и зарабатывали не очень много. С другой вот так вот неудобно... Кольцо он купил на скидке и моего размера не было. Зато золотое, как он сам говорил.

У Станислава даже слов не нашлось, только известный жест рука-лицо.

— Ей богу, Алин, я пошлю Таньке цветы в благодарность. Иначе жил бы и не знал какая ты.

— А какая я? — меня тут же поцеловали в нос, отчего я расчихалась.

— Нежная, красивая, умная и очень, очень мне подходишь, — и Стас тут же показал как именно я ему подхожу.

— Так ты выйдешь за меня? — Он решил все таки уточнить.

— Да! Но с одним условием.

— Каким?

— По выходным готовишь ты!

— Заметано!

На завтра утром свекровь увела Андрея на елку, а мы с моим боссом поехали за подарками.

— Сразу мы идем в самый главный магазин! — Сказал Станислав и потащил меня в ювелирный.

Сначала мы рассматривали обручальные кольца:, гладкие, с насечками, с бриллиантами такой стоимости, что мне даже примерять страшно было, не помогли и уверения Стаса, что он с такого не разорится, даже если я буду их регулярно терять.

Я решила отвлечься и походить по магазину просто так, рассматривая другие украшения. И зависла над одним из колец: овальный сапфир с интересной огранкой. Тут же ко мне подошла девушка-консультант.

— Вам показать?

— Да, вот это, — не носить так хоть потрогать!

— Прекрасный выбор! — Консультантка тут же начала мне его продавать. — Это кстати, обручальное кольцо, — отметила она, почти незаметно косясь в сторону Стаса, который услышал слово “обручальное” и тут же отвлекся от созерцания мужских печаток.

— Обручальное? — Он рассматривал камушек немалых размеров и стоимости, но все равно дешевле чем та россыпь бриллиантов, которую он предлагал мне парой минут ранее.

— Да, это единственный экземпляр, он на самом деле идет в паре, — консультантка

порылась в ящике за витринами и вытащила еще одно, тонкий ободок с инкрустированным бриллиантами выступом, в который идеально ложился острый кончик сапфира.

— Боже, как красиво, — я не смогла сдержать очарованного вздоха, к тому же кольцо было в точности моего размера, не мало и не велико, в самый раз.

— Тебе нравится? — Спросил Стас, беря мою руку в свою и любясь тем, как све играет в камнях на моем пальце.

— Очень! Но два... Девушка, а почему два?

— На самом деле... — Она замялась. — На самом деле их три, сверху еще одно, такое же как нижнее.

— А почему так? — мне правда было любопытно.

— Вот это нижнее, — консультантка показала на колечко с выступом, — это помолвочное. С камушком — обручальное. А верхнее дарят уже на годовщину, у кого на какую денег хватает, кто на первую, кто на пятую.

— Берем? — Стас смотрел на меня, многозначительно доставая портмоне.

— Берем, — тихо выдохнула я, не в силах расстаться с этим великолепием на моем пальце.

— А третье у вас есть? — Спросил босс, пока консультантка искала коробочки.

— Нету, третье только под заказ, — у девушки сделались очень несчастные глаза, видимо, не первый раз сделка срывалась из-за отсутствия третьего кольца.

— Давайте оформлять заказ заодно. — Консультантка тут же встрепенулась и радостно побежала за нужными бумажками.

— А ты что выбрал? — Спросила я Стаса, беря его под руку.

— Да мне печатка одна приглянулась, — признался он, — пошли, покажу. Только она как-то на вид совсем не обручальная, конечно.

Крупная печатка и правда мало походила на принятые у нас обручалки — тонкие и не очень ободки золота. Сложной формы оправа обрамляла крупный синий камень.

— Но это же...

— Ага, сапфир, как и в твоём кольце. Так что, я надеюсь, тебе тоже нравится.

— Очень!

— Девушка, — позвал Станислав консультантку, — нам бы еще и вот это.

Вышли мы из ювелирного переговариваясь, решая, куда идем завтракать, хотя уже было время обеда.

— Я должен тебе кое в чем признаться, — вдруг сказал Станислав, когда мы уже сделали заказ.

От автора: Примерно такие вот колечки выбрали Станислав и Алина:

Глава семьдесят четвертая (часть 1)

Когда Стас сказал, что должен мне в чем-то признаться — моей первой мыслью было “Ну что опять?!”

— В чем? — Я нацупала ремешок сумочки, чтоб если что — убежать. С меня хватит!

— Меня тоже пригласили к Томе на празднование Нового года. Так что мне очень нужна твоя помощь: я не знаю что дарить!

— А когда это тебя пригласили? — Я все еще была насторожена, но очень старалась задать вопрос спокойно, не выдавая бурлящие внутри чувства.

— Да вчера поздно вечером Тома написала в чат, я сказал что подумаю, но мне уже надо дать ответ. Я очень надеюсь, что ты не против.

— Я не против! — Внутри я сдулась как воздушный шарик, все напряжение будто бы испарилось. Никаких секретов, никаких тайн у него нету.

— Тогда ты мне поможешь?

— Конечно! — И пока мы наслаждались обедом я кратенько расписала кому и что нравится, потому что хоть Стас и общался с Томой, но я гораздо ближе, все таки.

От автора:

Дорогие читатели, к сожалению, я приболела, попав под дождь. Поэтому сегодня вот такой маленький кусочек, чтоб вы не совсем заскучали. Лечусь горячим чаем с медом и надеюсь завтра уже написать нормальную часть главы.

Делитесь, что бы вы хотели еще прочесть?)

Глава семьдесят четвертая (Часть 2)

Часть подарков мы упаковали сразу, а часть — дома, проведя прекрасный вечер втроем с Андрюхой, который помогал по мере сил, больше мешая, но зато остался в полном восторге от процесса.

Новостей о Виталике все так же не было, но Борисыч уверял меня что это хорошо, было бы плохо мы бы уже знали.

Тома нагрузила меня заданиями, а я, недолго думая, переложила их на Станислава: пусть готовит! И мой будущий муж превзошел сам себя. В итоге мы тащили в гости: два огромных пакета с подарками, мою свекровь, Андрюху в обнимку с косточкой для Бульки, перевязанной ленточкой. Я была против, но сын уперся и едва согласился даже на простую упаковку в прозрачную плёнку. Пришлось уступить.

Кроме всего этого у нас было еще полбагажника каких-то судочков, контейнеров и огромная кастрюля, в которую мне даже носа сунуть не дали. Мое участие свелось к покупке шампанского и хакахе салатов в любимой кулинарии. Тоже нетривиальная задача, потому что перед праздниками таких же лодырей, как я, оказалось две тележки и вагон. Меня записали только как очень давнюю и постоянную клиентку.

Борисыч встречал нас во дворе, в компании пса. Андрюха так радостно стремился к своему четвероногому другу, что из машины буквально выпал в сугроб у обочины, Стас только четырехнулся. А мой неугомонный сын быстренько поднялся с четверенок и резво побежал обниматься с псом. Наряженный в новогодний свитер Борисыч даже расхохотался.

— Только ты так больше из машины на ходу-то не выпрыгивай, — когда мы подошли Андрюху как раз отчитывали за излишнюю резвость.

— Да я не мог уже больше ждать! — Воскликнул Андрей, пытаюсь увернуться от собачьей любви.

— Надо почаще приезжать, Алина, — отчитали уже меня, пока я придушено попискивала откуда-то из недр Борисычева свитера, утонув в его объятиях.

— Я постараюсь чаще привозить, — пообещал Станислав.

Клянусь, дальше мы таскали судочки и все остальное целый час, наверное.

Оглядев довольно таки немаленькую кухню Станислав, приперший остаточное количество каких-то совсем уж мелких контейнеров, предложил:

— Может, все-таки, перенесем стол в гостиную? Мне кажется мы все здесь не влезем толком, только будем друг другу мешать.

— Да уж, — Борисыч согласна почесал затылок, — я уже и позабыть успел что такое большое застолье. Тома! Тома!

— Что такое? — Тамара вплывала в кухню, неся на блюде свой фирменный холодец, видимо, застывавший на балконе. Она ловко увернулась от сборного отряда из Андрюхи и пса и всучила блюдо своему мужу.

— Нам нужен стол! — Возгласил Борисыч, и поставил холодец на подоконник. — Ты не помнишь куда мы его на хранение спрятали?

— В подвал. Только переоденьтесь, — Тома критически осмотрела нарядных мужиков, — а то у нас будет стол и два маленьких чумазеньких чертенка. А мы пока чаю поьем. Девочки...

Андрюха увязался за Борисычем в подвал. Невозможно было даже помыслить о том,

чтоб запереть его тут, под женскими юбками, в безопасности и... Скуке.

А там его ждали новые открытия, клады и много-много пыли.

Мы же сели пить чай теплой женской компанией.

— У меня новость, — Тома поставила на стол к чаю блюдо с маленькими, на один укус тарталетками, начиненными сливочным сыром, икрой, креветками и красной рыбой.

— Надеюсь, хорошая, — я прицелилась и подхватила ту, что поближе, с мазком черной икры на макушке и желтым солнечным лимончиком.

— А то. Прооперировали вашего охламона вчера. Правда пока в сознание не приводят, говорят, с завтра начнут потихоньку снимать с седации. Нельзя резко, он же считай больше недели на успокоительных.

— Ох, — свекровь схватилась за сердце, — радость то какая, только капель накапайте.

— Опять вы свои таблетки не пили? — Я постаралась говорить очень строго. Не так давно Борисыч устроил Анне Петровне визит к одному светилу кардиологии, куда я безуспешно пыталась записать ее пару лет уж как. Теперь моя свекровь пила какие-то новые таблетки три раза в день, а капли ей сказали постараться не принимать совсем. Иногда она, правда, забывала, приходилось следить.

У меня же оставалось четкое впечатление, что я воспитатель в большом детском саду.

— Пила, пила, но иногда и капли можно, когда как сейчас!

Говорили мне, что у капелек этих может быть эффект привыкания, говорили...

— Держи, — Тома на правах хозяйки дома выдала капельки, правда, в стакан сама накапала, половинную дозу. — И отвыкай, Ань, нехорошее это дело.

— Да уж теперь точно придется!

— А Татьяне сказали? — Шепотом поинтересовалась я у Тома, когда мы потащили в гостиную тарелки и приборы, сгрузить на приставной столик.

— Нет, я решила что это ваши дела и нечего в них лезть без твоего ведома.

— Надо, наверное, позвонить. Все таки она беременна, волнуется небось.

— Добрая душа ты, Алина, — Тома приобняла меня за плечи.

— Я просто счастлива, Том, и делить с ней мне больше нечего, вот! — И я показала ей колечки, что носила сегодня на цепочке на шее, чтоб не изгваздать во время подготовки. — Стас сделал мне предложение!

PS: Дорогие читатели, к сожалению моя болезнь растянулась сильно дольше, чем я могла ожидать. Нынче я в процессе восстановления, поэтому остальные главы будут выходить через день. Но не переключайтесь) Пока я не могла писать — придумала о чем будет следующая книга и после эпилога вас ждет анонс!

Глава семьдесят пятая

— Поздравляю, дорогая! — Тома обняла меня крепко-крепко. — Ты правда заслуживаешь самого лучшего. А Стасик показал себя взрослым и ответственным.

— Это да. Только вот то его исчезновение на неделю все еще... Царапает так, Том. А вдруг и дальше будет?

— Если ты прямо сомневаешься, — Тома доставала бокалы из старой, еще советской стенки, стоявшей в торце комнаты и не смотревшейся огрызком ушедшей эпохи, — то свадьбу назначьте на лето. Тем более я помню, ты первый раз замуж выходила без платья и фаты.

— Это да, — я фыркнула, вспомнив свой бежевенький костюмчик и дешевые босоножки. — А хотелось, знаешь. Такое, пышное, как торт. Все плюются, дескать фу, колхоз, а я хочу быть похожа на пирожное!

— Ну, не все плюются. Я тут намедни в одной из соцсетей наткнулась на арабские свадьбы. Куда там пирожному, там целая кондитерская разных расцветок, а невеста так целый торт. Трехярусный.

Я тут же представила себя внутри торта жопой. Бррр. Платье, правда, захотелось с утроенной силой.

— Так то небось арабские принцы.

— Пф! — пришла очередь Тома фыркать, — ну у тебя мало не арабский принц.

Хотелось возразить, но тут в коридоре что-то глухо стукнуло, затопотало и мужики втащили в гостиную кучу каких-то палок.

— Дорогая, даже не вздумай ворчать, — Борисыч шел на опережение, — Мы все протерли еще в подвале. Да, чистыми тряпками, нет, разводов не будет.

— Ах ты ж, — Тома всплеснула руками, — хитрый жук в погонах!

— Все, все, — Борисыч ухватил ее, закружил и поцеловал.

— Ты холодный, — она взвигнула совсем как девчонка, отбиваясь от его жадных рук, а я подумала, что вот, я тоже так хочу, чтобы спустя столько лет в канун нового года муж меня обнимал совсем не за талию.

И тут же мое желание сбылось: я пятилась к выходу, не отрывая глаз от обнимающихся хозяев дома и влетела прямо в объятия Станислава.

Не знаю как там через двадцать лет сложится, но прямо здесь и сейчас мне очень, очень нравится.

— А я Томе сказала. — Мы остались вдвоем ненадолго и я стояла, уткнувшись носом в воротник Стаса и вдыхала его запах, смесь мыла, парфюма и пота. — Ну, про кольца.

— Хочешь, сделаем объявление?

— Не думаю, что это хорошая идея, вот так. Я конечно Андрею объяснила, но он все равно еще очень маленький и мне кажется, что вот “мама встречается с кем-то” в его голове никак не связано с тем, что этот кто-то будет жить вместе с нами.

— Логично. Что тогда будем делать?

— Ну... — Я задумалась, — думаю, после нового года нам стоит чаще видеться в присутствии Андрея.

— Да я и раньше был не против, — Станислав был какой-то ошарашенный.

— Ну вот как-то, не получалось. Но теперь вроде все решилось...

Вечером мы устроили собственный салют.

Долго шли до конца района, на пустырь. Мимо сияющих окон, мимо веселящихся людей, новогодних витрин. А на пустыре Стас поставил коробочку с зарядами, поджег и побыстрее отбежал.

Почти десять минут и пятьдесят залпов, расцветающие в небе звезды, птицы и разноцветные шары. Как ожившая сказка.

А когда мы шли назад, так, чтоб к курантам уже быть за столом, пошел снег. Андрюха ехал у Станислава на шее и разевал рот пошире, чтоб как можно больше снежинок залетело внутрь. Очень хотел попробовать каков на вкус “небесный снег”, еще не побывавший на земле. Уверял, что упавший и с веток это не то.

Громких объявлений мы не делали, но как-то за столом беседы текли спокойно и медленно, как будто у нас есть все время этого мира. И все обо всем узнали.

О том, что Виталика прооперировали и Анна Петровна не останется без сына, а Андрюха без отца.

О том, что мы со Станиславом решили сделать наши отношения серьезными и где-нибудь к лету узаконить.

О том, что отличным подарком было всем подарить путевки на ту турбазу, где у Стаса свой домик.

О том, что снег идет. Новый год наступил. И может, в этом году у всех все будет хорошо.

А вот и платье)

Эпилог (ч1)

— Андрюха, слезь, не прыгай по кровати! Папу нельзя трясти. — Я пытаюсь стряхнуть мелкого сорванца с больничной кровати. Пусть широкой, вип-палата, все дела, но все же не двуспальной.

— Да пусть прыгает, — Виталик, улыбаясь, смотрит на сына. — Вытянулся так пока я тут по больницам валяюсь.

Он похудел, щеки ввалились, глаза запали и смотрится странно с бритой налысо головой, все еще перетянутой бинтом. А еще этот виноватый взгляд.

Опухоль оказалась небольшой, но давила на какие-то участки мозга так, что провоцировала вспышки агрессии, ярости и те самые мигрени, которыми мой бывший муж мучился еще со старших классов. Хорошо еще, оказалась доброкачественной, обошлось без химиотерапии, чего мы все боялись.

— Держи, — Татьяна протягивала мне кофе. А затем потянула меня в коридор.

— Как он? — Мы приходили каждый день, стараясь не пропускать. То я, то она.

— Уже лучше, говорят, даже ел сегодня более-менее нормально.

— Надеюсь, к рождению малышки поправится достаточно, чтоб хотя бы из роддома меня забрать. — Она гладит свой округлившийся живот и, кажется, правда счастлива.

— Не волнуйся, тебе же в июне рожать, а сейчас только конец февраля. Все образуется.

— Надеюсь.

Станислав забрал нас с Андреем из больницы и мы поехали сначала в супермаркет, а потом домой. Вот уже почти две недели мы жили все вместе, втроем. Я сначала боялась, как Андрей воспримет моего босса и жениха в качестве потенциального отчима, но на удивление, они быстро подружились. Сказалась общность интересов: оба любили мультики, лошадей и готовить.

К плите меня все еще не подпускали. Разве что панкейки на завтрак сделать, в остальное время звучала фраза “маме надо отдохнуть!”. Не то чтобы я возражала, конечно.

Постепенно Стас все настойчивее и настойчивее заговаривал о свадьбе и в конце концов я согласилась, но только чтоб летом.

Стас попробовал сторговаться на апрель, уверяя, что лето он может мне организовать в любой момент, но я стояла на своем.

Мне было страшно снова попасть в ситуацию, когда он пропадет, так что я решила еще немножко потянуть.

С бывшим мужем и его бывшей любовницей, теперешней невестой у нас сложились вполне дружелюбные отношения. Не близкие, нет, упаси боже. Но я не боялась оставить на них Андрея, а большего мне и не надо было.

Март выдался солнечным и теплым. В феврале нас занесло едва ли не с головой и теперь все таяло, даже по ночам, стуча капелью по подоконнику. Иногда я из-за этого просыпалась перед самым рассветом, открывала глаза и рассматривала.

Эти темные, черные ресницы, на зависть всем девчонкам, аккуратный нос, довольно пухлые губы, четко очерченную линию подбородка, слегка припушеную отросшей за ночь щетиной.

И все это мое!

Наверное, от моего взгляда, “мое” зашевелилось и открыло подернутые сонной поволокой глаза.

— Ты не спишь? Рано еще.

— Да не так уж рано, шесть, скоро вставать, будить Андрюху в школу.

— Можно еще часик поспать.

С этими словами Стас сграбастал меня и затащил поближе к себе в одеяла.

Нет, сегодня мы пораньше встать не сумели.

И вообще на работу опоздали.

Эпилог (ч2)

— Горько, горько! — Гости радостно надрывали глотки.

Пришлось целоваться.

Если так и дальше пойдет, то к вечеру у меня губы опухнут так, что куда там тем инъекциям. Фору дам всем уткообразным дамам из запрещенных соцсетей.

Был конец августа, пахло жасмином, тем самым, арабским, а не нашим местным, который на самом деле чубушник, морем и немножко хлоркой от бассейна, куда мы со Станиславом сбежали в конце дня.

Свадьбу играли дважды. Дома — просто расписались и сделали небольшую вечеринку для широкого круга, а основную решили выпендриться и полететь на моря. Сняли маленький семейный отель, номеров на сорок. Число было не круглое, так что я все время забывала — сорок три их там, сорок пять или еще больше.

Море здесь слышно было буквально везде. Только часть пляжа была облагорожена, так, чтоб туристов не смывало волной. Волноломы, сделанные из обломков высящейся недалеко скалы, позволяли морю накатывать на пляж ленивыми длинными волнами, оставляющими после себя барашки белой-белой пены в мелком-мелком песке. Если его взять в руку, то заметишь, что каждая песчинка своего цвета и именно это дает такой яркий и немного переливчатый цвет.

Во второй части, видимой от бассейна, море было не укрощено и волны вздымались почти в человеческий рост, бились о скалы, бушевали, выбрасывали на берег камни, ракушки и ошметки водорослей. Рано утром пляж уберут, но сейчас можно было наблюдать за буйством стихии. Впрочем, какое буйство, так, ерунда.

— Они как мы с тобой. — Стас подошел ко мне со спины, приобнял за плечи и прижал к себе.

— В смысле? — На мой взгляд мы оба были спокойные и рассудительные.

— А вот, смотри, это ты и твои волноломы. На самом деле ты точно как море справа, без преград, сметешь и не заметишь даже если шторма нет. Но ты поставила границы, запоры и все думают, что ты нежный зайка. Только я знаю, что это не так, и только по ночам.

Пришлось его стукнуть.

Гости разъехались через три дня, на большее время весь отель забронировать не удалось. Бывшая свекровь и Андрюха — через две недели. Андрею было пора идти в школу, а свекрови очень уж хотелось поняньчить вторую внучку, что родилась в начале лета.

Мы со Стасом остались еще на две недели. А потом подумали, арендовали машину и двинулись вдоль побережья в сторону аэропорта своим ходом. Старые крепости, античные развалины, просто горы, на которые мне обязательно надо было залезть, даже пришлось купить трекинговые ботинки в ближайшем городе, к которому пришлось сделать крюк. Мы ехали то по оживленному шоссе, то по каким-то едва намеченным тропкам, сделанным, казалось, больше для телег, чем для машин, то по узким серпантинам горных дорог и вот что удивительно — нам не было ни скучно друг с другом. Мы не спорили о том, куда ехать, нам нравилась схожая еда люди и места, не нравились одинаковые вещи. Раньше я думала, что такие совпадения это фантазии.

Пока не встретила Станислава.

Наша со Стасом дочь родилась в мае.

Андрей, рассмотрев кружевной кулек, из которого торчал только розовый нос-кнопка, недовольно заявил:

— А давайте вы следующего мальчика родите!

Я опешила.

— Такие вещи, — осторожно начал Стас, держащий дочь на руках как драгоценную вазу, — вообще-то нельзя спрогнозировать.

— Вот и папа так сказал, — Андрюха надулся. — И у него теперь две девочки будет, а я один буду, как лопух в розарии.

Я не выдержала и взоржала.

Следующий, через два года, таки получился мальчиком, на радость и Стасу и Андрею. Обе же свекрови мои, и нынешняя и бывшая, предпочли бы еще одну внучку, а то эта уже подросла и платьвица перебирает.

То ли еще будет...

Больше книг на сайте - Knigoed.net